

**ТРИ
РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИИ
И
БУРЖУАЗНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

**Б. МАРУШКИН
Г. ИОФФЕ
Н. РОМАНОВСКИЙ**

**Б.И.МАРУШКИН
Г.З.ИОФФЕ
Н.В.РОМАНОВСКИЙ**

**ТРИ
РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИИ
И
БУРЖУАЗНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА 1977**

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М $\frac{10601-169}{004(01)-77}$ 70-77

© Издательство «Мысль». 1977

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. в России, ставшей центром международного революционного движения, произошли три революции — революция 1905—1907 гг., Февральская и Великая Октябрьская 1917 года. Все они неразрывно связаны логикой развития единого революционного процесса. Революция 1905—1907 гг. — первая народная революция эпохи империализма — была, по словам В. И. Ленина, «генеральной репетицией» последующих революционных бурь. «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, — писал В. И. Ленин, — революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»¹. В свою очередь Февральская буржуазно-демократическая революция, завершившаяся свержением самодержавного режима в крупнейшей стране земного шара, явилась непосредственным прологом Великого Октября. Таким образом, первые две революции были закономерными этапами на пути к третьей, ставшей исторической кульминацией предшествующего развития не только России, но общемировых процессов и открывшей новую эру в истории — эпоху перехода от капитализма к социализму и коммунизму. **«Победа Октября, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»².**

Беспрецедентно концентрированное и динамичное развитие революционного процесса в России, сломавшего старый общественный строй и поставившего мировую историю в новую перспективу, находится в центре политической и идеологической борьбы современности.

Великий Октябрь ориентирован не на прошлое, а на настоящее и будущее, поскольку начатые им процессы продолжают изменять лицо современного мира. Эта непреходящая актуальность революций в России начала XX в., особенно очевидная ныне, в 60-летний юбилей Октября, является главной причиной постоянного интереса к «русскому феномену» начала нашего столетия.

«Великая русская революция 1917—1918 годов была, возможно, единственным наиболее важным событием века», а «ее воздействие и последствия все еще чувствуются нами в 70-е годы», — писал, объясняя растущий интерес на Западе к русскому революционному движению, профессор Гарвардского университета Р. Уолфф в предисловии к антологии Р. Дэниэлса «Русская революция»³. Несколько ранее профессор Принстонского университета Дж. Биллингтон лаконично заметил, что «если для мыслителя XIX в. главной задачей было определить свое отношение к Французской революции, то для современного человека центральная задача состоит в оценке русской революции. Последняя задача стала даже более решающей, потому что теперь почти миллиард людей на земном шаре заявляет, что они являются наследниками и защитниками русской революции»⁴. «Ни один исторический сюжет, — считал Р. Уорс, — не захватывает так и не представляет более смелого вызова, чем революция 1917 г. в России»⁵. Характерно, что ныне в буржуазной историографии (по крайней мере в некоторых работах) подчеркивается необходимость рассматривать Октябрьскую революцию в общем контексте революционного процесса в России начала XX в. «Русскую революцию, — отмечает Р. Дэниэлс, — следует датировать большим периодом времени, чем 1917—1918 годы. Старый режим стал рушиться уже в революцию 1905 года»⁶. Собственно говоря, огромное воздействие Великого Октября и его идей на все современное развитие и предопределило интерес буржуазной общественной мысли к теме революций в России начала XX в.

Было бы, конечно, неверным считать, что буржуазная историческая мысль правильно восприняла всемирное значение революционного преобразования в России. Отнюдь нет. Если для историков-марксистов победа социалистической революции в России явилась блестящим подтверждением исторической правоты марксистско-

ленинской теории, то иной была позиция буржуазной историографии. Последняя (в особенности ее консервативное крыло) восприняла Октябрьскую революцию и ее последствия как «чудовищный катаклизм», как «противозаконное» разрушение «естественного» состояния общества (т. е. капитализма), к укреплению которого направлены все усилия буржуазной идеологии и политики. Вплоть до недавнего времени буржуазная историческая наука делала упор на «уникальный» характер «социалистического эксперимента» в России. В рамках данного подхода Великий Октябрь противопоставлялся предшествующему революционному процессу в России, в особенности Февральской революции 1917 г.

Ряд важных обстоятельств вынудили буржуазную историографию внести коррективы в отмеченную консервативную точку зрения. Развитие мирового революционного процесса, победа социалистических революций в различных странах земного шара подтвердили, что помимо специфики, связанной с историческими условиями, национальными особенностями и т. д., существуют общие закономерности перехода от капитализма к социализму, начатого Великим Октябрем. Со всей очевидностью вновь было продемонстрировано, что Октябрьская социалистическая революция явилась выражением как российских, так и общемировых закономерностей. «... Героическая борьба рабочих и крестьян России, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — получившая горячую и действенную поддержку трудящихся во всем мире, показала, по словам Ленина, *«всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»*»⁷.

Марксистской, прежде всего советской, историографией на основе огромного исторического (в том числе архивного) материала был создан ряд работ, дающих научное осмысливание революционных процессов в России⁸. Говоря о развитии советской историографии трех российских революций, необходимо подчеркнуть такие ее качества, как комплексность исследований, фундированность. Широта охвата ранее неизвестного либо малоизвестного исторического материала позволила воссоздать исторически конкретную и в то же время аналитически обобщенную картину глубоких революционных измене-

ний в России. Западная буржуазная историография, занятая изучением советской истории, не могла не принимать этого во внимание.

Известным шагом в сторону признания исторических реальностей явились отмеченные выше констатации всемирного значения Великого Октября, попытки рассматривать Октябрьскую революцию в общем контексте революционного процесса в России. В последние 10—15 лет концепция случайного, незакономерного характера социалистической революции стала подвергаться определенной модификации. Многие западные историки обратились к идее связи трех революций в России начала XX в. Доктринам о «специфически-локальном» характере Октября пришлось потесниться.

Однако результаты обращения буржуазной историографии к темам, к периодам, которые ранее игнорировались, регулируются давлением методологических, а также идеологических установок. Марксистско-ленинской теории социально-экономических формаций, их закономерной смене буржуазные историки пытаются противопоставить положение об альтернативности конечных результатов развития одного и того же общественного строя в разных странах⁹, что противоречит всему огромному опыту всемирной истории. Широко распространенная теория «модернизации» стала основой интерпретации революций в России как одного из вариантов социальных и экономических перемен в обществе, причем не делается различия между социализмом и капитализмом. Понятие социальной революции сводится, таким образом, до положения внутриформационного явления и фактически подменяется столкновением отдельных группировок, по сути дела представляющих собой группировки внутри определенного класса.

В целом, как подчеркивает американский «советолог» С. Коэн, историческая литература западных «профессиональных исследований» СССР «основана на специфическом круге концепций (в основном связанных с «тоталитарной» моделью) и на узкоинтерпретированном консенсусе... В большинстве своем ее фокусировка была избирательна и узка, а интерпретация одномерна»¹⁰.

С известными оговорками авторов, представляющих современную западную историографию трех российских революций, можно разделить на три группы. На правом

фланге находятся те представители буржуазной историографии, которые выступают хранителями антикоммунистического идеологического арсенала, накопленного в периоды наибольшего обострения отношений между двумя системами. Это весьма многочисленная группа лиц, занимающих видные посты в «советологической» иерархии, активно участвующих в пропагандистских антисоветских кампаниях империалистов, в том числе в кампании, связанной с 60-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. В теоретическом плане эту группу отличает использование мифов периода «холодной войны», прежде всего пресловутой доктрины «тоталитаризма»¹¹. Так, англоканадский исследователь, много лет работавший в Англии, но перебравшийся на профессорский пост в Канаду, Дж. Кип в своей «юбилейной» работе усердно муссирует тезисы о «тоталитарном», «авторитарном», «диктаторском» характере Октября и советского строя¹². С таких же позиций выступают Л. Шапиро, Р. Пайпс, А. Улам и им подобные. Эта группа (Д. Катков, Р. Дэниэлс, Г. Шукман, Л. Шапиро, А. Улам, Б. Вольф, Г. фон Раух, Р. Пайпс, Дж. Кип и др.) с упорством, достойным лучшего применения, по сей день ищет в политических программах контрреволюционных движений «альтернативу» ленинизму. Об этом без обиняков заявил, например, Дж. Кип: «Свалка истории... среди мусора содержит и кое-какие самородки. Она может сказать нам, какие ошибки совершили соперники Ленина»¹³. При этом подобные авторы, как правило, подменяют исследование реальных фактов истории толкованием намерений и упущений потерпевших фиаско политических деятелей. По известной логике, согласно которой крайности сходятся, близкой к этому лагерю оказывается вторая группа авторов — «ультралевая», представители анархистствующей и протроцкистской историографии российского революционного движения (И. Дойчер, М. Бринтон, М. Либман и др.)¹⁴.

И наконец, третью группу авторов условно можно назвать реалистической, поскольку она, правда, непоследовательно и робко пытается рассмотреть предпосылки революционных событий в России. «Реалистическое» направление весьма разношерстно. Основу его составляют сторонники теории «модернизации», трактующие российские революции, и прежде всего Великий Октябрь, как

тип «революций в отсталых странах» (Т. фон Лауэ, Л. Ко-чэн, Д. Гейер, М. Ферро и др.)¹⁵. В рамках данного на-правления встречаются признания того, что в конкретно-исторической обстановке предреволюционной и револю-ционной России шансы противников партии рабочего класса были ничтожными. Так, например, П. Шайберт замечает: «Возможно, что перед лицом полярностей (иными словами, классовых противоречий. — Авт.) в слабо-развитом обществе России при слабости среднего слоя у «умеренных» действительно не было шансов»¹⁶. Дж. Хо-скинг в общем отрицательно отвечает на волнующий буржуазную историографию вопрос о возможности раз-вития России по пути «конституционной демократии»¹⁷. С. Коэн назвал «вводящим в заблуждение» утверждение, будто большевики «узурпировали» власть в 1917 г. Пар-тия большевиков, подчеркнул он, «была единственной значительной политической силой, отражавшей и поддер-живавшей радикальное общественное мнение в 1917 г.»¹⁸. С. Коэн, как и другие западные авторы данной группы, осуждает «длительное (и достойное сожаления) преоб-ладание тоталитарного подхода» в «советологии»¹⁹. Сле-дует также отметить характерную черту этой группы авторов: они нередко заявляют, что дать точный ответ на многие ключевые вопросы, относящиеся к истории рево-люций 1917 г., невозможно²⁰.

Огромный идеологический потенциал темы трех рево-люций в России способствовал ее усиленной политизации в буржуазной историографии, что признают сами «сове-тологи»²¹. Буржуазные исследования революционного процесса в России XX в. составляют важный элемент в политической стратегии Запада. О зависимости науки от государства и политики на Западе пишут нидерландский историк Г. фон дер Дунк, французский социолог Ж.-Ж. Са-ломон, американский политолог Г. Моргентхау и др.

Защита и оправдание капиталистического строя — ос-новная социальная функция буржуазной исторической науки. Изменение соотношения сил в мире не изменило классовой ориентации буржуазной историографии, ее по-пыток опровергнуть марксистско-ленинское учение о за-кономерной смене капитализма более высоким обще-ственно-экономическим строем — социализмом. Как под-черкнул в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев, «положительные сдвиги в мировой по-

литике, разрядка создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»²².

Действительно, представители наиболее актуальных областей историко-политических исследований на Западе проявляли и проявляют определенное умение приспосабливаться к изменению обстановки в мире. Буржуазные идеологи освоили немало методов идеологической борьбы. Этот значительный пропагандистский арсенал позволяет маневрировать, пускать в ход те теории и концепции, которые, по мнению их создателей, наиболее соответствуют потребностям момента. Самые гибкие буржуазные идеологи пытаются проводить так называемую стратегию мирного проникновения, используя улучшение международной обстановки в целях практической «апробации» новых приемов экспорта буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в социалистические страны.

В современной буржуазной историографии трех революций в России также происходят определенные сдвиги. Они находят свое выражение в двух процессах. Во-первых, в постепенном, хотя и далеко не последовательном отказе ряда буржуазных историков от явно устаревших положений и тезисов, берущих свое начало главным образом в белоэмигрантской литературе, и в поисках новых, более «гибких», более «эластичных» интерпретаций. Во-вторых, во введении в исследовательскую сферу таких тем и сюжетов, которые еще в относительно недалеком прошлом буржуазная историография революционного движения в России XX в. либо вообще игнорировала, либо затрагивала в самом общем плане. К ним прежде всего следует отнести вопросы, связанные с социально-экономическим развитием, массовыми движениями и т. д. Как первый, так и второй факторы потребовали от буржуазных авторов значительного расширения историографической и источниковой базы.

В современной буржуазной историографии проявляется интерес к трудам В. И. Ленина (конечно, в собственной «советологической» интерпретации), к советской исторической литературе. Это находит выражение в систематическом рецензировании трудов советских авторов, в усилении внимания к советской историографии вообще.

В качестве одного из примеров можно назвать книгу американской исследовательницы Н. Хир²³.

Конечно, отмеченный процесс «переворужения» западной историографии Февральской и Великой Октябрьской революций (и частично революции 1905—1907 гг.) переживает еще начальную фазу и отнюдь не носит всеобщего характера. В нем участвует преимущественно новое поколение, вошедшее в науку в 50—60-х годах²⁴. И все же в некоторых монографиях, а главным образом в статьях (которые по вполне понятным причинам быстрее отражают происходящие в науке изменения), отмеченное стремление к «переинтерпретации» и «переоценке» отдельных аспектов первой русской революции, Февраля и Великого Октября становится более заметным. Советские историки В. С. Васюков и В. И. Салов в статье «Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы» отметили: «Ныне все большее число зарубежных авторов вынуждены считаться с фактами и более или менее правдиво отображают конкретно-исторический ход событий, хотя интерпретация их зачастую не совпадает с научным пониманием этих событий, не всегда соответствует исторической истине»²⁵. Поэтому полемика с буржуазной историографией все более и более переходит, во-первых, в область концептуальных основ, в область методологии, а во-вторых, в сферу источниковой базы. При этом нельзя упускать из виду, что многие буржуазные авторы все чаще выступают с позиции так называемой деидеологизации общественных наук в целях придания своим трудам мнимой «надпартийности», «чисто научной объективности» и т. п.

Это объясняется рядом причин. Но пожалуй, наиболее общая из них, как это ни парадоксально на первый взгляд, коренится в самом состоянии современного «советоведения», в его противоречивом характере. Известно, что на буржуазную историческую науку оказывается усиленное давление с целью увеличения ее вклада в идеологическую борьбу против коммунизма. Но искажение правды истории в «интересах» политики приводит к явному абсурду. Действительные, а не выдуманные интересы политики требуют достоверного знания не только настоящего, но и прошлого. Возникает пропасть между реальностью и представлением о ней. Это обстоятельство, на наш взгляд, имеет существенное значение, ибо, с одной

стороны, оно во многом объясняет неспособность буржуазной историографии дать объективную историческую картину, а с другой — ее усилившиеся попытки отойти от устаревших схем, «усовершенствоваться», подновить себя.

Если же конкретно говорить о «советологической» литературе, посвященной истории революционного движения в России, то нужно отметить тенденцию к смещению интереса в предреволюционный период, точнее, в последние десятилетия XIX — начало XX в. «В последние годы интерес в области современной русской истории, — пишет английский историк В. Мосс, — переместился с революции ... на последние десятилетия царского режима»²⁶. Главная причина этого перемещения заключается в стремлении определить теоретические шансы «традиционной власти» (т. е. царизма) на «мирную модернизацию» и таким образом выяснить возможность вероятной альтернативы Октября.

С другой стороны, в буржуазной историографии постепенно растет интерес и к периоду, непосредственно следовавшему за Октябрьской революцией, точнее, к истории установления Советской власти на местах и гражданской войны в нашей стране²⁷. В этих событиях «советологи» пытаются выявить причины победы «большевистского феномена», установить факторы его стабильности также в целях извлечения необходимых политических уроков. Все это, конечно, не означает, что «советологи» потеряли интерес к истории самих революционных событий. Зарубежные исторические журналы периодически печатают обширные статьи, посвященные различным аспектам этих событий, выходит немало новых книг. «...И в будущем, — пишет И. Дойчер, — различные школы историков будут изучать русскую революцию с тем же интересом и той же страстностью, с которыми последние 130 лет исследуются события Французской революции»²⁸.

Целевая установка реакционных кругов западной историографии при этом остается прежней. Призывая марксистскую историческую науку к «прекращению воинственности», сами буржуазные историографы отнюдь не складывают идеологическое оружие. Некоторые из них стремятся затормозить позитивные сдвиги в международных отношениях, обосновать чуть ли не «историческую неизбежность» сохранения атмосферы напряженности ме-

жду двумя противоположными системами. Правда, наряду с поборниками «холодной войны» в буржуазной историографии, как мы уже отмечали, имеется немало реалистически мыслящих ученых, критикующих антикоммунистическую политику, использование историографии в реакционных целях. И все же инерция идейного и концептуального арсенала «холодной войны» достаточно ощутима.

Отсюда понятен не только «академический» интерес к изучению актуальной тематики трех русских революций. В условиях борьбы за мир и социальный прогресс, за необратимость позитивных сдвигов в международных отношениях раскрытие научной несостоятельности реакционных историографических теорий и концепций имеет большое значение, является настоятельной исторической необходимостью.

Классики марксизма-ленинизма всегда уделяли большое внимание борьбе против буржуазной идеологии, в том числе и в области общественных наук. Работы Маркса, Энгельса, Ленина представляют собой образцы партийности, непримиримости и принципиальности в критике буржуазной идеологии, величайшей научной добросовестности при разборе враждебных марксизму буржуазных теорий и концепций. Марксистская наука приемлет лишь научный метод доказательства. А это неразрывно связано с критикой антинаучных взглядов. Последовательная критика Марксом, Энгельсом, Лениным буржуазной историографии составляет прочный фундамент марксистской методологии истории.

Борьба против буржуазных теорий, против фальсификации истории, за чистоту марксистской идеологии с самого начала явилась важнейшей и неперенной предпосылкой развития советской исторической науки. Не случаен поэтому полемический характер марксистских исторических исследований, в своих лучших образцах давших квалифицированный критический разбор антимарксистских концепций исторического процесса.

Критика антимарксистских, антиленинских интерпретаций истории советского общества вообще и истории российских революций XX в. в частности особенно активно развернулась во второй половине 50-х годов, когда за рубежом стало интенсивно развиваться «советоведение» и со всей очевидностью проявился социальный заказ, по-

ставленный перед многочисленными специалистами — «россоведами» и «советоведами». Он заключался в требовании такого освещения исторического прошлого нашей страны, которое должно было способствовать подрыву идей ленинизма и дискредитации «советского образца».

Полемика с буржуазной историографией послевоенного периода требовала нового подхода и новых знаний. И это понятно, так как труды современных зарубежных «советологов», в том числе историков русских революций, хотя во многом и основывались на старых антисоветских идеях, все же не были их простым повторением. Фронт идеологической борьбы значительно расширился и углубился.

Различными научными организациями и учреждениями было проведено несколько сессий и конференций, на которых специально или наряду с другими вопросами истории советского общества критически рассматривалась зарубежная литература по истории Февраля и Великого Октября.

В первое время ряд обстоятельств, в том числе в известной мере новаторский характер нашей критической литературы, определил ее характерные черты. Пожалуй, наиболее заметная из них состояла в определенном преобладании полемическо-публицистического элемента над научным анализом.

Общий подъем исследований в области общественных наук в нашей стране отразился и на росте интереса к историографии. Возросло количество и повысилось качество исследований по фундаментальным проблемам, без чего немыслимо развитие науки. Поднялся интерес к проблемам развития самой науки, к методологии и методике исследований, к вопросам мастерства, профессионализма. Историки стремятся осмыслить состояние своей науки, ее возможности и средства для выполнения новых задач, которые ставит современность. При этом огромное значение имеет более полное осознание ими своей ответственности в идеологической борьбе двух систем. Выступая против реакционной буржуазной историографии, советская историческая наука оказывает все большее влияние на мировое интеллектуальное развитие, на распространение марксистско-ленинских взглядов на исторический процесс.

Постепенно советская историческая литература стала

пополняться все большим числом работ, в которых острая полемическая направленность сочеталась с глубоким критическим разбором концепций и тезисов, выдвигаемых нашими идейными противниками. По чисто внешнему, формальному признаку эти работы можно объединить в четыре основные группы. Во-первых, рецензии, обзоры и статьи, публиковавшиеся в периодических изданиях. Во-вторых, специальные сборники статей, объединенные каким-либо одним, а чаще несколькими сюжетами. В-третьих, труды монографического характера, либо специально посвященные критике буржуазных концепций революций 1905 г., Февральской и Октябрьской, либо главным образом содержащие отдельные главы или разделы по этой проблеме (сюда же относим и брошюры). Наконец, к четвертой группе следует отнести критический анализ буржуазной историографии, органически входящий в содержание конкретно-исторических исследований различных аспектов истории российского революционного движения.

Настоящий обзор не претендует на детальный историографический анализ литературы, направленной против буржуазной историографии трех революций в России. К сожалению, невозможно даже упомянуть труды всех тех наших коллег, которые выступали с критикой буржуазной историографии этой проблемы. Отметим лишь, что кроме многочисленных критических рецензий, обзоров и статей²⁹ в 60-х — первой половине 70-х годов был опубликован ряд монографических работ, содержащих аргументированный критический анализ буржуазной историографии российских революций.

Среди них наиболее близки нашей теме книги П. Н. Зырянова и В. В. Шелохаева «Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии» (М., 1976); Г. З. Иоффе «Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии» (М., 1970); В. И. Салова «Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1960); Б. И. Марушкина «История и политика. Американская буржуазная историография советского общества» (М., 1969); Ю. И. Игрицкого «Мифы буржуазной историографии и реальность истории» (М., 1974); Н. В. Наумова «Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историо-

графии» (М., 1975); Г. М. Жаркова «Против буржуазной фальсификации истории Октября» (Минск, 1975); А. П. Петрова «Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях» (М., 1977) и многие другие.

В последнее время советские авторы приступили к комплексному критическому рассмотрению «советологической» историографии трех революций в России. Первыми из таких работ следует считать брошюру Ю. И. Игрицкого и Н. В. Романовского «Критика буржуазной историографии трех революций в России» (М., 1975), а также статью В. И. Салова «Современная буржуазная историография трех русских революций» (Вестник АН СССР, 1975, № 11). Таким образом, советская историческая литература, посвященная разбору буржуазных трактовок истории российских революций, прошла значительный путь и наконец, накопив немалый опыт, вплотную подошла к критическому анализу «советологических» интерпретаций всего российского революционного процесса.

Учитывая все ценное, что сделано нашими предшественниками, авторы ставят задачей создание обобщающей работы, критически анализирующей некоторые как основополагающие, теоретические, так и более конкретные концептуальные аспекты современной буржуазной историографии трех русских революций. Рассматривая эту историографию как своего рода цельный политико-идеологический комплекс, авторы все же будут уделять особое внимание американской и английской исторической литературе ввиду ее несомненно доминирующего положения — и чисто количественно, и в смысле выдвижения наиболее распространенных теорий и концепций.

Для историка-марксиста в конгломерате тем, разрабатываемых западной историографией революционного процесса в России, четко вырисовываются три проблемы, имеющие бесспорно первостепенное значение в современной идеологической борьбе. Это проблемы исторических предпосылок трех российских революций, их движущих сил, роли партии Ленина в подготовке и осуществлении революций. Критике буржуазных интерпретаций указанных проблем и будет уделяться основное внимание в настоящей книге,

ТЕОРИЯ В КОНФЛИКТЕ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Буржуазные интерпретации трех русских революций невозможно оторвать от общих мировоззренческих и методологических установок «советологов», их понимания характера и смысла развития всемирно-исторического процесса, его движущих сил и, конечно, их отношения к проблеме социальной революции вообще. Было бы, разумеется, неправильным считать, что буржуазная историография создала единую, последовательно согласующуюся с фактами теорию «социальных изменений» в истории*. Как плюрализм школ и направлений, так и принятая методология и философия истории (будь то неокантианство, неопозитивизм, презентизм) не позволяют западным историкам уйти далее констатации отдельных положений, претендующих на универсальность.

Показательно в данной связи высказывание одного из президентов Американской исторической ассоциации К. Брайденбауха: «Осознание того, что исторические факты уникальны по своему характеру, времени и месту, удерживает историка от попытки втиснуть эти факты в

* Это проявляется, в частности, в том, что «советология» характеризует три русские революции — две буржуазно-демократические и Октябрьскую социалистическую — в виде некой неопределенной по классовому содержанию «русской революции». При этом рамки ее часто раздвигаются: от декабристов или народовольцев до 20—30-х годов, даже до современности (например, концепция «незавершенной революции» троцкиста И. Дойчера и др.). Конечно, в этом факте заключено прежде всего стремление затушевать, выхолостить социалистический характер Великого Октября и рожденного им общественного строя. Но в немалой мере это также свидетельство неспособности буржуазной историографии, буржуазного обществоведения вообще выработать отвечающее исторической действительности определение понятия «социальная революция».

рамки строгой теории и подвести под установившийся шаблон». Не менее красноречиво заявление американского социолога С. Липсета. «Многие ученые — как историки, так и социологи, — подчеркивал он, — отчаялись в целесообразности введения методологических подходов социологии и других социальных наук в историческое исследование. Они указывают, что исторические ситуации определяются множеством факторов и что невозможно осуществить методологическую операцию, предусматривающую сохранение других факторов (исключая исследуемый. — Авт.) постоянными или брать их выборочно»¹.

Распространенный в буржуазной историографии тезис о свободе от «диктата методологии» весьма далек от действительности. Правда, многие профессиональные историки на Западе демонстративно безразличны к вопросам методологии. Этот факт отмечал, в частности, американский историк Ч. Дестлер, сетуя на отсутствие «глубокой эрудиции в философии» среди историков. Характерно, что западногерманский профессор К.-Г. Фабер в своей «Теории исторической науки» (1972 г.) даже сожалел, что в немецкой исторической науке долгое время предавалась забвению теория и процветал эмпиризм и что только после второй мировой войны западногерманские историки приблизились к «научной теории». Но, как подчеркнул другой западногерманский автор, Г.-В. Хедингер, совершенно выбросить мировоззренческий момент из исторических концепций невозможно и поэтому чисто эмпирических высказываний не существует². Американские историки П. Конкин и Р. Стромберг в работе «Наследие и вызов истории»³ отмечают: отличительная черта содержания истории — наличие важных для человека аспектов прошлого — никогда не позволяет выводить нейтральные обобщения.

Этот подход довольно часто применяется и в оценках русских революций, особенно Великой Октябрьской социалистической революции. Нередко предпринимаются попытки убедить читателя, будто научные ответы на многие ключевые вопросы российских революций дать невозможно. Так, Д. Кеннан, отмечая разногласия среди западных историков в вопросе, была ли первая мировая война главной причиной краха царизма, восклицает: «Этот вопрос гипотетичен. На него, конечно, не может быть авторитетного ответа»⁴. Э. Каррер д'Анкокс, приведя

в своей книге мнения тех, кто считает царизм обреченным, и сторонников противоположной точки зрения, резюмирует: «...ответ на этот вопрос лежит в большей мере в сфере убеждений, чем в сфере научного анализа»⁵. Этот фактический отказ от признания исторического детерминизма, исторических закономерностей открывает буржуазным историкам удобный путь излюбленного ими «поиска ошибок», альтернатив действительному ходу событий и т. д.

Декларации о свободе буржуазной науки от «диктата методологии», как видно, остаются никого и ни к чему не обязывающими декларациями не только потому, что на практике историки их не придерживаются, но также и потому, что именно в этой сфере усиливается их активность и именно ей отводится важная роль в борьбе против марксизма-ленинизма.

Правда, в конкретно-исторических трудах принятая методология иногда тщательно маскируется. Но одновременно выходит значительное число работ по философии и методологии истории. Это и понятно. Идеологическая борьба в исторической науке идет не только по вопросу о том, как и какие использовать факты, но и главным образом по вопросу об их интерпретации, по проблемам мировоззрения историка, методологии науки⁶.

Говоря о методологических аспектах «советологической» историографии русских революций, следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Значительная часть «советологов», особенно старшего поколения, не является профессиональными историками. Зачастую это специалисты в области психологических диверсий, «специальных операций», «эксперты по борьбе с коммунизмом» и вообще люди, которыми движет ненависть ко всему коммунистическому, всему советскому. Для методологии их работ характерен самый безудержный эклектизм. Это вызывает беспокойство некоторых буржуазных авторов. «...Без сомнения, вклад специалистов по советскому региону в социальные науки был практически равен нулю»⁷, — отмечалось на одной из конференций «советологов».

С учетом этих обстоятельств можно выделить несколько основных теоретико-методологических аспектов буржуазной историографии трех русских революций.

БЕСПЛОДНЫЕ НАПАДКИ НА МАРКСИЗМ

Буржуазные идеологи не могут не учитывать глубокого воздействия марксистской методологии истории на современную мировую научную и политическую мысль. «Марксизм как теоретический метод объяснения исторических и социологических явлений оказал огромное воздействие на историков и социологов, — признает, например, американский историк Дж. Грегор. — Лишь очень немногие специалисты обеих дисциплин не знакомы по крайней мере с основными принципами марксизма. Почти все прямо или косвенно подвержены влиянию мысли Карла Маркса»⁸. Американский философ Р. Нисбет подчеркивает, что система идей, именуемая марксизмом, является «единственным величайшим революционным движением в истории человечества»⁹. Профессор Эдинбургского университета Г. Дракер называет марксизм «главной социальной и политической доктриной нашего века»¹⁰.

Буржуазная наука стремится нейтрализовать влияние марксизма, противопоставить ему свое идеалистическое толкование сущности исторического процесса. Одновременно тратятся огромные усилия на критику марксизма.

Об исключительной активности в данной области свидетельствует возникновение в буржуазной науке целой отрасли, занятой «опровержением» марксизма и получившей наименование «марксология». Западная литература о марксизме огромна. Существует множество работ, посвященных рассмотрению различных аспектов научного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В области «критики» марксизма подвизаются такие авторы, как С. Хук, Г. Маркузе, А. Мейер, Р. Такер, Р. Арон и др.

Это нашло свое выражение и в буржуазной историографии трех революций в России. Буржуазные историки вынуждены, например, подстраиваться под марксизм, исследуя несвойственные традиционной буржуазной историографии проблемы индустриального развития России как предпосылки революции, массового революционного движения, истории большевистской партии, роли марксизма-ленинизма в российском революционном движении. Конечно, все эти проблемы решаются в ложном свете, нередко фальсифицируются. Так буржуазные историки стремятся опровергнуть то, что марксизм-ленинизм

был теоретической основой политики партии рабочего класса России. Отсюда они протягивают ниточку к отрицанию социалистического характера советского общества.

По словам английского философа-марксиста Д. Льюиса, наиболее распространенной формой извращения марксизма является его упрощенное истолкование в качестве доктрины экономического детерминизма¹¹. Другая линия фальсификации сводится к декларации мнимой враждебности марксизма объективной реальности, «факту, как таковому». Дж. Лихтхейм в работе «Марксизм. Историко-критическое исследование» утверждал, что марксизму будто бы свойственны «окаменелость и догматизм»¹².

Как видно, буржуазные идеологи приписывают марксизму то, что на самом деле противоречит творческому характеру марксизма, вечно живого, развивающегося учения. Уже само возникновение марксизма было великим революционным переворотом в науке о природе и обществе. Основоположники марксизма создали подлинно динамичную, революционную науку, задача которой не только правильно объяснить мир, но изменить его. Как подчеркивал В. И. Ленин, марксизм есть *«высшее развитие* всей исторической и экономической, и философской науки Европы»¹³. Марксистское учение *«возникло как прямое и непосредственное продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹⁴. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах...»¹⁵

Отвергая марксистско-ленинский подход к историческому процессу как «ненаучный», идеологи буржуазии исходят из догмы о «вечности» капиталистической системы, якобы эквивалентной естественному состоянию человека и создающей наиболее благоприятные условия для его существования и развития. По справедливому замечанию немецкого историка-марксиста Г. Шлейера, одна из главных линий буржуазной историографии основывается на теории, что развитие и характер общества не определяются более классами или классовой борьбой¹⁶.

Действительное положение дел противоречит идеям, выдвигаемым буржуазными историографами¹⁷. Развивающийся исторический процесс уже привел к закономерной смене капиталистической формации социалистической на огромных территориях земного шара. Вопреки этой очевидной истине консервативная историография предпринимает попытки опровергнуть идею закономерности исторического развития. Характерно, что некоторые буржуазные историки стремятся представить исторический процесс как нагромождение труднопознаваемых случайностей. «Внезапная болезнь, — писал, например, американский историк А. Невинс, — перемена погоды, потеря документа, каприз мужчины или женщины, вызванный пустячным поводом, — все это изменяло самый облик истории». Поскольку история — вечно меняющееся бытие, отмечает французский автор Ж.-Л. Дюма, то в ней любая система представлений окажется непрочной, любая историческая проблема — нерешенной¹⁸. Отрицание возможности объективного научного познания, разрушение понятия исторического факта — эти проявления кризиса буржуазной исторической науки объединяют многих ученых различных идеологических оттенков.

Буржуазные идеологи пытаются доказать невозможность революционного преобразования общества ссылкой на иррациональность человеческой природы. При этом некоторые из них апеллируют к темным, «подсознательным» силам, к психологическим и биологическим мотивам, игнорируя экономические и социальные факторы. Как констатирует С. Коэн, с середины 60-х годов бихевиористский подход с его антиисторическим методом захватил область исследований по истории СССР вообще и российских революций в частности.

Если буржуазные историки рассматривают исторический процесс как саморазвитие абсолютного духа, реализацию «воли провидения» или же как хаотическое нагромождение случайностей, то марксистская историография, как известно, исходит из признания объективных законов общественного развития, что является самой глубокой методологической основой подлинно научного изучения исторического процесса. «До сих пор социологи затруднялись, — писал Ленин, — отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели

найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»¹⁹. Марксизм не только дал научное объяснение исторических явлений, но и обосновал закономерность процесса смены общественно-экономических формаций, объективную обусловленность движения человечества к бесклассовому обществу — коммунизму. Народные массы, передовые общественные классы выступают той решающей силой, которая сметает отживший, реакционный общественно-экономический строй и содействует утверждению нового.

Марксистско-ленинская концепция всемирно-исторического процесса была подтверждена ходом развития человеческого общества, борьбой международного пролетариата и угнетенных народов, победой Октября и созданием мировой системы социализма. Вопреки утверждениям буржуазных идеологов марксизм — не догма, а руководство к действию. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, — писал В. И. Ленин, — мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»²⁰.

Марксистская теория не стоит на месте, она развивается, обогащается. В новую историческую эпоху В. И. Ленин теоретически обобщил огромный опыт, накопленный международным рабочим движением после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса. Коммунистическая партия Советского Союза, мировое коммунистическое движение творчески развивают марксизм-ленинизм, обогащают его новыми идеями.

В последние годы в подходе буржуазных идеологов к «критике» марксизма появились нюансы. В течение длительного периода реакция нападала на марксизм-ленинизм с «охранительских» позиций под флагом защиты «традиционных ценностей и институтов». Ныне она заговорила о «консервативности» и даже «антиреволюционности» великого пролетарского учения. «По-видимому, стало общим процессом, что движение и режимы, остающиеся под сильным влиянием марксизма, перестают быть

революционными, в то время как революционные движения и режимы отвергают значительную часть марксистского анализа», — вещает профессор «Свободного университета» в Западном Берлине Р. Левенталь в опубликованной в конце 1969 г. статье «Безумие и революция». Поднимая на щит левацко-анархистские группки, Левенталь в данной статье рекламирует «движение без идеологии», «движения — действия».

Черпая аргументы у «левых» и правых ревизионистов, буржуазные идеологи заявляют, что современное западное общество не укладывается-де в марксистские концепции, что к «западной цивилизации» марксизм вообще не применим. Однако, как писал В. И. Ленин, после каждого такого «уничтожения» марксизм все шире и глубже проникает в-гущу народных масс, «становится все крепче, закаленнее и жизненнее»²¹.

Возвращаясь к конкретным темам буржуазной «полемике» с историческим материализмом, отметим выдвигаемый западной историографией тезис о том, что марксистско-ленинская теория формаций будто бы создана путем абстракции и абсолютизации специфического варианта развития Западной Европы в период до XX в. «Используя английский путь развития как прототип путей развития других стран, — утверждал, например, Р. Бендикс, — Маркс принял исключение за правило. Это соображение также относится к анализу Марксом возникновения рабочего класса»²². Аналогичную линию проводил и У. Росту, подчеркивая, что только на одной из стадий развития «поведение общества больше всего соответствует марксистскому учению»²³. Опираясь на подобные утверждения, американский историк Р. Кан заявлял: «Марксовы способы производства не приближаются по характеру к железным научным законам. Они определяют возможность в ограниченных сферах социальной жизни, но отнюдь не необходимость в любой из них»²⁴.

Выше мы говорили об утверждениях о «ненаучности» марксизма. Характерно, что подобные утверждения ныне оспариваются самими представителями буржуазных общественных наук. Так американский социолог И. Горовиц, приводя марксистское положение о повторяемости в рамках единого, несмотря на многообразие, исторического процесса (в результате чего страна более развитая показывает менее развитой картину ее собственного бу-

дущего) ²⁵, подчеркивал: «Как это ни удивительно, но то, что должно было рассматриваться в середине девятнадцатого века в качестве дикой романтической идеи, ныне никем не оспаривается» ²⁶.

Однако такого рода высказывания довольно редки в историографии трех русских революций. Зато в избытке — клевета на марксизм-ленинизм, его фальсификация. Революция без теории, партия без научной политики — таков лейтмотив большинства оценок буржуазными авторами роли теории в революционном движении российского пролетариата.

БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Отвергая марксистско-ленинскую методологию исторического исследования трех российских революций, буржуазная историография — при ее нарочитом безразличии к теории — не может оставить без ответа вопрос о факторах революционных преобразований в России в начале XX в. Здесь разработан ряд версий.

Традиционным приемом буржуазной историографии, как уже отмечалось, была и остается попытка подорвать теорию формаций путем девальвации самого понятия «социальная революция», низведения его на уровень иногда значительных, а иногда весьма ординарных явлений. Иными словами, понятие «социальные изменения» прочно ассоциируется с эволюционным, реформистским процессом. В этом отношении весьма показательна позиция известного английского историка Р. Хартвела. Объявив в книге «Промышленная революция и экономический рост» (1971 г.) о «своей вере в существование скачков (нарушений непрерывности), в то, что имеются большие разрывы непрерывности истории и что они являются и наиболее необъяснимыми и зачаровывающими из исторических событий», Хартвел, подобно другому английскому историку — А. Джилу, видит эти скачки или «разрывы» исключительно в периодах бурного развития промышленности и техники, прежде всего в Англии во второй половине XVIII в. При этом сам термин «революция» на Западе часто толкуется весьма расширительно: торговая, финансовая, аграрная, молодежная, сексуальная и т. д. В данной связи авторы изданного в США коллек-

тивного труда «Эволюция — революция» подчеркивали «релятивистскую природу» таких понятий, как «революция», отмечая, что «радикальные преобразования», если посмотреть на них в более широкой исторической перспективе, «становятся неотъемлемой частью продолжительного эволюционного процесса»²⁷.

Характерна в этом смысле довольно распространенная теория «конфликта поколений», которую один из ее создателей, американский социолог Л. Фойер, называет «универсальной темой истории». Более того, по его мнению, конфликт поколений «есть движущая сила истории, возможно, даже более конечная, чем борьба классов»²⁸.

Австрийский психолог З. Фрейд еще в конце прошлого века объявил, что поведение человека не определяется рациональными мотивами, а что им «подсознательно» движут непреодолимые силы — «либидо» (половое влечение) и стремление к смерти. Развивая и раздувая постулаты своего учителя, фрейдисты с помощью изобретенного им психоанализа пытаются объяснить различные процессы и явления не конкретными экономическими и социальными причинами, а «подсознательными импульсами». Эти идеи были взяты на вооружение и для обоснования теории «конфликта поколений».

«Никакое общество никогда не смогло переделать составляющие его психологические типы по одному шаблону в соответствии с материальными, экономическими потребностями», — провозглашает Л. Фойер, явно полемизируя с марксистско-ленинским положением о воспитании при социализме нового человека с коммунистическим мировоззрением и моралью. «Психозэтические мотивы, которые не только независимы от социально-экономической базы, но в действительности противоречат экономической этике, требуемой социальной системой, становятся главной движущей силой истории», — заключает он.

Фрейдистский примат «психозэтического» над «социально-экономическим» понадобился Фойеру для того, чтобы объяснить движение молодежи на Западе не реальными социальными, а «подсознательными» мотивами, своего рода врожденной «ненавистью» сыновей к отцам. «Конфликт поколений. . . — пишет Фойер, — происходит из глубоких, неосознанных источников. Мировоззрение и философия студенческих движений редко имеют материалистические основы. . . Их идеологическое сознание осно-

ываается на эмоциональной неосознанности восстания поколения. . . Студенческое движение — это почти что секретное общество сыновей и дочерей, объединившихся против отцов».

Неофрейдистские изыскания Фойера не подтверждаются фактами, но они позволяют точно определить идеологический прицел буржуазного социолога. Разговоры о конфликте поколений направлены на то, чтобы противопоставить борьбу молодежи борьбе трудящихся классов. Не случайно Фойер пишет об «устарелости» марксизма, подчеркивая, что в отличие от рабочего движения с его классовым сознанием молодежь спланирует «сознание поколения». Не случайно также представитель американской корпорации Карнеги К. Керр заявил, что «старая классовая борьба» между рабочими и капиталистами «умирает», а на смену фабрике как главной арене социальной борьбы приходит университет²⁹.

Предпринимались попытки «внедрения» неофрейдизма и в изучение российских революций (например, книги С. Поссоны и Вулфенштейна, содержащие фрейдистские характеристики руководителей большевистской партии периода Октября и др.). Однако широкого распространения они не получили. Большинство «советологов» продолжают рассматривать революцию как явление, порожденное рядом различных факторов.

Американский социолог С. Хантингтон в работе «Политический порядок в изменяющихся обществах» (1968 г.) дает следующее определение революции: «Революция — это быстрое фундаментальное и насильственное изменение в господствующих ценностях и мифах общества, в их политических институтах, социальной структуре, руководстве, деятельности правительства и политике».

Но в даваемых буржуазной наукой определениях отсутствует основное — кардинальный характер перемен, осуществляемых социальной революцией, признание того, что социальная революция есть закономерный переход от одной общественно-экономической формации к другой.

По понятным причинам западная историография склонна отрицать конструктивную роль масс в революции. «Советолог» Р. Дэниэлс пишет: «Социальная революция в высшей степени не типичное историческое явление в плане вовлечения массы населения в политический

конфликт». Однако исторические факты заставляют его сделать оговорку: «На какой-то период массы действительно делают историю или по крайней мере устанавливают направления и условия, в которых лидеры различных революционных фракций могут пытаться делать историю»³⁰. Буржуазная наука игнорирует и то положение, что социалистическая революция — высший тип социальной революции, что она коренным образом отличается от всех революций прошлых эпох.

Правда, многообразие конкретно-исторических форм социальных изменений вынуждает буржуазную историографию к созданию своего рода типологии революций. Б. Мур в книге «Социальное происхождение диктатуры и демократии» (1970 г.) в качестве критерия определения типа революции предлагает степень отождествления основных классов старой формации с движением к новому строю. Классическим он объявляет путь Западной Европы — путь, по его словам, к соединению капитализма и «западной демократии» (представляемой им в виде внеклассовой категории). Примером второго пути — консервативного — в системе Б. Мура выступает Германия и Япония, где неревolutionность буржуазии способствовала консервации остатков допромышленного строя. Результатом этого был фашизм, милитаризм. Россия, утверждает Б. Мур, представляет собой пример третьего пути — революции, главной разрушительной силой которой было крестьянство и которая уничтожила старый правящий класс, чтобы открыть дорогу для коммунистического варианта промышленной революции сверху. «В очень ограничительной степени, — подчеркивает Б. Мур, — эти три типа — буржуазные революции, завершающиеся установлением западной формы демократии, консервативные революции, заканчивающиеся фашизмом, и крестьянские революции, ведущие к коммунизму, — могут представлять собой альтернативные пути и выбранные направления. Более четко они выступают как последовательные исторические стадии». За сложными типологическими построениями Б. Мура проглядывает тенденция к изображению буржуазной и социалистической революций как различных путей «модернизации общества».

ПОИСКИ «ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТОТИПА» ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Отмеченная тенденция с очевидностью просматривается и в теории «модернизации», пожалуй наиболее широко распространенной в современной буржуазной историографии истории России. С конца 50-х годов эта доктрина стала основой и для создания множества работ о русских революциях. В советской литературе о доктрине «модернизации» уже писали³¹, поэтому остановимся на ней вкратце. Как подчеркивал Д. Эптер в работе «Политика модернизации», стремление к «модернизации» не только выражает основное содержание современной эпохи, но в нем «олицетворены все прошлые революции в истории и все высшие устремления человечества». При этом Д. Эптер отмечал, что движение к «модернизации» зародилось на Западе, а со второй половины XIX в. западное общество стало всеобщей моделью и стандартом³².

Одним из важных этапов обоснования теории «модернизации» была известная работа У. Ростоу «Стадии экономического роста», изданная еще в 1960 г. Характерно, что автор прямо определил свой труд «как общую теорию современной истории», которая «представляет собой альтернативу теории современной истории Карла Маркса»³³. Это широковещательное обещание Ростоу так и не удалось сколько-нибудь убедительно реализовать. В предисловии к своей новой книге «Политика и стадии роста» Ростоу по существу признал это, отметив, что теория «стадий роста» не смогла опровергнуть марксистский тезис о том, что политические взгляды и учреждения составляют надстройку над экономическим базисом³⁴.

У. Ростоу пытался подменить своей теорией марксистское учение об общественно-экономических формациях, об их закономерной смене. Так как, согласно его точке зрения, движение общества от низшей стадии к высшей связано исключительно с технико-экономическими факторами и мало зависит от социально-исторических форм общественного бытия, в конечном счете не важно, является ли данный строй капитализмом или социализмом, а важен уровень индустриализации. Иными словами, социализм и капитализм суть различные варианты «единого индустриального общества»: из разных отправных точек и разными путями они движутся к одной цели — к стадии

«высокого массового потребления». Эта теория дала возможность буржуазной историографии революционного движения в России маневрировать. «Модернизация» как бы признает наличие предпосылок для некой неопределенной по своему типу революции и в то же время позволяет объявлять социалистический итог трех русских революций отклонением от тенденций мирового развития, «русской спецификой» — старая тема «россиеведения».

Теория «стадий роста» вместе с концепцией «единого индустриального общества» создает видимость научного обоснования идеи о «растущем сходстве» между социализмом и капитализмом, о «неизбежной ликвидации» социально-политических различий между ними, об их перспективном сближении в рамках «единого индустриального общества». Как писал в данной связи западногерманский историк Т. Шидер, признавая решающую роль техники, можно «победить исторический материализм его собственным оружием», доказать, что «все социальные явления, включая различие между капитализмом и коммунизмом», имеют лишь второстепенное значение³⁵.

Стремясь придать видимость убедительности своим выводам, сторонники теории «стадий роста» заявляют, что индустриализация и урбанизация приводят к созданию «общей промышленной культуры», которая в конце концов породит сходные политические институты, а также поколеблет «доминирующие государства». Индустриализация, пишут сторонники «конвергенции», приносит благосостояние, которое подрывает политическую дисциплину и идеологическую ортодоксальность, характерные для ранней фазы процесса индустриализации. «Век идеологии уже окончился в Западной Европе, Соединенных Штатах и Японии. Вскоре он завершится и в Советском Союзе», — заключал Росту³⁶.

В ФРГ с пропагандой тезиса о «сближении» социалистической и капиталистической общественно-экономических систем выступили Г. Вагенленер в книге «Капиталистическая форма с социалистическим содержанием в советской экономике» и Р. Берендт в работе «Динамическое общество». Однако подобные выводы никак не подтверждаются реальным историческим материалом. Как показывает практика, «общая индустриальная культура», одинаковый уровень промышленного развития вовсе не означают единообразия социальных и политических ин-

ституты. Повышение уровня промышленного развития, оснащенность современной техникой, передовыми технологическими методами не сблизит и не может сблизить две общественно-экономические формации — капиталистическую и социалистическую, ибо содержание происходящих в них социальных процессов диаметрально противоположно.

Исторический опыт со всей очевидностью показывает, что жизнь общества складывается совершенно по-разному, в зависимости от его социально-экономической структуры, прежде всего от господствующих в нем систем собственности. О каком «растущем сходстве» между социализмом и капитализмом может быть речь, если в социалистических странах существует общественная, а в капиталистических — частная собственность на орудия и средства производства, если в социалистических странах власть принадлежит народу во главе с рабочим классом, а в капиталистических — монополистической буржуазии, если в капиталистических странах возрастает социально-экономическое неравенство людей, тогда как в условиях социализма происходит всестороннее выравнивание условий жизни на основе подъема материального и культурного уровня всего народа.

По мере роста и совершенствования социализма и усиления противоречий капитализма коренные различия обеих систем будут не уменьшаться, а увеличиваться.

Положения, высказанные Ростоу, вызвали многочисленные дискуссии на Западе. С несколько отличной от Ростоу концепцией выступил профессор истории Принстонского университета С. Блэк в книге «Динамика модернизации. Историко-сравнительное исследование»³⁷.

Какие же поправки к Ростоу предложил Блэк?

В противовес «стадиям» Ростоу он выдвигает следующую периодизацию процесса «модернизации»: 1) «вызов модернизации», иными словами, столкновение «традиционного общества» с современными идеями и институтами и появление в нем сторонников «модернизации»; 2) консолидация лидеров — сторонников «модернизации», т. е. переход в результате обычно жестокой борьбы власти от лидеров — «традиционалистов» к лидерам — сторонникам «модернизации»; 3) экономическая и социальная трансформация — превращение общества, в основном сельского и аграрного, в урбанистское и индустриальное; 4) «ин-

теграция общества» — полная реорганизация социальной структуры общества в результате экономической и социальной трансформации³⁸.

Категории «модернизации» С. Блэка в той же степени, как и «стадии экономического роста» У. Ростоу, призваны опровергнуть марксистское положение о замене капитализма более высоким социально-экономическим строем — социализмом. В предлагаемой им схеме практически игнорируются коренные различия между формациями, а капиталистические страны Запада объявляются лидерами «модернизации» и образцом развития для всех стран.

Характерно, что С. Блэк сравнивает процесс промышленного развития Англии с процессом социалистических преобразований в СССР после Октябрьской революции (под общей рубрикой «Экономическая и социальная трансформация»)³⁹.

В категориях Блэка явно преобладает пропагандируемая буржуазными идеологами и ревизионистами идея «отсталости» СССР по сравнению с капиталистическими странами Запада. Поднимая вопрос о важности роли «традиционных институтов», Блэк стремится протащить мысль о «традиционной неполноценности» «незападных стран», втиснуть социально-экономическое развитие СССР в рамки старой схемы «Восток — Запад». Эти тенденции, в частности, проглядывают в применяемой им методологии классификации стран мира.

Действительно, что общего в социально-экономическом смысле между такими государствами, как СССР, Япония и Афганистан? В Советском Союзе построено развитое социалистическое общество и ведется строительство коммунизма. Япония принадлежит к высокоиндустриальным капиталистическим государствам. Афганистан — развивающаяся страна, преодолевающая пережитки феодализма. Каков критерий данной классификации? Техничко-экономический уровень? Но он здесь игнорируется. Афганистан и Таиланд отнесены к одной и той же модели вместе с СССР, Албания попадает в одну группу с Бельгией, Данией и Голландией (третья модель). Ирреальный оттенок методологии Блэка примет более практический вид, если обратить внимание на то обстоятельство, что его схема определяется скорее географией (с сильным политическим привкусом), чем экономикой. В сущности вся его классификация сводится все к тем же

двум регионам: «западному» и «незападному». Первый задает тон, указывает (в самом широком плане) общее направление всемирно-исторического процесса, второй (в различных вариантах) повторяет, «имитирует» первый. При этом «восточная отсталость» фактически увековечивается С. Блэком. «Нельзя предполагать, — писал он в 1971 г., — что все общества в состоянии добиться темпов и уровней развития, свойственных наиболее развитым обществам. Разница между развитыми и не развитыми странами увеличится». Как признал в 1973 г. сотрудник Калифорнийского университета Д. Типс, теоретики «модернизации» пытаются уложить анализ развития самых различных стран в рамки «западного опыта»⁴⁰. С. Блэк был одним из людей, оказавших сильное воздействие на процесс внедрения в буржуазное «россиеведение» теории модернизации. В 1958 г. он поучал американских «советологов»: «В интерпретации перемен в российском обществе после 1861 г. плодотворна модель общественных перемен, широко известная сейчас как «модернизация». Модернизация — это процесс перехода от аграрного к индустриальному образу жизни, результат драматического роста человеческих знаний и овладения человеком окружающей средой, достигнутых в последнее столетие»⁴¹.

Идеологическая заданность категорий Блэка станет яснее при рассмотрении критерия того, какие события в различных странах он считает переломными на пути «экономической и социальной трансформации этих стран». И здесь обнаруживается поразительная деталь. Оказывается, что буржуазные реформы в Англии 30-х годов прошлого века, гражданская война в США, Великая Октябрьская социалистическая революция в России и разгром Японии во второй мировой войне — явления одинакового значения для каждой страны как положившие начало их «экономической и социальной трансформации». В таком контексте Октябрьская революция рассматривается не как переход к более высокой социально-экономической формации, а как одна из форм «модернизации», повторяющая путь, пройденный другими. Такие постулаты теории «модернизации» находятся в вопиющем противоречии с общепризнанным фактом, что все мировое развитие в XX в. осуществляется под прямым воздействием идей Октября, что Октябрьская революция определила столбовую дорожку истории.

ТЕОРИЯ «РУССКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»

При рассмотрении буржуазной историографии революционного процесса в России начала XX в. необходимо учитывать не только общесоциологические западные теории, но и конкретные концепции, лежащие в основе буржуазного понимания российской и советской истории.

При всей теоретической пестроте «советологической» историографии в ней можно обнаружить две основные концепции исторического развития России и СССР. Первая концепция исходит из принципиального разграничения и даже противопоставления исторического процесса России процессу развития западных стран. Вторая, наоборот, рассматривает историю России как историю отсталой европейской страны, которой предопределено повторить путь более передовых западных государств. Эти концепции — как бы два полюса развития буржуазной исторической мысли — имеют и определенное сходство. И теория «русской специфичности», и теория «несамостоятельности» исторического развития России в сущности исходили из одной посылки — положения об особой исторической судьбе России, которой суждено либо находиться вне общих законов «западной цивилизации», либо вечно догонять тот же Запад в тщетной надежде сравняться с ним. Идея «русской исключительности» широко используется буржуазными исследователями в качестве важного элемента при толковании истории русских революций.

Характерно, что положение об «исключительности» исторических судеб России, прошлое которой якобы абсолютно противоположно прошлому всего остального мира, берет свое начало в монархической и либерально-буржуазной историографии. Сторонники данной точки зрения исходили либо из своеобразия географической среды и особенностей исторического развития России (положение «европейской окраины»), либо из специфики национального характера («загадочной русской души»), представлявшего собой якобы полную противоположность характеру других народов.

В формировании западного варианта теории «русской исключительности» важную роль сыграла так называемая евразийская школа. Данная школа, возникшая в среде белой эмиграции⁴², подчеркивала, что Азия яв-

ляется составной частью России в такой же степени, как и Европа, если не в большей. Этот географический фактор, по словам «евразийцев», имел огромные последствия для истории России, она определялась геополитическими условиями, борьбой за осуществление идеи создания «евразийского» государства. Развивая историческую концепцию «евразийской школы», Д. Вернадский подчеркивал решающее значение взаимоотношений «степного» и «лесного» общества на огромных просторах «евразийской» равнины, этническое и культурное разнообразие России и «основной органический вклад» восточных народов, прежде всего монголов, в русскую историю⁴³. Сторонники концепции «евразизма» заявляли: народы «русского мира» — ни европейцы, ни азиаты. Они — «евразийцы», при этом подчеркивалось преобладающее влияние Азии, Востока⁴⁴.

В концепции «евразийской школы» Октябрьская революция, идеи марксизма-ленинизма объявлялись временной, случайной aberrацией от специфических, «евразийских» черт русского народа. В условиях, когда буржуазная мысль пыталась воздвигнуть идеологический барьер распространению идей Октября, старая теория «русской исключительности» в этой новой форме пришла как нельзя более кстати. Концентрируя внимание на «специфических особенностях» русской географии, истории, национального характера, идеологи буржуазии стремились доказать, будто Октябрьская революция и ее последствия вовсе не являются проявлениями исторической закономерности.

Ненаучный характер теории «русской исключительности» проявляется не только в значительном преувеличении влияния на исторический процесс таких факторов, как географическая среда или национальный характер, но и в произвольной, субъективистской трактовке самих этих факторов. Наиболее характерен подход буржуазных историографов к исследованию специфических особенностей «русского национального духа». «Загадочная русская душа» — неременный аксессуар «советологической» литературы определенного сорта — не что иное, как идеалистическая конструкция, которая рассматривается как раз и навсегда данная категория, не поддающаяся никаким изменениям. При этом западная литература наделяет «русскую душу» такими характеристиками и свойствами,

которые ничего общего с реальностью не имеют. Так, американский социолог Г. Кон в многочисленных работах, которые он публиковал в период «холодной войны», утверждал, будто русскому народу свойственны антидемократизм и экспансионизм⁴⁵. Политическая направленность этих экскурсов в область «специфической национальной психологии» была с очевидностью раскрыта другим американским «советологом» — Д. Томашичем, пытавшимся доказать, что отмеченные «свойства русских» и определили характер «советского коммунизма»⁴⁶. Такие оценки не ушли в прошлое. С. Томпкинс во второй половине 60-х годов заявлял, что «русскому духу» в отличие от народов Западной Европы присущи-де фанатизм, нетерпимость, привычка к повиновению и в то же время анархизм⁴⁷. Отсюда попытки рассматривать революционное движение в России как своего рода стихийный бунт, «вспышки насилия», объясняемые тем, что, как писал журнал «советологов», «русские матери слишком туго пеленают своих детей»⁴⁸.

«Советологический» тезис об «исключительности» истории России исходит из отрицания социального прогресса, из утверждения неизменного господства исконных, «вечных» и притом мифических начал в исторических судьбах народов. Однако сама наша бурная эпоха революционных перемен разбивает надуманные теории буржуазных историографов о неизменности мира, общества, человека. Марксисты-ленинцы исследуют историческую, культурную и политическую жизнь народов, исходя из общих закономерностей всемирно-исторического процесса, без какого бы то ни было противопоставления одних народов другим. Общие и особенные черты в истории, культуре, языке тех или иных народов объясняются общностью их этнического происхождения, территории, характером их экономических, политических и культурных связей.

«Теоретические» упражнения сторонников концепции «исключительности» не имеют ничего общего с познанием закономерностей общественного развития, выяснением действительного места России в ходе мировой истории. Все силы данных теоретиков направлены на то, чтобы «исторически обосновать» положение о коренной противоположности между Россией и Западом и тем самым подменить действительную противоположность двух обще-

ственно-политических систем (социализма и капитализма) мнимой противоположностью западной и восточной «культур». Отсюда рассуждения о «принадлежности» России Востоку (в лучшем случае о том, что Россия — отдаленная окраина «цивилизованного западного мира»), об «исконных экспансионистских и агрессивных устремлениях» русского народа, об отсутствии в России в прошлом (и тем более в настоящем) элементарных демократических свобод и институтов, о противоположности «российской автократии» «западной демократии», об отсталости и подверженности чужеземным влияниям.

Профессор университета штата Вашингтон К. Витфогель намного расширил рамки «внеевропеизма» русской истории. Русское общество, писал К. Витфогель, возникло под действием двух восточных влияний — Византии и монголов. Это воздействие оказалось господствующим в последующем развитии страны. Византия положила начало «истернизации» России. Монгольское нашествие не только закрепило этот процесс, заявлял Витфогель, но и дало мощный стимул еще большему «уходу» России в Азию. Россия — это Восток, а не Запад, заключал К. Витфогель, поэтому в ней и не могла укрепиться демократия европейского типа. Русская история — «это поле вековой борьбы между восточным деспотизмом и свободным обществом»⁴⁹. В данной связи проводится мысль о недемократических тенденциях в российском революционном движении.

Характерно, что уже упомянутый Г. Кон использует противопоставление России и Запада для трактовки внутренней истории России как процесса борьбы между восточным и западным влияниями. В определенные периоды истории, утверждал он, то одна, то другая тенденция брала верх — в этом основное содержание домонгольского, московского, петербургского и опять московского (советского) периодов русской истории. Полемика между западниками и славянофилами в XIX в. в трактовке Кона — это опять-таки не конкретно-исторически обусловленное явление, а наиболее характерное выражение неизменных факторов русской истории. В целом азиатской тенденции, утверждал Кон, удастся контролировать положение: Россия — отсталая страна, которая социально и идеологически не подготовлена к принятию западной идеи⁵⁰.

Чтобы как-то свести концы с концами, сторонники схемы противоположности Востока и Запада искажают марксизм-ленинизм, развивая положение об «антизападной» сущности ленинизма. В результате сплава с национальным духом, заявлял Р. Дэниэлс, ленинская теория якобы утратила классовое содержание и превратилась в теорию борьбы слаборазвитых стран Востока против индустриального Запада. «В контексте восточно-западных отношений коммунизм представляет собой специфическую форму бунтарской восточной реакции на влияние Запада»⁵¹. Р. Такер приписывает концепцию «Восток против Запада» В. И. Ленину⁵², хотя хорошо известно, что ленинское учение проникнуто идеями пролетарского интернационализма и что оно исключает какое-либо обособление и тем более противопоставление народов разных географических районов, континентов и зон.

Некоторые западные авторы (С. Утехин, Д. Кларксон) выражают несогласие с противопоставлением России и Запада. Другие выдвигают «компромиссную» концепцию: Россия — это симбиоз, смесь элементов Востока и Запада. Г. Робертс предлагает: следует заменить существующую поляризацию понятий «Россия» и «Запад» концепцией «европейского спектра»: различные его части отличаются друг от друга, но это части единого целого⁵³. Показательно, что английский историк П. Дьюкс в работе «Россия и революция XVIII в.» выступил против попыток «исключить» Россию из европейской истории⁵⁴.

Советская историческая наука показала несостоятельность теории «русской исключительности». В работах историков-марксистов на конкретном материале показано единство всемирно-исторического процесса, доказано, что, как бы ни были специфичны условия в различных странах, социальное развитие повсюду подчинено общим законам. При всех особенностях России ее развитие явилось составной частью всемирно-исторического процесса. Все основные исторические закономерности проявились и в истории России. Попытки оторвать историю нашей страны от всемирно-исторического процесса ни на чем не основаны.

С теорией «исключительности» тесно связана концепция «преемственности», с помощью которой буржуазные историографы пытаются свести на нет эпохальные перемены, происшедшие в нашей стране после Великой Ок-

тябрьской социалистической революции. Сторонники этой концепции заявляют об отсутствии принципиальной разницы между советской социалистической системой и самодержавным режимом, который существовал в нашей стране до революции 1917 г., о том, что якобы имеет место определенная преемственность между политикой помещичье-буржуазного строя и властью трудящихся.

В работе «Концепция преемственности в истории» профессор Гарвардского университета А. Гершенкрон следующим образом сформулировал проблему. Под «преемственностью» в истории, подчеркивал он, следует понимать: а) стабильность некоторых элементов в изменяющемся в целом мире и б) что-то такое, что неотъемлемо присуще всей истории человечества. Иными словами, продолжал Гершенкрон, это «история по Шопенгауэру», в течение которой ничто «существенное» никогда не меняется, кроме имен и дат⁵⁵. Как видим, в рамках концепции «преемственности» сложные проблемы исторического развития удивительно упрощены: меняются лишь имена и даты, т. е. внешняя форма, «вывеска», сущность же неизменна. Эта своеобразная консервация «существенного» в истории дает возможность реакционерам практически перечеркивать значение революционного процесса. Концепция «преемственности» используется и как орудие клеветы на пролетарских революционеров, российских большевиков.

Принцип «преемственности» — не новая идея в западной исторической литературе. Еще в 1958 г. в многотомной истории Советской России Э. Карр писал, что «взаимодействие противоположных принципов преемственности и изменения составляют основу истории» и что ни одно изменение — каким бы невероятным и внезапным оно ни казалось — не разрушит полностью преемственность между прошлым и настоящим. При этом Карр ссылался на великие революции прошлого как на примеры этого взаимодействия в его наиболее острой форме⁵⁶.

Это положение, взятое в общей форме, на первый взгляд не вызывает сомнений. Известно, что марксистская диалектика исходит из того, что новое рождается в старом и, как следствие этого, в новом содержатся элементы старого. События истории, великие революции прошлого были подготовлены всем предшествующим экономическим, социальным и политическим развитием. В этом

их историческая обусловленность и закономерность. И тем не менее концепция «преемственности», выдвигаемая буржуазной историографией, не только не отражает существа реального исторического процесса, но и существенно искажает его. Дело, конечно, заключается не в том, что не существует никакой преемственности, а в том, что ей придается гипертрофированное, все определяющее и все заслоняющее значение в историческом процессе.

Хотя некоторые буржуазные историографы говорили не только о преемственности, но и об изменении, акцент они ставили на первом в ущерб второму. Отмечая это обстоятельство в своем курсе русской истории, профессор университета штата Монтана М. Рен подчеркивал: «Многие на Западе, в особенности американцы, придерживаются мнения, что Советский Союз — это что-то совершенно новое, которое можно понять, лишь изучая нынешнее советское состояние и развитие после 1917 г. Эта точка зрения совершенно нереалистична... Современная Россия так же не может отряхнуть влияние своего прошлого, как и другие нации»⁵⁷. Ту же мысль отстаивал Гершенкрон в сборнике «Преемственность и изменение в русской и советской общественной мысли»⁵⁸. Многие «советологи» подбирают для своих трудов такой «материал», какой нужен для «объяснения» исторических явлений с точки зрения концепции «преемственности». Особенно свойствен такой подход небезызвестному Р. Пайпсу. В предисловии к книге «Россия при старом режиме» он уверяет, что в России после 1880 г. ...характер «режима» не изменился!⁵⁹

Какова система «доказательств» действия принципа «преемственности» в истории СССР? Она не сложна и характеризуется обращением к тем же «неизменным факторам» русской истории, о которых уже частично говорилось выше. «Советологи» ссылаются на «специфические условия» страны, на «национальный дух» и сложившиеся «национальные традиции» как на те силы, которые в конце концов привели к «перерождению революции» и к практическому воссозданию в «новой форме прежнего содержания»⁶⁰.

Применяемый рядом «советологов» метод не имеет ничего общего с научным выяснением причинности тех или иных исторических явлений. Действительно, любая страна, вступившая на путь революции, обладает свое-

образными условиями и национальными традициями, но можно ли из этого сделать вывод о неизбежности реализации принципа «преемственности»? Ведь исходя только из концепции «преемственности» невозможно объяснить прогресс человечества за его тысячелетнюю историю. Конечно, специфические неблагоприятные материальные условия, как и специфические реакционные традиции страны, могут тормозить революционный процесс, даже деформировать его. Но они не могут его остановить, повернуть историю вспять, сделать невозможным переход от одной социально-экономической формации к другой. И совершенно неправомерно применять эту посылку к социалистической революции, решительно рвущей с самой сущностью эксплуататорского строя.

Говоря конкретно о революционном процессе в России в XX в., необходимо отметить, что в том-то и отличие социалистической революции от буржуазной, что ее цель не завершалась отменой старого порядка. Взятие власти пролетариатом и беднейшим крестьянством не является самоцелью. Октябрьская революция открыла новую эпоху революционных преобразований, коренной переделки общества. Если в буржуазных революциях, по словам К. Маркса, «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых», то революции социалистические рвут с эксплуататорскими традициями. Эти революции могут «черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого»⁶¹.

Концепция «преемственности» не укладывается в рамки конкретной истории трех революций в России. Октябрьская революция разорвала путы старого буржуазно-помещичьего порядка. В ходе грандиозных революционных преобразований, начавшихся после установления Советской власти, был разрушен государственный аппарат угнетения, ликвидированы частная собственность на орудия и средства производства и эксплуататорские классы. В то же время были созданы совершенно новые экономические и государственные отношения, построено новое общество, не знающее угнетения человека человеком. Попытки зарубежных «советологов» и «кремленологов» «навести мосты» между царской Россией и СССР абсолютно беспочвенны и обречены на провал. Сказанное не означает, что Октябрь порвал со всем историческим прошлым. Избавив страну от национальной катастрофы,

в которую ее ввергло хозяйничанье помещиков и капиталистов, победивший пролетариат сохранил для будущих поколений великие исторические ценности, созданные народами России в течение веков. Среди этих ценностей — революционные, демократические традиции, сохранявшиеся и приумножавшиеся в течение десятилетий освободительной борьбы.

«Мы любим свой язык и свою родину, — писал В. И. Ленин, — мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свержать попа и помещика»⁶².

Тем не менее антикоммунисты упорно твердят об «узах, связывающих большевиков с Романовыми», заявляя, что то, что объединяет современных русских с их предшественниками XVIII и XIX вв., «гораздо важнее, чем разделяющие их различия в символе веры»⁶³. С особым упорством идея «преемственности» проводится при сравнении внешней политики революционной власти рабочих и крестьян после Октябрьской революции с политикой царской России, что отвечает методологическим и политико-идеологическим установкам буржуазной историографии, считающей, что именно во внешнеполитической области «преемственность с политикой предыдущего правительства утверждается наиболее быстро и очевидно»⁶⁴. Не случайно в этой сфере развил активность тот же Р. Пайпс.

Подобную позицию занимают представители школы «реальной политики», возглавляемой профессором Чикагского университета Г. Моргентау. Каждая нация, говорят сторонники этой школы, в силу своего географического положения, исторических условий и взаимоотношений с другими «центрами силы» имеет важные жизненные интересы, которые должны принимать во внимание госу-

дарственные деятели. Эти действительные «национальные интересы», а не публичные лозунги и декларации и являются самым главным для страны — они не зависят ни от смены правительства, ни даже от смены режима. Поскольку географические факторы «постоянны», им сопутствует и «постоянство» в политике. В России как при царях, так и «при комиссарах» география не изменилась — не изменились и внешнеполитические проблемы.

«Преимственность национального интереса», выдвигаемая чикагской школой Моргентау (а ее позицию разделяет широкий круг американских историков), отрицает классовый характер внешней политики и вытекающее отсюда коренное отличие внешней политики социалистического государства от политики государства капиталистического. Буржуазные ученые утверждают, что при осуществлении «национального интереса» нет принципиального различия между системами, что Великий Октябрь-де ничего не изменил в данном отношении. Все это не имеет ничего общего с исторической реальностью. Широко известно, что Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив строй социальной несправедливости, навсегда порвала с агрессивной внешней политикой царизма, провозгласила принципы мира и дружбы между народами, открыла новую эру в истории международных отношений.

Советское государство с первых дней своего существования решительно отвергло в международных отношениях все, что зиждется на грабеже, насилии, захвате. Оно провозгласило принцип добрососедских отношений и равноправных экономических связей со всеми странами мира. Одним из своих первых декретов — Декретом о мире Советское государство объявило об отказе от тайной дипломатии и выдвинуло принцип ведения международных переговоров «совершенно открыто перед всем народом...». 8 ноября 1917 г. В. И. Ленин, обосновывая положения Декрета о мире, заявил с трибуны II съезда Советов: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать»⁶⁵.

Советское правительство отказалось от тайных договоров, заключенных царским и буржуазным Временным правительствами, разоблачило их империалистическую

сущность. Советская страна уничтожила договоры о разделе Персии и Турции. Совет Народных Комиссаров немедленно признал независимость Финляндии. Октябрьская революция принесла свободу и Польше. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в январе 1918 г. заявлялось, что Советская страна стоит на позициях полного разрыва «с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах»⁶⁶.

Таковы только некоторые факты, показывающие шаткость и необоснованность концепции «преемственности». Иллюзорность ее видят и некоторые «советологи». В этой связи обращает на себя внимание мнение бывшего главного редактора журнала «Славик ревью» Г. Робертса, охарактеризовавшего Великую Октябрьскую социалистическую революцию как один «из великих перерывов в истории, действительный разрыв с прошлым, бурное событие, подводящее черту и открывающее новый период»⁶⁷.

Таковы в общих чертах теоретические основы буржуазной историографии революционного процесса в России. Они находят конкретное проявление в различного рода антинаучных концепциях революции 1905—1907 гг., Февральской и Великой Октябрьской революций.

II

МИФ О РЕВОЛЮЦИИ... БЕЗ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Революция 1905—1907 гг. занимает особое место в истории нашей страны и мирового освободительного движения. Она была подготовлена всем ходом социально-экономического и политического развития страны. Эта революция была первой народной революцией новой исторической эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества¹. Значение революции 1905—1907 гг. определяет актуальность ее изучения на современном этапе идеологической борьбы.

Для критического анализа современной буржуазной историографии первой русской революции следует выделить основные периоды в развитии взглядов буржуазных авторов по проблемам этой революции, выявить их традиционные концепции.

Для периода до Октября 1917 г. характерна оценка событий 1905—1907 гг. как ординарной буржуазной революции XIX в., полное непонимание ее исторического значения как революции новой эпохи, эпохи империализма. В 1910 г. в предисловии к одному из авторитетных буржуазных изданий — «Современная кембриджская история» — отмечалось: «Никаких великих революций, которые могли бы изменить основную концепцию текущих событий, до сих пор не произошло»². Эти слова были написаны в период, когда мир уже стал свидетелем ряда империалистических войн, стоял на пороге мировой войны, когда уже произошла первая народная революция эпохи империализма, приведшая в движение многомиллионные массы народов России, а затем Запада и Восто-

ка. Буржуазная историография выхолащивала революционное содержание событий 1905—1907 гг., изображала их как привычное «движение за реформы»³. Американское посольство в Петербурге имело инструкции ежедневно доносить о «действительном значении движения за так называемые реформы»⁴. Отголосок этой концепции нетрудно найти в некоторых зарубежных изданиях и сейчас.

С победой Великого Октября главное внимание буржуазных историков сосредоточилось на Февральской и особенно на Великой Октябрьской социалистической революциях. Проблемы же первой русской революции остались по существу в стороне, исследование их подменялось компиляцией узкого круга русских и иностранных работ, научный анализ — подтасовкой фактов в угоду антикоммунистическим выводам в «исследованиях» революций 1917 г.⁵ Господствовала так называемая теория ошибок⁶, вылившаяся в разнообразные рассуждения об «утраченных возможностях», «упущенных шансах» правящих кругов и т. п. В то же время первая русская революция по-прежнему оценивалась как реформистское либеральное движение. Почти до 50-х годов революция 1905—1907 гг. специально почти не рассматривалась, ее освещение можно найти лишь в общих работах по истории СССР, вышедших в это время на Западе. «До сегодняшнего дня нет некоммунистической монографии о революции 1905 г.», — писал О. Анвайлер в 1955 г.⁷

В начале 50-х годов историографическая ситуация изменилась. В США, ФРГ, Англии изучение истории СССР начало ставиться на широкую организационную основу. События всемирно-исторического значения, и прежде всего выход социализма за рамки одной страны, заставили некоторых идеологов буржуазии поставить под вопрос иллюзорные концепции специфического характера революционного движения в России. Началась определенная перестройка и буржуазной историографии трех русских революций. Как уже отмечалось, в качестве теоретической основы исследования истории России в период империализма стала постепенно утверждаться теория «единого индустриального общества», теория «модернизации». В работах «советологов» на первый план выступает стремление выхолостить классовое содержание внутрипартийной борьбы в рабочем движении России, найти ре-

формистскую альтернативу Октября, ограничив значение опыта трех российских революций максимум регионом развивающихся стран. «Советологи» были вынуждены признать возможность возникновения ситуаций, аналогичных революции 1905—1907 гг. в России, в ряде районов мира.

За последние 10—15 лет появилось свыше десятка только монографических работ по проблемам первой русской революции. Нельзя не отметить низкий даже по стандартам «советологии» исследовательский уровень многих из них. Ярким образчиком здесь является книга С. Шварца, о которой один из рецензентов написал, что она имеет «все качества плохой диссертации»⁸. Есть среди вышедших на Западе работы, обнаруживающие тенденцию к объективизму, к стремлению опираться на конкретные факты и т. д., но в ключевых, концепционных вопросах повторяющие теории буржуазной социологии⁹. Если учитывать и разницу в политических оттенках позиций буржуазных историков, то создается довольно пестрая картина историографии первой русской революции. Однако в целом современная буржуазная историография этой революции, включая статьи и разделы из общих работ по истории России, преимущественное внимание уделяет субъективным факторам. Изучаются лагерь контрреволюции, неустойчивые попутчики революции; предпринимаются также попытки умалить ее международное значение.

Современные концепции буржуазной историографии революции 1905—1907 гг. отражают прежде всего политическую стратегию современной империалистической буржуазии. Страшась и не приемля социальных революций, буржуазная историческая мысль пытается доказать, что в развитии общества не может и не должно быть им места. В истории России конца XIX — начала XX в. буржуазные идеологи видят «подтверждение» того, что реформы — альтернатива революции.

Вследствие этих установок буржуазная историография пытается отрицать ленинскую оценку революции 1905—1907 гг. как «генеральной репетиции» 1917 г. Английский историк Г. Стифенсон начинает раздел своей работы, посвященный революции 1905—1907 гг., словами: «Русская революция 1917 г. — событие столь зловещее, что оно бросает тень на два-три десятилетия назад. Лег-

ко и ошибочно изучать события периода двух последних Романовых... так, будто они были не чем иным, как прелюдией к этой революции»¹⁰. Тенденция очевидна. Еще более определенно подводит итоги первой русской революции Г. фон Раух. По его мнению, «в первые годы нового столетия обозначились различные возможности решения жизненных социальных проблем... в России» и «большевистский путь» был всего лишь одной из них¹¹. Этой же точки зрения, хотя и более завуалированной, придерживается английский историк Х. Ситон-Уотсон. «Большевистская революция, несомненно, одно из величайших событий во всей человеческой истории», — пишет он, но утверждает, что период истории России конца XIX — начала XX в. необходимо показывать таким, «каким он был, а не в свете того, что произошло за его пределами; рассматривать политические линии и личности в свете того, что было возможно в их время, а не навязывать им стандарты, принятые в наше время»¹². Призывая бесстрастно фотографировать, а не изучать прошлое, ни Ситон-Уотсон, ни Г. Раух не придерживаются своих кредо. На практике цель их работ, как и других «агностиков» от «советологии», доказать, что история России отнюдь не вела к Великой Октябрьской социалистической революции.

В концентрированном и наиболее очевидном виде тенденциозность буржуазной историографии революции 1905—1907 гг. проявляется в толковании того, что следует считать первой российской революцией по времени и по содержанию. Если брать хронологические рамки революции, то в большинстве зарубежных работ начало ее правильно датируется днем Кровавого воскресенья — 9 января 1905 г. В то же время некоторые буржуазные авторы нередко пытаются представить началом революции такие события, как маневры правительства после убийства эсерами министра В. Плеве, акции либералов и т. п. «Хотя Кровавое воскресенье обычно рассматривается как начало русской революции 1905 г., — пишет, например, американский «советолог» Д. Фишер, — решающий шаг был сделан не в этот день, а... в ноябре 1904 г.»¹³, т. е. в дни так называемой банкетной кампании, когда либералы выпрашивали у царизма. Столь же тенденциозен и Р. Пайпс, утверждающий, что 9 января 1905 г. — всего лишь «один из непредвиденных

побочных результатов кампании «Союза освобождения»¹⁴ — все той же «банкетной кампании».

В действительности же эти действия либералов не выходили за рамки оппозиционности царизму и являлись одним из выражений кризиса, охватившего все классы российского общества в конце 1904 г. Притязания некоторых «советологов» изобразить либералов инициаторами революции 1905—1907 гг. лишены всякого основания. Сложившаяся в стране революционная ситуация переросла в революцию в результате мощных выступлений рабочего класса. Что касается либералов накануне революции, то они после царского указа и правительственного сообщения от 12 декабря 1904 г., содержавших некоторые обещания (а одновременно и угрозы), присмирели и начали вновь выражать свои верноподданнические чувства¹⁵. Это признают и некоторые буржуазные авторы. Так западно-германский рецензент книги Ш. Галая о либеральном движении в России 1900—1905 гг. К. Фрелих отмечает: «Конечно, в ноябре — декабре 1904 г. «Союз освобождения» был на вершине своего успеха, но революция все-таки «была приведена в движение» (это слова Ш. Галая. — *Авт.*) не федеративным советом с его «банкетной кампанией» и земским съездом»¹⁶.

Концом революции буржуазные авторы нередко изображают поражение Декабрьского вооруженного восстания в Москве. «Конец революции»¹⁷ — так названа глава в работе С. Харкейва, посвященная декабрьским событиям 1905 г. Г. Стифенсон пишет о первых неделях 1906 г.: «Выздоровление самодержавия произошло столь быстро, что трудно было поверить, будто Россия разваливалась всего лишь несколько месяцев назад»¹⁸. Характерно, что, согласно троцкистской концепции небезызвестного И. Дойчера, события конца 1905 г. также являлись «последним словом революции»¹⁹. Хорошо известно, однако, что в реальной действительности события развивались далеко не так. 1905 годом закончилась революция для либерально-буржуазного лагеря. Громадный рост крестьянских восстаний, следовавшие одна за другой волны стачечной борьбы, вооруженные восстания в армии и на флоте в 1906—1907 гг. говорили о том, что народная революция продолжалась. Лишь к лету 1907 г. царизм почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы разогнать II Думу и перейти в контрнаступление.

Показательно в этом отношении мнение буржуазных авторов относительно высшей точки, пика революции 1905—1907 гг. Такой вершиной, «победой революции» нередко считается день опубликования царского манифеста — 17 октября 1905 г. Известно; однако, что этот царский акт имел поворотное значение только для буржуазии: получив долгожданную уступку, она открыто перешла на сторону контрреволюции. Предвидение В. И. Ленина, что «буржуазия неизбежно повернет, в своей массе, на сторону контрреволюции, на сторону самодержавия против революции, против народа, как только удовлетворятся ее узкие, корыстные интересы...»²⁰, полностью подтвердилось.

Ту же тенденциозность обнаруживают попытки ряда авторов представить дело так, будто изложение событий в России в 1905—1907 гг. под термином «революция» чисто условно. Слово «революция» отдельные авторы берут в кавычки, характеризуют ее как «события, обычно именуемые революцией», как «цепь случайностей», беспорядков, бунтов и т. п.²¹ У буржуазных историков отсутствует единое общепринятое толкование термина «революция». Но даже с учетом этого терминологического разноречия желание ограничить размах революции, изобразить ее как стихийные бунты, игнорировать роль большевистской партии, «сбалансировать» факты борьбы масс подробнейшим описанием царских указов и рескриптов, либеральных петиций и проектов и все это выдать за «объективную» картину событий 1905—1907 гг. характерно для многих авторов. Объясняется это все тем же стремлением к выхолащиванию революционного содержания первой русской революции, изображению ее как некоего «освободительного движения», «движения за реформы»²².

В ПЛЕНУ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Как же «советологи» ставят и решают вопрос о предпосылках первой революции в России? Имеются разные точки зрения. В одних работах по истории России, вышедших в 40—60-е годы, можно встретить указания на ряд факторов социально-экономического и политического характера, приведших к «взрыву» общественного недовольства в начале XX в. Так, С. Томпкинс, Б. Самнер, М. Фло-

ринский, Д. Вернадский и другие рассматривают тяжелое положение крестьянства, подъем рабочего движения, поражение в русско-японской войне, деятельность революционных партий и т. п. В этих работах встречаются положения об «устарелости структуры» режима²³, «внутренней слабости царизма»²⁴, вывод о «назревании революции»²⁵. «Ее (революции 1905—1907 гг. — Авт.) внутренние причины лежали очень глубоко в социальных условиях»²⁶, — писал Д. Вернадский. Но к этим положениям данная группа авторов обычно присоединяет субъективный момент, нередко придавая ему определяющее значение: как правило, речь идет об «ошибках» царя, его приближенных, о несостоявшихся реформах, которые якобы могли в корне поправить дела и направить развитие страны «в сторону демократии»²⁷.

Отмеченная линия в определении предпосылок первой российской революции прослеживается и в новейшей буржуазной историографии. Английский историк В. Мосс в рецензии на одну из книг, содержащих радужную картину «успехов» царской России в начале XX в., писал: «Уровень жизни огромного большинства оставался крайне низким, что сочеталось с широко распространенной неграмотностью и бескультурьем. Разрыв между «привилегированной Россией» и «темным народом» не сократился. Зависимость от специалистов и ресурсов заграницы уменьшилась лишь незначительно. Политическая структура империи, несмотря на думскую полушараду, не смогла заметно адаптироваться к социальным и духовным переменам. Николай II с его псевдосредневековыми взглядами, истеричной супругой, двором шарлатанов, авантюристов, приспособленцев, интриганов и слуг был живым (и опасным) анахронизмом. Такой же была его холопская... церковь»²⁸. Аналогичные высказывания можно найти в работах Т. фон Лауэ, Л. Кочэна, Л. Хэймсона и др. В рамках концепций, рассматривающих новейшую историю России как движение к «единому индустриальному обществу» («модернизации»), они пессимистически* оценивают шансы царизма на выживание. Однако исторически закономерный итог революционного движения — социалистическую революцию объявляют спецификой России, отклонением от нормальной «модер-

* Об этом подробнее см. главу III.

низации». В результате первая русская революция лишается тех качеств, которые объективно делали ее предвестником победы над царизмом и капитализмом.

Такова одна схема суждений по вопросу о предпосылках первой русской революции. Однако далеко не все западные историки считают царизм неизбежно обреченным на гибель. В буржуазной историографии всегда присутствовала тема «прогресса» царской России к началу XX в., который якобы давал возможность избежать «революционной катастрофы». С начала 60-х годов, когда буржуазные идеологи усиленно занялись поисками альтернатив социалистической революции, эта тема стала разрабатываться определенной группой «советологов» с особой интенсивностью. В качестве причин первой русской революции на первый план стали выдвигаться только субъективные факторы: «ошибки» царя и его окружения, «просчеты» либералов и т. д. Нередко муссируется тема русско-японской войны как единственной причины революции 1905—1907 гг. Объективные потребности развития общества, вызвавшие революцию 1905—1907 гг., замалчиваются в угоду концепциям, утверждающим идею возможности предотвращения революции. Одним из примеров такого подхода является книга эмигранта С. Пушкарева — фигуры ранее в «советологии» незаметной. В 1963 г. на английском языке была издана его работа (в 1953 г. вышедшая в США на русском языке) «Возникновение современной России». Спустя десять лет об этой книге вспомнили потому, что в ней сфальсифицирована одна из важнейших причин революции 1905—1907 гг. — экономическая основа борьбы крестьян за ликвидацию помещичьего землевладения. С. Пушкарев в сущности повторил «тезис» октябристов и черносотенцев, объявлявших стремление крестьян взять помещичьи земли химерой: у помещиков-де земли фактически уже не было²⁹. В действительности 28 тыс. помещиков владели 62 млн. десятин, в то время как 10 млн. крестьянских дворов имели только 73 млн. десятин земли³⁰. С. Пушкарев превозносит успехи царской России во всех областях, что якобы делало революцию ненужной, а причины «катастрофы» объясняет главным образом «слабостью» царя и неудачной войной³¹. Если Пушкарев все же упоминает о социальных «стрессах», то Д. Уолкин довел субъективистскую тенденцию буржуазной историографии предпосы-

лок первой русской революции до крайности. Этот консервативный «советолог» видит основную причину революции 1905—1907 гг. и последующей «катастрофы» (под ней Уолкин подразумевает победу Великой Октябрьской революции. — *Авт.*) в негибкой политике царя Николая II, якобы опоздавшего с провозглашением и проведением конституционных реформ³².

С позиции поиска альтернативы, но несколько более «осмотрительно» освещается проблема предпосылок первой русской революции в работах Х. Ситона-Уотсона, С. Харкейва и др. Но и они главную причину революции видят в неспособности вовремя провести некоторые реформы³³.

Во многих отношениях типичной для «советологической» постановки вопроса о предпосылках первой русской революции и (особенно для тех буржуазных историков, которые несогласны с тезисом об обреченности царизма) является работа С. Харкейва «Первая кровь». Автор пишет об аграрной проблеме, проблеме «национальных меньшинств», положении рабочих и «образованного класса». Однако он тут же спешит сделать оговорку: «Даже такие проблемы, которые стояли перед Россией на грани веков, не ведут с необходимостью к революции. Революция должна родиться в умах людей»³⁴. Здесь налицо попытка «сбалансировать» «крайние» точки зрения на проблему предпосылок революции, «препарировать» эти точки зрения.

Следует отметить и концепцию буржуазной историографии, согласно которой первая русская революция (как и две последующие) объясняется поражением России в войне. Конечно, значение фактора военных неудач царизма нельзя недооценивать. Советская историческая наука признает важную роль поражений царизма в русско-японской войне для ускорения объективно обусловленного революционного процесса. Но тезис о войне как первопричине революции игнорирует социальную основу войны и революции 1905—1907 гг., весь комплекс общественно-экономических противоречий царской России. Он служит все той же цели буржуазной историографии обосновать случайный характер революции 1905—1907 гг., возможность избежать ее на пути реформ.

Таким образом, «советологические» трактовки предпосылок первой русской революции характеризуются

различной степенью тенденциозности и односторонности³⁵. Научная концепция причин первой русской революции возможна лишь с марксистско-ленинских теоретических и методологических позиций. Советская историография, вооруженная ленинской методологией исследования истории России конца XIX — начала XX в., убедительно раскрыла объективные закономерности этой революции³⁶.

К началу XX в. социально-экономическая структура России сочетала феодально-крепостнические пережитки с системой крупнокапиталистического производства, монополистических объединений. Новейшие империалистические формы хозяйствования были теснейшим образом (через банки) связаны с помещичьим латифундизмом, с остатками феодальных форм эксплуатации.

Этот факт констатируется в первой Программе РСДРП: «В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого, докапиталистического порядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ»³⁷. Социальный гнет в России тесно переплетался с гнетом национальным. Во многих национальных районах феодальные пережитки давали о себе знать гораздо сильнее, чем в Центральной России. Пережитки крепостничества налагали отпечаток на общественно-политическую жизнь. Переплетение всех видов гнета придавало особую остроту социальным противоречиям в стране. В России сложились предпосылки для двух одновременных, тесно переплетавшихся социальных войн: «Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»³⁸. К первой социальной войне В. И. Ленин относил также выступления угнетенных народов Российской империи за свое национальное освобождение.

Руководимый ленинской партией рабочий класс России развил высокую революционную активность. Самым революционным крестьянством мира было российское крестьянство. В стране разворачивалась борьба за национальное освобождение. В движение пришли все демократические слои населения. Россия в начале XX в. становится узловым пунктом противоречий мирового империализма, его наиболее слабым звеном. Сюда переместился центр международного революционного движения³⁹.

ТРИ ЛАГЕРЯ ИЛИ «ДВЕ РОССИИ»? ПРОБЛЕМА РАССТАНОВКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Тенденциозность установок буржуазной историографии ярко проявляется и в характеристике движущих сил первой русской революции, в трактовке вопросов гегемонии пролетариата, его союза с крестьянством, роли большевистской партии.

В современной буржуазной литературе вопрос о движущих силах революции освещается в большинстве случаев с меньшевистско-либеральных позиций, исходя из концепции «двух лагерей». Вхожий во время революции 1905—1907 гг. в кадетско-октябристские круги английский историк Б. Пэрс в свое время утверждал, что в этой революции друг другу противостояли «правительство» и «народ»⁴⁰. Соответствующим образом и движущая сила революции в его изображении — «всеобщее движение сплошной оппозиции», в которой лидером будто бы выступала земско-либеральная оппозиция⁴¹. Эта историографическая традиция сохранилась на долгие годы и находит отражение в работах современных английских и американских историков. Упомянувшийся нами Д. Уолкин усматривает на политической арене России в годы первой русской революции «бюрократию» и «общество» и делает отсюда вывод, что в революции якобы основную роль играли умеренные консерваторы и либералы⁴². Сходные положения высказаны С. Харкейвом: «общество» и «правительство», «две России» — так охарактеризована расстановка политических сил в его книге. Видимо, сознавая шаткость подобного рода определения, С. Харкейв пускается в рассуждения о том, будто решающее значение для хода революции имело то, что такое деление существовало в сознании людей, в умонастроении

ниях «общества»⁴³, а не в реальной действительности. Но этот уход в сферу идеалистических построений лишний раз свидетельствует о неспособности буржуазной историографии согласовать свои антинаучные концепции с реальностью истории. Либералов изображает вождем революции израильский историк Ш. Галай⁴⁴.

Буржуазная историография не может пройти мимо динамики соотношения политических сил в ходе революции 1905—1907 гг., однако трактует эти вопросы в духе все тех же кадетско-меньшевистских концепций. По утверждению С. Харкейва, 17 октября 1905 г. единство «революционных» (в буржуазном понимании) сил окончилось и движение стало «квазиреволюционным»⁴⁵. Подобные оценки вскрывают классовую сущность позиции буржуазных историографов, их связь с апологетами либерально-буржуазного лагеря в публицистике и историографии начала XX в. и позднее — в эмиграции. Вместе с тем это обстоятельство еще раз подтверждает непреходящее значение разоблачения В. И. Лениным поведения либералов после опубликования царского манифеста.

«Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Милюкова... — писал В. И. Ленин, — повернула сейчас же после 17-го октября от демократии к Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход *класса* на соответствующую его экономическим интересам контрреволюционную позицию»⁴⁶.

Приведенные выше трактовки не исчерпывают разнообразия позиций буржуазных авторов в вопросе о политических силах, боровшихся в период революции 1905—1907 гг. Многие авторы не столь решительны в утверждении, что гегемоном российской революции, лидером антиправительственного лагеря была либеральная буржуазия. Но они включают в революционный лагерь всех и вся, изображают революционное движение как некую «неразбериху», пестрый конгломерат группировок, в котором якобы невозможно выделить ни подлинных революционеров, ни временных попутчиков, ни скрытых врагов революции. «Недовольство общества проявилось во множестве различных и нескоординированных форм. Вся страна кипела недовольством, и никто ни в правительстве, ни в революционном движении не мог составить себе общее представление или понять, как пойдут события»⁴⁷, — утверждает, например, Д. Хоскинг.

Вариантом указанной точки зрения является концепция отдельных, самостоятельных потоков, будто бы характерных для революционного движения 1905—1907 гг., причем всем им приписывается, так сказать, равная степень «радикализма»⁴⁸. Например, Д. Фишер выделяет пять течений: «буржуазную революцию», «пролетарскую революцию», «крестьянскую жакерию», «движение национальных меньшинств», «контрнаступление великорусского национализма»⁴⁹. «Автономность», «параллельность» отдельных революционных потоков призваны служить все той же цели — отрицанию, смазыванию руководящей роли рабочего класса в первой русской революции, его способности сплотить вокруг себя крестьянство, общедемократическое движение средних слоев, национально-освободительное движение.

Конечно, в работах буржуазных авторов есть и более реалистичные оценки движущих сил революции. Ряд авторов выделяют революционную силу выступлений рабочего класса, пишут о революционном, отличном от либерального движении и т. д. Но и за объективистским освещением отдельных частных вопросов оказывается скрытой тенденция отрицания гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 гг. И это не случайно, поскольку в основе буржуазной историографии лежит порочная методология.

В трактовке факторов, вследствие которых российский пролетариат, по мнению «советологов», не мог стать гегемоном первой российской революции, имеется ряд вариантов. Прямолинейная версия выражена, например, в книге С. Харкейва, который пытается убедить читателя в отсталости рабочего класса России, его мнимом реформизме, тред-юнионистских устремлениях и т. п. Стремятся «оторвать» рабочее движение от социал-демократии, от большевистской партии эмигрант из меньшевиков С. Шварц, «советологи» Д. Кип, И. Гетцлер и др.⁵⁰ Фальсификация вопроса о гегемонии рабочего класса в революции 1905—1907 гг. идет и по линии искажения форм и методов его революционной борьбы: выхолащивается политическое содержание стачек, вооруженное восстание объявляется непролетарской формой борьбы и т. д. Важнейшее место в рассуждениях «советологов» отведено попыткам «отлучения» большевиков от революционного рабочего движения 1905—1907 гг.

Ряд буржуазных авторов прямо не отрицают авангардную роль рабочего класса в революции 1905—1907 гг., нередко называя рабочих «самой динамичной силой»⁵¹. Х. Ситон-Уотсон, например, пишет, что «наиболее активным классом были промышленные рабочие. Это их стачки сделали оппозиционное движение эффективной и опасной силой»⁵². Однако из высказываний Х. Ситона-Уотсона явствует, что он все же считает рабочих придатком «оппозиционного движения». В стачечной борьбе он видит в основном экономическое содержание: речь ведется преимущественно об экономических стачках, политические стачки и тем более вооруженные восстания объявляются «привнесенными извне». Рабочий класс в его изображении выглядит послушным объектом манипуляций со стороны правительства и буржуазии, которые будто бы имели все возможности (но не использовали их) путем уступок, реформ, заигрываний лишить рабочий класс его революционной наступательной силы. Эту же линию проводят в своих статьях Д. Сноу и Г. Римлингер⁵³. В их «аргументации» преобладает тема ошибок, упущенных «золотых возможностей» и т. д.

Освещение буржуазными историками лагерей в революции 1905—1907 гг. и особенно проблемы гегемонии пролетариата отражает острую актуальность в современной идеологической борьбе вопроса о классе, занимающем центральное место в преобразовании социально-экономического облика XX в. Этим классом, как, в частности, показали три революции в России, является пролетариат, руководимый марксистской партией нового типа и способный сплотить всех угнетенных и эксплуатируемых. Исторической заслугой ленинской партии является то, что она сумела сконцентрировать в правильном, ведущем к победе направлении революционную энергию самого передового класса современности — рабочего класса.

Соединение рабочего движения с научным социализмом дало российскому пролетариату возможность вести свою классовую борьбу на гранитном фундаменте революционного марксизма, получить четкие научные ответы на важнейшие вопросы революционной борьбы.

В. И. Ленин еще до начала первой русской революции с позиций революционного марксизма определил ее движущие силы и перспективы развития. Он отстаивал принципиальные положения марксизма о роли пролетариата

в буржуазно-демократической революции и всесторонне развил их, доказав, что пролетариат должен и может стать гегемоном во всякой подлинно народной революции. Определяя политическую линию рабочего класса и его марксистской партии, Ленин выделял на арене политической борьбы в России три политических лагеря: демократический (пролетариат и его союзник — крестьянство, олицетворявшие движущие силы революции), боровшийся за свержение царизма и установление демократической республики; либерально-буржуазный, добивавшийся конституционной монархии и предотвращения народной революции; правительственный (царизм и дворянство), стремившийся не допустить социального переворота и сохранить в неизменности монархический строй⁵⁴. Разоблачая меньшевиков и идеологов либерализма, видевших в России лишь два борющихся лагеря, В. И. Ленин писал, что такое деление классовых сил «есть уловка либеральной политики...»⁵⁵. Это деление «растворяло» пролетариат — авангард народной революции в общепозиционном движении, вело к уступке гегемонии рабочего класса буржуазии. Развитие революции полностью подтвердило правильность ленинской оценки ее движущих сил.

В работах советских авторов на огромном фактическом материале неопровержимо доказано, что гегемоном первой русской революции был рабочий класс⁵⁶. В ходе революции 1905—1907 гг., первой народной революции эпохи империализма, четко проявилась историческая роль рабочего класса как вождя трудящихся в борьбе за преобразование общества. Именно рабочий класс ответил на Кровавое воскресенье — 9 января 1905 г. стачками, демонстрациями, баррикадами и на протяжении двух с половиной лет шел во главе революционных масс, не уступая своей гегемонии. Пролетарское оружие — стачка⁵⁷ способствовала повышению революционной активности масс, подводила народ к решительным схваткам с царизмом, приводила в движение миллионные массы крестьянства, демократические слои населения. Руководящая роль пролетариата, отмечал В. И. Ленин, состоит в том, что «он ведет за собой весь народ, всю демократию. Он требует свободы и ведет к борьбе за свободу. Дает пример, образец. Поднимает дух. Создает новое настроение»⁵⁸. В ходе борьбы пролетариата родились Советы —

зародыш будущей революционной власти. С борьбой пролетариата связан пик революции 1905—1907 гг. — Октябрьская всеобщая политическая стачка и Декабрьское вооруженное восстание в Москве и в ряде других городов. Революционной силой, направлявшей и организовывавшей борьбу рабочего класса, была большевистская партия.

Гегемония пролетариата — это бесценный опыт русского рабочего класса, который с огромной силой проявился в Феврале 1917 г., позволил ему победить в Октябре 1917 г., это важнейший фактор, обусловивший то, что первая русская революция стала «генеральной репетицией» обеих революций 1917 г. Отмечая поворотное значение революционных боев 1905 г., В. И. Ленин писал: «После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 г. . . .»⁵⁹ Пример российских рабочих до сих пор вдохновляет международный пролетариат, всех угнетенных и эксплуатируемых на борьбу за свое освобождение.

Характеризуя предпосылки гегемонии пролетариата в народной революции, советские историки убедительно показали сплоченность рабочего класса, его способность стать передовым борцом за демократию, повести своих союзников на борьбу за коренные интересы трудящихся под руководством большевистской партии⁶⁰.

Исторические факты раскрывают авангардную роль рабочего класса в революции 1905—1907 гг. Занимая самые передовые позиции среди революционных сил, пролетариат вел решительную борьбу против самодержавия, на практике выступая как ведущая и, что особенно важно, как самостоятельная сила в освободительном движении. «...Из всех классов русского общества, — отмечал В. И. Ленин, — именно пролетариат обнаружил в 1905—1907 годы *наибольшую* политическую зрелость. Русская либеральная буржуазия. . . *именно потому* ненавидит русский пролетариат, что он оказался в 1905 году *достаточно* зрел политически, чтобы вырвать у этой буржуазии *руководство* движением, чтобы беспощадно разоблачать предательство либералов»⁶¹.

Яркой демонстрацией авангардной роли пролетариата в революции 1905—1907 гг., важной формой политического воспитания была стачечная борьба. Массовая

стачка как специфически пролетарская форма борьбы являлась средством активизации революционных сил народа. В динамике стачек отразились этапы первой русской революции от 9 января 1905 г. до третьеиюньского государственного переворота. В 1905 г. число стачечников — по неполной официальной статистике — составило 2863 тыс. человек, в 1906 г. — 1108 тыс. и в 1907 — 740 тыс. человек. Из них в связи с 9 января и его последствиями бастовало 810 тыс., в период Октябрьской всеобщей стачки и Декабрьского вооруженного восстания — 1277 тыс. человек, в наиболее острые моменты борьбы с царизмом в 1906 и 1907 гг. — соответственно 479 и 323 тыс. рабочих⁶². «...Подъем стачечной волны, — писал В. И. Ленин, — означает критические, поворотные пункты всей социально-политической эволюции страны... Движение других классов группируется вокруг этого центра, за ним следует, им направляется или определяется... от него зависит»⁶³. Из строго научного анализа конкретных фактов Ленин сделал важные выводы о связи экономических и политических стачек, о массовой политической стачке, о ее роли как рычага пролетарской гегемонии в революционной борьбе и ее перерастании в вооруженное восстание. Ведущая роль рабочего класса в революции ярко проявилась в создании Советов рабочих депутатов — самостоятельных органов, руководивших стачечной борьбой. В ходе революции Советы становились органами подготовки народного восстания и борьбы за власть.

Буржуазные историки пытаются представить пролетарские средства, методы и формы борьбы в непривлекательном свете как «заговорщичество», бланкизм⁶⁴. В действительности, подчеркивал В. И. Ленин, вооруженная борьба *«неизбежно»* вытекала из *всего* хода развития событий, а вовсе не из субъективных желаний отдельных групп или партий»⁶⁵. События 9 января, бои в Лодзи и других городах, восстания в армии и на флоте летом 1905 г. свидетельствовали о необходимости использования вооруженных форм борьбы с царским правительством. Большевики на III съезде РСДРП призывали массы к подготовке всенародного вооруженного восстания. Съезд единогласно принял ленинскую резолюцию, которая обязывала партийные организации разъяснять пролетариату не только политическое значение, но и практическую, организационную сторону предстоящего вооруженного

восстания. Предлагалось принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства им. Для этого необходимо было по мере надобности создавать особые группы из партийных работников. Эта работа партии среди пролетарских масс дала важные результаты. Московское вооруженное восстание, восстания в других пролетарских центрах страны начал и возглавлял рабочий класс⁶⁶, руководимый большевистской партией. Пролетарский характер вооруженных восстаний подчеркивает сама их география: Москва, Центрально-промышленный район, Донбасс, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, заводы Урала, железнодорожные узлы и т. д.

Буржуазная историография уделяет определенное внимание Советам 1905 г., имеются специальные исследования, монографии⁶⁷. Книга западногерманского «советолога» О. Анвайлера переведена на английский и французский языки. Буржуазные авторы, в том числе О. Анвайлер, стремятся исказить руководящую роль большевистской партии в создании Советов, их роль в революционной борьбе, характер деятельности Советов как органов восстания и зародышей народной власти и т. д.

Остановимся, в частности, на освещении «советологами» истории возникновения этих органов. Существует в целом верная точка зрения о том, что Советы — результат инициативы рабочих, что они выросли из стачечной борьбы⁶⁸; в то же время другие авторы утверждают, будто Советы родились из гапоновщины и других подобных организаций⁶⁹; возникли из меньшевистской идеи «рабочего съезда»⁷⁰, из университетской автономии, как ответная реакция на манифест 17 октября и, наконец, как следствие присущего только русским стремления к коллективистским формам объединения⁷¹. Ясно, что часть буржуазных авторов для конструирования концепций возникновения Советов отнюдь не использует факты, а подгоняет их под предвзятые схемы. Но и объективистские оценки возникновения Советов не говорят всей правды. Создание Советов российским пролетариатом — свидетельство его революционной сознательности, стремления к организации, его способности возглавить борьбу народа против самодержавия. Эти качества воспитывались в рабочем классе большевистской партией. Она смогла дать единственно верную оценку этой творческой инициативе

рабочего класса, направить его к достижению целей демократической и социалистической борьбы пролетариата.

«Гвоздем» первой русской буржуазно-демократической революции был, как известно, аграрный вопрос. Сущность его, указывал В. И. Ленин, составляла «борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее»⁷².

«Удельный вес» аграрного вопроса в революции 1905—1907 гг. столь велик, что буржуазная историография не может не затрагивать вопросы крестьянского движения. Уже в 30-х годах вышли в свет специальные монографии Д. Робинсона и Л. Оуэна⁷³. Под их влиянием в западной литературе признавалось наличие объективных предпосылок крестьянского революционного движения: нищета, бесправие, безземелье, ухудшение материального положения к началу XX в., голод и т. д. Отмечалась и деятельность «революционеров» как фактор, влиявший на крестьянское движение⁷⁴. Согласно другой столь же давней концепции (ее наиболее ярко выразил в своих книгах о России Б. Пэрс), в российской деревне не существовало особых причин для борьбы крестьян против помещиков. Русскому крестьянину приписывались некие «особые» национальные качества, в частности пассивность и фатализм. Что касается борьбы крестьян против помещиков, то она объяснялась главным образом проникновением в деревню «возбуждения» из городов и «пропагандой» эсеров⁷⁵. М. Флоринский, например, писал: «Из бурлящих промышленных городов революционное движение растекалось по бескрайним просторам сельской России. В последние месяцы 1905 г. Россия пылала в аграрных беспорядках... Взрыв 1905 г. должен быть частично отнесен на счет указа от 18 февраля*... умело использованного для революционной пропаганды среди крестьянства профессиональными агитаторами и левыми земцами»⁷⁶. Обе концепции мирно уживались. Но в 60-е годы усилилась общая тенденция к преуменьшению

* В этот день был опубликован указ, целью которого было направить крестьянское движение в мирное русло петиционной кампании («История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI, с. 124).

объективных предпосылок революции 1905—1907 гг. Это коснулось и трактовки проблем крестьянского движения. Как уже отмечалось, С. Пушкарев постарался «доказать», будто российские крестьяне отнюдь не страдали от помещичьих латифундий⁷⁷. Он пришел к «заключению» об искусственности «революционного возбуждения» крестьянства. С. Харкейв, отметив наличие недовольства среди крестьян, также выдвинул в качестве основной причины антипомещичьих выступлений «влияние извне»⁷⁸. С позиции, противоположной по форме, но аналогичной по существу, подошел к этой проблеме Д. Уолкин, который свел все к упущенным царизмом возможностям на пути уступок и реформ. Если бы царский указ от 18 февраля 1905 г., утверждает Уолкин, был издан в 1902 г., не было бы никакого революционного движения в деревне⁷⁹. Такой подход не что иное, как игнорирование исторической реальности и подмена ее произвольными построениями, домыслами. Царизм и помещичье землевладение — определяющая черта социально-экономического строя России на пороге XX в. Дворянство было главной опорой царизма, царизм стоял на страже интересов этого класса. Помещичьи латифундии тормозили развитие сельского хозяйства и всей экономики страны. В этих условиях ни о коренном улучшении положения крестьян, ни о подъеме сельского хозяйства невозможно вести речь, не покидая почвы реальных фактов.

Определенная часть буржуазных историков отдает себе отчет в необходимости считаться с глубокими причинами крестьянских выступлений. В 1972 г. появилась работа английского историка М. Перри. В ней подвергнута критике точка зрения, согласно которой крестьянское движение в 1905 г. объясняется «влиянием извне». «Это явление (т. е. тезис об «агитаторах извне». — *Авт.*) отражает консервативную склонность к «теории заговора» в истории с ее нежеланием признать, что социальное недовольство может иметь корни в подлинных проблемах и лишениях»⁸⁰, — пишет М. Перри. В статье отмечены реальные причины крестьянского движения, прослежены формы участия в нем различных слоев и групп крестьянства. Но, отмечая стремление автора встать на почву реальных фактов, следует подчеркнуть, что характеристика, которую дает М. Перри крестьянским выступлениям, не позволяет ей раскрыть подлинную тенденцию их

развития, в ряде случаев ведет к ошибочным оценкам, в частности по вопросам характера крестьянских выступлений, степени их сознательности и особенно влияния большевиков в деревне. Эта сторона крестьянского движения, причем не только в отношении 1905—1907 гг., привлекает все большее внимание «советологов».

Большинством буржуазных авторов революционное движение российского крестьянства в 1905—1907 гг. изображается экономическим, аполитичным (Д. Т. Робинсон, Д. Кип, Д. Кларксон и др.), а сами крестьяне — темными, политически индифферентными, сохранявшими верность самодержавию⁸¹. Часть историков, отмечающих некоторые политические требования крестьян (Д. Уолкин, Л. Кочэн), не идут дальше признания крестьянского движения консервативно-патриархальным. Но и те и другие считают, что крестьянское движение не выходило за рамки существующего строя и не угрожало самодержавию. Д. Кип, например, пишет, что местные, частные причины могли вызвать «трения», «но тем не менее это не переходило в осуждение существующей системы в целом»⁸².

Как видим, вопрос объективной направленности борьбы крестьян против помещиков и царского строя подменяется вопросом о том, насколько каждый участник аграрного движения был по убеждениям республиканец или монархист. Как убедительно показали советские авторы, крестьянские выступления в 1905—1907 гг., направленные против помещиков⁸³, подрывали экономическое господство этого класса, опоры самодержавия. Борьба крестьян против царизма начиналась со столкновений с помещиками. И всякий раз, когда на помощь помещикам приходили царская администрация, войска, казаки, крестьянское движение, осознание крестьянами своей непримиримой враждебности царизму поднимались на новую ступень. Этот процесс в деревнях шел медленнее, чем в городах, но деревня не была отгорожена от города непроходимой стеной. Развитие коммуникаций, рост товарности сельскохозяйственного производства, отходничество, служба в армии, возвращение в деревню безработных, распространение грамотности и т. д. — все это изменило к началу XX в. облик патриархальной деревни. Доказательством антимонархизма крестьян может служить не только полное отсутствие в революции 1905—1907 гг.

традиционных самозванческих иллюзий, но и выдвижение крестьянами в значительной своей части требования Учредительного собрания, политических свобод и т. д. Как писал В. И. Ленин, «монархизм мужика есть отмирающая наивность...»⁸⁴. Как показано в одном из новых советских исследований, революция 1905—1907 гг. заметно усилила отход крестьян от религии и церкви⁸⁵.

Еще одной существенной чертой буржуазной историографии крестьянского движения является приписывание ему традиционно-бунтарских, анархистских черт. Однако вопреки утверждениям буржуазных историков события 1905—1907 гг. свидетельствуют, что борьба крестьян по мере развития революции становилась все более сознательной и целеустремленной. Совместные выступления крестьян различных деревень и сел, массовые митинги, демонстрации, создание революционных крестьянских комитетов, «крестьянских республик», наконец, Советов крестьянских депутатов ярко показывают то новое качество, которое характеризовало крестьянское движение в первой русской революции. В 1905—1907 гг. крестьянство старалось организовать и во всероссийском масштабе: создание Всероссийского крестьянского союза⁸⁶ и деятельность крестьянских депутатов в Думах доказывают этот факт.

Следует отметить и настойчивые попытки большой группы буржуазных авторов использовать старый тезис о стабильности крестьянского «мира», об отсутствии в деревне внутриклассовой дифференциации и в этой связи второй социальной войны⁸⁷. Этот тезис направлен не столько на искажение хода первой русской революции (в ней вторая социальная война занимала подчиненное место), сколько на фальсификацию Великой Октябрьской социалистической революции, на отрицание объективных предпосылок для прочного союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, на отрицание народного характера Великой Октябрьской социалистической революции. Однако факты первой русской революции — столкновения сельскохозяйственного пролетариата с сельским капиталистом (кулаком или обуржуазившимся помещиком), выступление беднейших крестьян и середняков против кулака, в ряде случаев объединявшегося с помещиком, — убедительно показывают объективную обусловленность второй социальной войны в российской деревне. Вторая

социальная война, признавать которую не желают буржуазные авторы, была составной частью аграрного движения в первой русской революции. Столыпинская аграрная реформа способствовала развитию капитализма, еще более углубила социальные противоречия в деревне.

На протяжении многих лет буржуазная историография, отмечал в 1955 г. Е. Б. Черняк, как правило, игнорировала вопросы революционного движения в национальных районах России⁸⁸. В последние 10—15 лет положение несколько изменилось: в ряде общих работ революционной борьбе на окраинах уделяется определенное внимание, освещается этот вопрос и в работах буржуазных авторов по проблемам истории Украины, Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и других районов. Х. Ситон-Уотсон, Д. Кип, С. Харкейв, Ш. Галай и другие буржуазные историки в разной мере, но все же противопоставляют революционное движение в национальных районах России в 1905—1907 гг. революционному движению в центре страны. По мнению этих авторов, уже в первой революции (а затем и в 1917—1920 гг.) в России якобы обнаруживались два противоположных по характеру и целям движения: классовая борьба, социальная революция в великорусских областях и национальное движение, национальная революция в нерусских⁸⁹.

Марксистско-ленинская историография национально-освободительного движения народов России в первой русской революции убедительно показала единство борьбы трудящихся всех национальностей России против царизма и капитализма⁹⁰. Интенсивное проникновение капитализма на окраины и империалистическая эксплуатация нерусских народов, формирование национальных кадров рабочих, обнищание и классовое расслоение деревни, наличие высокоразвитых районов страны с передовым революционным классом — все это создавало объективную основу совместной борьбы трудящихся России, союза рабочих и крестьян всех национальностей.

Эти факторы сказались с самого начала первой русской революции. «За Петербургом, — писал В. И. Ленин, — последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет»⁹¹. Пролетариат и крестьянство Прибалтики, Королевства Польского, Украины, Закавказья и т. д. были в авангарде революционных бойцов 1905 г. Первая русская револю-

ция привела в движение даже самые отсталые, патриархальные районы России. Ленин указывал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁹².

Буржуазные историографы, говоря о международном значении первой русской революции, пишут о влиянии ее преимущественно на Азию. Но они как бы забывают сказать, что она бушевала и в азиатской части России. Приведем характерный пример: высказывание не знающего или не желающего знать исторических событий 1905—1907 гг. в Туркестане американского историка Р. Пирса и выдержку из одной газеты 1905 г., дающую ответ на домыслы американского автора. Р. Пирс пишет: «...политические события ничего не значили для неграмотной массы коренного населения, привыкшей безропотно принимать свое подчиненное положение»⁹³. «Глубоко заблуждаются те, — писала газета «Русский Туркестан» за 6 декабря 1905 г., — кто полагает, что туземное население Туркестанского края совершенно безучастно относится к революционному движению в России и не понимает поставленных этим движением ближайших целей. Мы имеем возможность неоднократно убеждаться в том, что интерес к революционному движению в России возрастает с каждым днем и что отдельные, довольно многочисленные представители этой среды, несмотря на недостойные попытки дискредитировать в их глазах это движение, выработали вполне правильный взгляд на события последнего времени»⁹⁴. Выступления трудящихся национальных окраин были составной частью общероссийских революционных боев 1905—1907 гг. Взаимосвязь борьбы российских рабочих и крестьян с вооруженными схватками в Лодзи, с мощным подъемом стачек в Польше и Прибалтике, с решительной, организованной борьбой крестьян в Латвии и Грузии, со всем освободительным движением в национальных районах — это реальность истории, противостоящая попыткам разделить революцию 1905—1907 гг. по национальному или иному признаку.

Таковы в основных чертах оценки буржуазными историками лагеря революционной демократии. Обратимся к лагерям либеральной буржуазии и царизма. Для буржуаз-

ной историографии свойственна традиция преувеличения роли либералов в освободительном движении России. Так, в 30-е годы Б. Пэрс изображал кадетов лидерами российского общественного движения, якобы уверенно шедшими к власти на смену царизму⁹⁵. Тезис о революционности кадетов и их ошибках, «отказе» от сотрудничества с правительством повторяют многие буржуазные авторы. «Только неопытностью лидеров русского либерального движения, — пишет Д. Вернадский, — можно объяснить решение либеральных групп отклонить все предложения графа Витте о вхождении в его правительство. Результатом было то, что манифест 17 октября не сразу остановил революционное движение»⁹⁶. И хотя в последнее время буржуазная историография отошла от безоговорочного изображения кадетов последовательными борцами против самодержавия, стремление поднять роль либералов в революции 1905—1907 гг., как свидетельствуют, например, работы Ш. Галая, сохраняет силу. При этом используется старый меньшевистский прием. Меньшевики, писал В. И. Ленин в сентябре 1905 г., «напирали и напирают на одну сторону дела, на конфликты буржуазии с самодержавием, оставляя в тени другую сторону дела: *соглашение* буржуазии с самодержавием против народа, против пролетариата, против революции. А между тем, именно эта вторая сторона дела выступает все более и более на первый план...»⁹⁷. Поведение буржуазии, в частности кадетской партии, после манифеста 17 октября полностью подтвердило ленинское определение. Кадеты на протяжении 1905—1907 гг. временами колебались между самодержавием и революцией. Однако в целом они обнаружили свою контрреволюционность, стремление прийти к сделке с царизмом за спиной народа.

Тезисы буржуазной историографии о «революционности» либералов и рассуждения об их «ошибках» имеют определенную направленность: они призваны «оказать помощь» современным лидерам либерализма. Однако действительная история России показывает беспочвенность попыток либералов направить самодержавие на путь буржуазного реформизма, найти среднюю линию между самодержавной контрреволюцией и народной революцией. «Кадеты, — писал Ленин, — мечтали об освобождении от крепостничества, произвола, самодурства,

азиатчины, самодержавия без свержения старой власти»⁹⁸. Их политические планы строились вокруг идеи постепенного реформирования старого режима. В конкретных условиях новой эпохи такие планы не только были беспочвенны, но и опасны для дела революции. Это обусловило неспособность кадетов добиться поддержки народа. Их политическая линия терпела крах, постепенно поворачиваясь к контрреволюции. На протяжении 1905 г. кадеты шаг за шагом отказывались от своих прежних требований Учредительного собрания, демократических выборов, правительства, ответственного перед Думой, и т. д. Революция 1905—1907 гг., отмечал В. И. Ленин, «неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной»⁹⁹.

Шаткость концепций, делающих ставку на российских либералов, понимают, видимо, и буржуазные историки, которые в дальнейшем, при рассмотрении периода 1907—1917 гг., пристальное внимание обращают на партии, стоявшие правее кадетов¹⁰⁰, стремясь на этом историческом материале найти «ошибки» и «упущенные возможности» избежания революции.

В изображении царизма и его окружения обращает на себя внимание прежде всего попытка объяснить неспособность царизма к реформированию случайными, субъективными причинами, недостатками царя, Витте и т. д. Так, в одной из последних работ на эту тему американские историки Мелинджер и Томпсон заключают: «...чтобы не менять всю систему, реформы могли быть осуществлены только усилиями царя и с его помощью. Но Николай был слишком ограничен»¹⁰¹. Такие рассуждения, с точки зрения историка, могут казаться наивными. Но дело в том, что буржуазные авторы зачастую выступают не как историки, а как идеологи современных реакционных классов, предупреждая об опасности близких решений и «ограниченных» политических шагов. «Как и сегодня, во многих молодых государствах дилемма порядка и реформы остро стояла в 1905 г. в России, в первом из современных развивающихся государств. Едва ли стоит удивляться, что Витте не нашел ответа на за-

гадку, которую немногие после него смогли решить»¹⁰², — пессимистически отмечают Мелинджер и Томпсон.

Вместе с тем в подобных рассуждениях о самодержавии слышен отзвук некоторых популярных ныне буржуазных общесоциологических концепций. Рассматривая историю России как историю «модернизации», «вестернизации», как проявление якобы общеисторической закономерности продвижения к «единому индустриальному обществу», буржуазная историография пытается вопреки исторической действительности изображать реформистские потуги царизма выражением его сущности. Вследствие этого «реформаторство» царизма находится в поле зрения буржуазных авторов, репрессивная политика замалчивается, затушевывается. Зубатовщина, комиссии Шидловского и Коковцова, проект булыгинской думы и особенно манифест 17 октября и столыпинская аграрная реформа привлекают пристальное внимание, являются объектом многочисленных статей и разделов книг. Но такой акцент неправилен. В действительности события 9 января 1905 г., карательные экспедиции и военно-полевые суды конца 1905 — начала 1906 г., столыпинские «галстуки» в большей мере отражают сущность российского самодержавия, чем немногие ограниченные реформы, которые были вырваны у царизма революционной борьбой народа.

Главный итог первой русской революции буржуазная историография видит в том, что она изменила существо самодержавного строя, направила Россию на путь модернизации. И хотя не все английские, американские, французские и другие западные историки безоговорочно стоят на этой точке зрения, акцент на прогрессе царизма, особенно эволюции его в сторону парламентской монархии, несомненен. Это — одна из посылок для разрыва связи 1905 г. с 1917-м. Так, А. Мендел пишет о «замечательно успешной революции в октябре 1905 г.»¹⁰³. По словам М. Рена, эта революция «совершила многое», «положила конец самодержавию», ввела парламент западного типа¹⁰⁴. Точки зрения о том, что в результате революции 1905—1907 гг. Россия стала парламентской монархией, придерживаются и другие авторы¹⁰⁵. В действительности манифест 17 октября был вынужденным шагом царизма, вырванным революцией. За 17 октября последовали разгоны Думы, третьеиюньский государственный переворот,

ропуски Думы «на каникулы» и другие подобные шаги царского самодержавия. Как показано в исследованиях советских историков, попытки направить эволюцию царизма в сторону буржуазной монархии имели место, но они в итоге не достигли цели и характер режима по-прежнему оставался самодержавным¹⁰⁶.

ВЕРСИЯ О «ПАССИВНОСТИ» БОЛЬШЕВИКОВ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Освещение буржуазной историографией проблем гегемонии пролетариата, расстановки классовых сил в революции 1905—1907 гг., действий всего лагеря революционной демократии неразрывно связано с оценками той роли, которую играла в революции большевистская партия. Более того, толкование «советологами» этого комплекса вопросов весьма существенно определяет общую оценку характера первой революции в России, ее итогов, в конечном счете ее связи с революциями 1917 г. И хотя усилия буржуазных историков направлены на отрицание или преуменьшение деятельности большевистской партии по руководству борьбой трудящихся масс, они сами по себе являются своеобразным признанием ведущей роли большевиков в первой русской революции.

Если в трактовке отдельных аспектов истории первой русской революции некоторые буржуазные авторы в последнее время отходят от явно несостоятельных штампов и пытаются встать на реалистические позиции, то в освещении деятельности большевиков они меньше всего склонны проявлять гибкость и подвижность, упорно придерживаясь в основном антикоммунистических, антинаучных концепций. «Советологические» концепции затрагивают три группы вопросов: существование большевистской партии вообще; политика, стратегия и тактика большевиков в первой революции; проблема влияния партии в массах, ее способность руководить ими.

Такая направленность усилий буржуазной историографии, конечно, не случайна. В годы первой русской революции большевики накопили богатый опыт политической и организаторской работы в массах, проверили правильность своих программных, политических, стратегических и тактических установок. Вступив в революцию немногочисленной, но закаленной в борьбе против царизма

и раскольников либеральных и оппортунистических течений, партия большевиков стала, по выражению В. И. Ленина, «партией миллионов пролетариата»¹⁰⁷. Деятельность большевиков, теоретический вклад Ленина, внесенный им в сокровищницу революционного марксизма, воспитание в огне революционных боев плеяды пролетарских руководителей, проникновение идей большевизма в широкие массы трудящихся, сплочение вокруг партии Ленина передовой части рабочего класса — все это имело огромное значение для последующей борьбы трудящихся России против самодержавия и капитализма.

«Советологи» развивают тезис о том, что в годы первой революции не существовало большевистской партии как самостоятельной, отдельной от меньшевиков организации. «Можно категорически утверждать, — пишет американский «советолог» А. Улам, — что до апреля 1917 г. не имелось крупных идеологических различий между этими обеими фракциями, а возникавшие мелкие разногласия были временными и не глубокими»¹⁰⁸. Подобным же образом затушевывают принципиальные различия между большевиками и меньшевиками многие буржуазные «историки».

«Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года», — подчеркивал В. И. Ленин¹¹⁰. Несмотря на то что большевики и меньшевики на протяжении ряда лет формально находились в одной партии, глубокие расхождения между ними являлись фактом, а острая идейно-политическая борьба не прекращалась со времени II съезда. На протяжении 1905—1907 гг. существование большевиков и меньшевиков как двух самостоятельных партий подтверждалось не только различной тактикой в революции, но и наличием отдельных центров и органов печати. Особенно ярко об этом свидетельствовали работа III съезда РСДРП и меньшевистской конференции в Женеве, принятые ими решения. Два съезда — две партии — так охарактеризовал Ленин положение в партии в 1905 г. И в дальнейшем это положение сохранилось, что вынуждены были признавать наиболее последовательные и откровенные из меньшевиков. Так, на IV (Объединительном) съезде РСДРП меньшевик Ломтатидзе (Воробьев) говорил: «Теперь вижу... что мы стоим на разных точках зрения и что найти между нами среднюю линию невозможно, что

или мы должны быть изгнаны из партии, или они. Объединительный съезд показывает, что мы не можем работать в одной партии»¹¹¹.

Извращая историю борьбы двух направлений в российской социал-демократии — революционного, большевистского против меньшевистского, оппортунистического — по ключевым вопросам стратегии и тактики партии в первой революции, буржуазные авторы толкуют о стремлении меньшевиков к единству рабочего движения, к объединению с большевиками, которые-де и были вынуждены пойти на это объединение под давлением рабочих масс. Ленин, утверждает Шапиро, «какими бы ни были его личные взгляды на этот вопрос, не мог противиться этому давлению снизу»¹¹². Известно, однако, что IV (Объединительный) съезд РСДРП был созван по инициативе большевиков и отнюдь не противоречил принципам их политики. Большевики всегда боролись за сплочение рабочего класса, за единство его рядов на основе революционного марксизма. Активно поддерживая стремление рабочего класса к единству партии, они вместе с тем решительно выступали против беспринципного механического слияния революционной и оппортунистической ее частей, боролись за то, чтобы изолировать меньшевиков от рабочего класса. Меньшевики, как известно, вынуждены были согласиться на проведение объединительного съезда под давлением снизу. При этом, идя на съезд, они стремились навязать свою линию в революции и свои принципы построения и деятельности партии рабочего класса, ликвидировать революционную социал-демократию. Таким образом, проведение объединительного съезда РСДРП никоим образом не может служить «доказательством» того, что большевики якобы не выступали как самостоятельная партия в первой русской революции. Этот съезд был одной из форм борьбы против оппортунизма, за сплочение рабочего класса на позициях партии пролетарской революции. Последовательная революционная линия, проводившаяся большевиками, находила поддержку значительной части рабочего класса. В силу ряда обстоятельств большевики на IV (Объединительном) съезде РСДРП имели меньше представителей, чем меньшевики. Однако съезд показал, что большевики пользуются поддержкой наиболее революционной части пролетариата и его союзников, в то время как меньшевики от-

ражают интересы главным образом мелкобуржуазных прослоек трудящихся¹¹³.

Объединение большевиков и меньшевиков было непрочным, поскольку коренные различия в их взглядах по таким кардинальным вопросам революции, как гегемония пролетариата или гегемония буржуазии, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства или диктатура буржуазии, революционная борьба или соглашения и реформы, остались¹¹⁴. Оппортунизм меньшевиков после IV съезда, их противодействие самому существованию революционной пролетарской партии и разного рода ликвидаторские планы сделали неизбежным новый раскол. Формы и время осуществления этого раскола были связаны с развитием классовой и внутрипартийной борьбы в России. Именно меньшевики неизменно выступали как подлинные виновники, инициаторы раскола партии, рабочих организаций. В противовес им, борясь за подлинное марксистское единство рабочего класса и его партии, большевики и при формальном объединении с меньшевиками не прекращали идейной и политической борьбы против оппортунизма справа и слева¹¹⁵. Борьба за единство партии на основе марксизма, разоблачение оппортунизма и борьба за сплочение рабочего класса вокруг революционной пролетарской партии вопреки сетованиям «советологов» — неразрывно связанные между собой принципы деятельности партии нового типа.

Важнейшим фактором успешного выполнения пролетариатом своей роли в революции являются разработка научной теории революционного процесса и ее применение к конкретно складывающейся ситуации. Эта сторона деятельности большевистской партии всегда вызывала злобные нападки. Некоторые буржуазные авторы вообще отрицают реальную силу и правильность теоретических положений В. И. Ленина и партии, выдвинутых и использованных в ходе первой русской революции. «Сомнительно, однако, — пишет Д. Ливерсидж, — чтобы слова Ленина оказывали какое-либо влияние на революцию»¹¹⁶. Эту же мысль в менее резкой форме проводят и другие буржуазные авторы. Рассуждения Кипа и Улама, например, «приглашают» большевиков отложить в сторону полемику против меньшевиков по программным, тактическим вопросам и заняться всецело «практической» работой¹¹⁷. Эта логика повторяет рассуждения «экономистов», пре-

небрегавших революционной теорией, отрицавших ее значение в пролетарской борьбе.

История первой русской революции наглядно показала преобразующую, практическую значимость революционной теории. В. И. Ленин с полным основанием отмечал, что революция подтвердила «все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал-демократии»¹¹⁸. Опыт революции 1905—1907 гг., с одной стороны, и развитие В. И. Лениным программы, стратегии и тактики партии, выяснение особенностей буржуазно-демократической революции в России, ее движущих сил и перспектив, вопросов ее перерастания в революцию социалистическую — с другой, имели огромное значение для всего последующего развития революционного движения в России, в частности для революций 1917 г.

Отрицая роль революционной теории, «советологи» выдвигают тезис о неожиданности начала революции для большевиков. «Для Ленина и его друзей, — пишет Д. Вествуд, — революция 1905 г. была резким пробуждением»¹¹⁹. В более или менее открытой форме эту мысль проводят и другие буржуазные авторы¹²⁰.

Обратимся, однако, к фактам. Неизбежность революции, разразившейся в 1905 г., российские марксисты предвидели за много лет, ибо только революция могла разрешить противоречия общественно-экономического развития страны. Приближение революции чувствовалось во всем. Мировой экономический кризис 1899—1903 гг. особенно тяжело сказался в России. Летом 1903 г. на юге произошла всеобщая политическая стачка. В связи с этими событиями киевские социал-демократы подчеркивали: «Мы накануне баррикад»¹²¹. За 1900—1904 гг. произошло 670 крестьянских выступлений — втрое больше, чем в предшествующее десятилетие¹²². Усиливалось студенческое движение; росло недовольство и оппозиционное движение в других слоях общества. Начавшаяся в январе 1904 г. война с Японией еще более углубила все социально-экономические противоречия, приблизила начало открытой борьбы против самодержавия. Россия вступила в полосу революционного кризиса. Характеризуя канун революции 1905 г., В. И. Ленин впоследствии писал: «Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За

границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции»¹²³. В области политики, стратегии и тактики ленинская партия, как ни одна другая партия, была готова к революции, правильно определила ее характер и основные черты, выработала верную линию политического поведения.

Вслед за созданием партии важнейшей частью подготовки к революции стало разоблачение В. И. Лениным (в книге «Шаг вперед, два шага назад») меньшевиков в вопросах строительства партии, ее роли в революционной борьбе рабочего класса. РСДРП, ввергнутая меньшевиками в тяжелейший внутренний кризис, нуждалась во всесторонне разработанной программе практических шагов по преодолению кризиса. Эта работа была своевременно начата В. И. Лениным и его соратниками. К началу революции большевики создали свой партийный центр, свое издательство и печатный орган — газету «Вперед»¹²⁴, развернули подготовку III съезда партии, который сыграл важнейшую роль в определении политической стратегии и тактики партии и рабочего класса России. В свете этих фактов очевиден спекулятивный, умозрительный характер утверждений буржуазной историографии о «неготовности» большевистской партии к революции. Нетрудно убедиться и в том, что этот довод заимствован у меньшевиков, которые действительно не ждали революции. «Январские дни застигли нас совершенно врасплох»¹²⁵, — признавал один из видных деятелей меньшевистской группы в Петербурге — Сомов.

Грубым нападкам буржуазной историографии¹²⁶ подвергается ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Причины «активности» буржуазной историографии в этом вопросе очевидны. Известно, что своим учением о перерастании Ленин опрокинул одну из основополагающих догм оппортунистов о неизбежности длительного господства капитализма после победы буржуазной революции. Надеясь умалить значение ленинской теории перерастания, буржуазные авторы утверждают, будто она повторяет троцкистскую «теорию перманентной революции»¹²⁷. Корни этих утверждений следует искать у самого Троцкого, пытавшегося, как это показано в документах КПСС и Коминтерна, подменить ленинизм троцкизмом¹²⁸.

В советской литературе раскрыта глубокая противоположность ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и троцкистской псевдотеории¹²⁹. Ограничимся тем, что приведем в суммарном виде эти выводы. Ленинское учение целиком основано на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса о непрерывности революции; Парвус и Троцкий пытались навязать далекие от науки мелкобуржуазные представления о революционном процессе. Ленинское учение, связавшее перспективу социалистической революции с союзом рабочего класса и крестьянства, полностью отвечало задачам российского пролетариата; в троцкистской схеме игнорирование задач революционной работы социал-демократов в гуще самого многочисленного класса России — крестьянства делало ее безжизненной догмой. Ленинское учение мобилизовывало российский рабочий класс, все революционные силы на решительную борьбу за демократию и социализм; троцкистские лозунги, ориентировавшие на приход социалистической революции с Запада, парализовывали революционную энергию масс, вели к капитуляции. Ленинская теория была всесторонне, научно обоснована; троцкистские лозунги строились на шатком фундаменте «звонкой фразы». Ленинское учение вело и привело рабочих России, а затем и других стран к победе; троцкистская «перманентная революция» обрекает революционные силы на поражение.

Коренная противоположность ленинизма и троцкизма в этом вопросе столь очевидна, что отдельные буржуазные авторы приводят свидетельства того, что «теории», сходные с «перманентной революцией», были в ходу до Парвуса и Троцкого, в частности среди народников, а затем эсеров¹³⁰. Публикация одного из таких свидетельств вызвала резкие возражения У. Лимберга¹³¹ из Джорджтаунского университета в Вашингтоне, усмотревшего здесь отход от штампа буржуазной историографии относительно приоритета «перманентной революции». Вступив, однако, в полемику, Лимберг признал, что идея непрерывной революции выдвигалась Марксом и Энгельсом, что наряду с марксистскими представлениями о революционном процессе авантюристская идея «перманентной революции» бытовала в кругах мелкобуржуазных радикалов на Западе и в России. Не желая того, он фактически признал наличие научной теории непрерыв-

ной революции, какой является учение Маркса и Ленина, и ошибочных, утопических, реакционных представлений о революции, к которым, в частности, относится троцкистская «теория». И хотя У. Лимберг утверждает, что Ленин якобы заимствовал свое учение у Троцкого, приводимые им факты о противоположности двух подходов к революционному процессу помогут непредвзятому читателю без труда понять, где же истина.

Весьма распространенным приемом в «советологии» (когда заходит речь о политических принципах большевизма, стратегии и тактике большевистской партии) является изобретение разного рода внезапных «поворотов», мнимых перебоев в марксистско-ленинской политике и т. п. Этот прием, видимо, призван создать впечатление того, что у большевиков не было строго научной, выработанной на историческую перспективу линии и что, следовательно, ленинизм не может рассматриваться как подлинно научная теория. Один из таких «поворотов» буржуазная историография видит в учении о союзе рабочего класса с крестьянством. «Ленин возродил народническое наследие, — утверждает М. Фэнсод, — которое он и Плеханов столь активно опровергали в 90-х годах»¹³². «Эту защиту возрожденной народнической политики можно считать самым важным вкладом Ленина в русский социализм»¹³³, — пишет Л. Дерфлер. По А. Мейеру, Ленин вначале считал крестьянство «самой реакционной силой», но в 1905 г. «открыл, что крестьянство крайне важный потенциальный союзник»¹³⁴.

В действительности В. И. Ленин никогда не считал крестьянство реакционным классом, как это делали меньшевики. Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством как важнейшая часть теории социалистической революции основывалось на идейном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса¹³⁵. Уже в ранних своих работах Ленин выдвинул положение о союзе рабочего класса с крестьянством — главном и решающем средстве свержения царизма, власти помещиков и капиталистов. В книге «Развитие капитализма в России», глубоко проанализировав российскую экономическую действительность, Владимир Ильич Ленин раскрыл роль пролетариата как вождя предстоявшей народной революции, показал место крестьянства как могучего его союзника. В дальнейшем в период «Искры» в ряде своих работ он всесторонне обо-

снова необходимость союза рабочего класса с крестьянством, связал аграрную программу партии с исторической перспективой русской революции. На этой основе с начала первой русской революции шла дальнейшая разработка аграрной программы РСДРП, всей теории революции. В. И. Ленин неопровержимо доказал, что трудящееся крестьянство в силу своего положения заинтересовано не только в победе буржуазно-демократической революции, но и в свержении власти капитала, ибо решение аграрного вопроса в интересах массы крестьянства может дать только социализм.

Определяя в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» задачи пролетарской партии по обеспечению победы над самодержавием и капитализмом, Ленин с особой силой подчеркивал: «К укреплению и расширению связей с массой направлена вся обычная, регулярная, текущая работа всех организаций и групп нашей партии, работа пропаганды, агитации и организации. Эта работа всегда необходима, но в революционный момент она менее, чем когда-либо, может считаться достаточной»¹³⁶.

Буржуазная историография, стремящаяся конструировать такую модель воображаемой истории России, которая исключает социалистическую революцию 1917 г., отрицает авангардную роль рабочего класса, отрывает большевистскую партию от борьбы пролетариата. Работы «советологов», посвященные революции 1905—1907 гг., пестрят утверждениями о том, что большевики, В. И. Ленин будто бы были «недемократичны». Этот тезис прикрывают рассуждениями о свойственном якобы большевикам «недоверии» к стихийным действиям масс, к их организациям. «Большевики в противоположность меньшевикам, — пишет, например, Л. Шапиро, — не имея сил контролировать эти организации, держались от них в стороне или активно выступали против них. Для Ленина в особенности непартийные организации были анафемой»¹³⁷. Истоки подобных рассуждений лежат в обанкротившихся доктринах меньшевиков, которые, подобно А. Аксельроду с его «знаменитым» «рабочим съездом», по-опportunистически понимая взаимоотношения рабочего класса и РСДРП, принижали задачи партии до понимания этих задач неразвитыми слоями пролетариата, тем самым ослабляли организацию рабочего класса и в ко-

нечном счете предавали его насущные жизненные интересы.

Марксизм учит, что революционная партия — это авангард пролетариата, который поднимает рабочий класс и трудящиеся массы «к революционному сознанию и революционной борьбе...»¹³⁸. Решительно выступая против оппортунистического преклонения перед стихийностью, Ленин придавал огромное значение самостоятельности масс в революции, учил партию направлять энергию масс, вести их к победе. Ленин не случайно называл революции праздником угнетенных и эксплуатируемых. «Никогда, — писал он, — масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее... показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе»¹³⁹. Ни о каком «недоверии» к массам здесь нет и речи, напротив, самым решительным образом Ленин призывает содействовать развитию инициативы масс. Такой подход партии к массовому рабочему движению, к возникающим в ходе борьбы организациям трудящихся Ленин считал предпосылкой выполнения рабочим классом его исторической миссии.

Миф о «недоверии» большевиков к организациям трудящихся буржуазные «эксперты» стремятся подкрепить с помощью притянутых примеров с Советами, возникшими в 1905 г., и с другими организациями трудящихся¹⁴⁰. Однако отношение Ленина и большевиков к Советам хорошо известно. «В эпоху демократической революции, — указывал в 1905 г. В. И. Ленин, — отказ от участия в беспартийных организациях равнялся бы в известных случаях отказу от участия в демократической революции»¹⁴¹. То, что буржуазная историография изображает как недоверие к беспартийным организациям, в действительности было борьбой против оппортунистического подхода к этим организациям, против низведения их задач до регистрации событий, против принижения партии до уровня стихийного движения. Эти принципы, как показывает ис-

тория, определяли активную работу большевиков в массах и их организациях. Факты таковы.

Первый в России Совет рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске был практически большевистским¹⁴². Значительным было влияние большевиков в Петербургском Совете; под руководством большевиков действовал Московский Совет. В целом по стране из 55 Советов 44 возглавлялись большевиками или находились под их влиянием, 10 находились под влиянием меньшевиков и 1 — эсеров¹⁴³. Столь же активно работали большевики в других организациях трудящихся, в вооруженных формированиях¹⁴⁴, в стачечных комитетах, кассах взаимопомощи, в профессиональных союзах и т. д. Большевики, Ленин были против превращения профсоюзов в часть социал-демократических организаций; в то же время они стремились сделать их, как писал В. В. Воровский, «социал-демократическими союзами в смысле признания руководства партии и положений ее программы... правильное сочетание этих двух элементов пролетарского движения дает максимум силы борьбе пролетариата; ошибочное смешение их только ослабит его силы»¹⁴⁵.

События 1905—1907 гг. и последующий опыт революционной работы большевиков в массах подтверждают, что Советы, профсоюзы, фабзавкомы, стачечные комитеты и другие непартийные организации трудящихся могут выполнить свои задачи только под руководством марксистско-ленинской партии.

Излюбленным приемом фальсификации событий 1905—1907 гг. является изображение большевиков как «секты», «партии одного человека»¹⁴⁶, т. е. небольшой группы, оторванной от движения революционного народа. Особенно часто применяются эти формулы к характеристике большевиков в первые месяцы 1905 г. Между тем хорошо известно, что с момента своего возникновения большевистская партия являлась партией рабочего класса России, гегемона всего революционного движения, т. е. была по своей природе партией массовой; влияние ее неуклонно росло. К началу 1905 г. большевиков было около 8400 человек, к марту в России было 32 большевистских комитета и 35 групп. За каждым комитетом, за каждой группой, как показывают отчеты большевистских комитетов III съезду РСДРП¹⁴⁷, стояли рабочие массы, партийные издания, читавшиеся сотнями и тысячами чело-

век, агитационная и пропагандистская работа на фабриках и заводах, в широких демократических слоях народа. На протяжении первой русской революции ряды партии большевиков росли, отражая переход все новых и новых отрядов рабочих на позиции большевизма, поддержку миллионами трудящихся ленинских лозунгов. К времени V съезда РСДРП в ее рядах насчитывалось около 46 тыс. большевиков¹⁴⁸. Партия большевиков в ходе революции стала многотысячной партией, партией миллионов сражающихся пролетариев. Это признавали даже враги. Так, кадетская газета в Оренбурге писала в октябре 1906 г.: «...усиление большевистского течения в рядах социал-демократической рабочей партии не минуло и нашего захолустного города»¹⁴⁹.

Это влияние большевиков на массы и пытаются отрицать буржуазные авторы. «В целом, — пишет Д. Вествуд, — активные революционеры сыграли небольшую роль в движении 1905 г.»¹⁵⁰. Ш. Галай, говоря о событиях 9 января, заявляет: «Автобус ушел без социал-демократов»¹⁵¹. С такой же позиции рассматривают 9 января Д. Кип и некоторые другие буржуазные историки.

Подлинные факты свидетельствуют об ином. К началу революции социал-демократы накопили значительный опыт работы на заводах и фабриках Петербурга. Передовые представители пролетариата столицы находились в рядах социал-демократов. Однако эта часть рабочего класса была относительно немногочисленной, рядом с ней «стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев»¹⁵², у которых наряду с классовым самосознанием еще сохранялась наивная вера в царя. Большевики работали в гуще пролетариата столицы.

В. И. Ленин, находившийся в Швейцарии, получал подробную информацию о положении в Петербурге. 5 января один из руководителей Петербургского комитета РСДРП, С. И. Гусев, послал В. И. Ленину письмо, в котором сообщал о развитии событий в Петербурге¹⁵³. Петербургские большевики, несмотря на сложное положение в организации, вызванное раскольнической деятельностью меньшевиков, с первых же дней забастовки на Путиловском заводе, которая привела к возникновению плана подачи петиции царю, активно действовали в рабочей среде: выступали на рабочих собраниях, обра-

щались к пролетариям с листовками. «Однако предотвратить шествие к Зимнему дворцу, — говорится в многотомной «Истории КПСС», — большевики не смогли. Народные массы сохраняли еще наивную веру в царя, а влияние социал-демократии было недостаточно... Тем не менее под влиянием социал-демократов в петицию рабочих были включены политические требования: свобода слова и печати, свобода рабочих союзов, ответственность министров перед народом, восьмичасовой рабочий день, равенство всех перед законом, созыв Учредительного собрания, прекращение войны, передача земли крестьянам»¹⁵⁴. Большевики шли в колоннах рабочих и гибли от царских пуль. Они выступали на стихийно возникавших митингах, призывая к вооруженной борьбе за свержение самодержавия. События 9 января вопреки утверждениям фальсификаторов истории подтвердили правильность большевистской тактики вооруженной борьбы с царизмом, показали близость пролетарским массам социал-демократических лозунгов и идей.

Столь же несостоятельна попытка С. Шварца отрицать успех большевистской тактики по отношению к комиссии Шидловского¹⁵⁵. В конце января 1905 г. царизм разыграл очередную комедию: было решено создать под председательством сенатора Н. В. Шидловского «Комиссию для выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем». В состав комиссии решили ввести представителей от рабочих, предоставив им возможность выбрать из своей среды делегатов. Большевики вопреки утверждениям С. Шварца в ходе выборов в комиссию Шидловского сумели провести в жизнь тактику разоблачения контрреволюционных маневров царизма и сплочения масс под лозунгами партии. На совещании Петербургского комитета РСДРП с представителями крупнейших предприятий были выработаны условия, на которых представители рабочих соглашались участвовать в работе комиссии. Эти требования были предъявлены Шидловскому, после того как они были отклонены, рабочие отказались от выборов в комиссию и начали агитацию за всеобщую стачку. Комиссия Шидловского была в итоге распущена правительством¹⁵⁶. Секретарь Петербургского комитета большевиков С. И. Гусев имел все основания сообщить В. И. Ленину: «...ПК может гор-

даться: весь его план, все его резолюции, вся тактика, намеченная им, даже в деталях, — все это блестяще прошло»¹⁵⁷.

Многие буржуазные авторы пытаются «отлучить» большевиков от ряда узловых событий 1905 г. Так в 1972 г. американский историк У. Саблинский выступил со статьей, направленной против оценок советскими историками роли большевистского руководства Всероссийской стачки в октябре 1905 г.¹⁵⁸

Опираясь на мемуары одного из эсеровских руководителей Всероссийского железнодорожного союза, написанные в эмиграции, американский историк утверждает, будто всеобщая стачка железнодорожников, приведшая к Всеобщей октябрьской политической стачке, началась благодаря усилиям Центрального Бюро Всероссийского железнодорожного союза (ЦБ ВЖС) и проходила под его руководством. Как видим, читателю навязывается односторонняя точка зрения, вся совокупность фактов игнорируется. Стаечная борьба к концу лета 1905 г. достигла такого накала, что идея всеобщей забастовки получила всеобщее распространение. В этих условиях даже мелкобуржуазное руководство ВЖС не могло не выступить за стачку. Вопрос заключался в ином: в практической подготовке стачки, в определении форм, целей ее. Именно здесь заключена коренная разница в отношении к стачке большевиков и руководства ВЖС. Согласно решениям III съезда РСДРП, большевики последовательно и активно готовили массы к всеобщей стачке, перерастающей в вооруженное восстание. Съезд ВЖС 22—23 июля 1905 г. единогласно принял решение о подготовке всеобщей стачки — по предложению большевика А. Г. Шлихтера¹⁵⁹. Действуя вместе с непоследовательными революционерами типа руководителей ВЖС, большевики подталкивали их к революционным действиям и, главное, вовлекали широкие массы в борьбу под большевистскими лозунгами. Они требовали «во что бы то ни стало превратить начавшуюся забастовку во всеобщую»¹⁶⁰, в то время как ЦБ ВЖС призывало лишь готовиться к всеобщей стачке, не считая, что ее время пришло, видело в стачке лишь демонстрацию с целью вырвать у царизма Думу, наделенную законодательными полномочиями. Оно не стало и не могло стать организатором и руководителем забастовки, так как было слабо связано с местными организация-

ми железнодорожников и его практическая работа свелась к ряду формальных актов¹⁶¹. «...Не ЦБ ВЖС «диктовало» массам линию поведения, — пишет советский историк И. М. Пушкарева, — а революционные массы железнодорожников воздействовали на решения ЦБ ВЖС; они откликались на призывы этой организации только тогда, когда эти призывы соответствовали их революционным настроениям»¹⁶². Позиция масс в Октябрьской стачке формировалась под идейным, политическим и организационным руководством большевистских организаций железнодорожников.

Следует отметить, что в буржуазной литературе встречаются признания прочности связи большевиков с массами, хотя они не меняют общей картины и тем более не свидетельствуют об объективности буржуазных авторов в оценках большевистской партии. Так английский социолог и историк Д. Лейн критикует некоторые наиболее нелепые утверждения своих предшественников. Принимая цифру большевиков к 1905 г. в 8400 человек, он пишет: «Эти цифры, будучи приблизительными, показывают, что довольно большое для подпольного революционного движения число людей активно участвовало в российской социал-демократии до 1905 г. Не следует рассматривать российскую социал-демократию как нечто сосредоточенное в женеvских кафе и состоящее преимущественно из эмигрантской элиты»¹⁶³. Лейн показывает существенные различия между большевиками и меньшевиками по многим важным показателям и делает вывод, что большевики были в большей мере «партией рабочего класса», проводили последовательную революционную политику в первой русской революции¹⁶⁴. Эти признания продиктованы несоответствием традиционной, примитивной аргументации новейшим концепциям. Они показатель поиска новых путей интерпретации опыта большевиков в первой русской революции.

Свою принципиальную установку — «отлучение» большевиков от народных масс — буржуазные историографы применяют и к вопросам работы большевиков в деревне. «...Марксистская программа была подогнана к нуждам промышленного рабочего...» и не могла привлечь к себе крестьян, — утверждает Д. Кип¹⁶⁵. «Фактически большевизм в этот период не имел поддержки в крестьянстве, а там, где такое влияние было, оно в основном ограничи-

валось безземельными сельскохозяйственными рабочими немногих крупных хозяйств», — пишет американский историк М. Фэнсод¹⁶⁶. Между тем, как показано в работах советских историков, практика 1905—1907 гг. подтвердила возможность успешной деятельности пролетарских революционеров в деревне¹⁶⁷. Член РСДРП с 1904 г. учитель М. Н. Шабулин, работавший в 1905—1907 гг. среди крестьян Рязжского уезда Рязанской губернии, позднее вспоминал: «Работа в деревне развернулась лучше, чем мы ожидали. Привычные утверждения народников о том, что «марксисту нечего делать в деревне», не оправдали себя и оказались большим вздором. . .»¹⁶⁸ Это — далеко не единичный пример. Все партийные комитеты работали в деревне, создавали там группы, распространяли большевистскую литературу, участвовали в крестьянских сходах и т. д. Большое внимание этой работе уделяли большевистские центры, В. И. Ленин. Важное решение по аграрному вопросу было принято III съездом партии. Много сил Ленину и большевикам пришлось приложить для отстаивания действительно революционной аграрной программы на IV съезде РСДРП.

Опыт руководства совместной борьбой рабочих и крестьян в 1905—1907 гг. имел огромное значение для деятельности партии в деревне на дальнейших этапах революции, обогатил аграрную программу большевиков¹⁶⁹. Многочисленные факты успешной работы партии в деревне показывают необоснованность позиции буржуазных авторов.

Все той же цели — оторвать большевиков от движения трудящихся масс — служит версия, согласно которой большевики оказались не в состоянии понять национальные чаяния многомиллионных масс нерусских национальностей и не пользовались влиянием в национальных районах России. «Только в великорусских районах (включая Урал) большевики смогли удержаться»¹⁷⁰, — заявляет Д. Кип. Аналогичным образом трактует вопрос о влиянии большевиков в национальных районах Д. Лейн: русские районы он отдает большевикам, нерусские — меньшевикам¹⁷¹. Столь произвольные интерпретации истории рассчитаны на неосведомленного читателя. Историческая действительность отвергает умозрительную концепцию Д. Лейна.

Большевики имели значительное влияние в Латвии,

на Украине, в Закавказье, в Поволжье, на Урале и в других районах с нерусским населением. Кип и Лейн ссылаются на преобладание в некоторых национальных районах в социал-демократических организациях меньшевиков. Но такое положение было связано с конкретным уровнем рабочего революционного движения в 1905—1907 гг., а отнюдь не с какими-то имманентными причинами. В период реакции и нового революционного подъема меньшевики на Украине, в Баку, в Прибалтике были оттеснены от руководства рабочим движением. Характерно, что несоответствие исторических фактов попыткам Лейна изображать национальные районы меньшевистской вотчиной отмечают отдельные буржуазные историки. «Эта теория, — пишет Р. К. Эльвуд по поводу выводов коллеги, — не объясняет упадка меньшевизма на Украине после 1911 г.»¹⁷². «Упадок меньшевизма» в Баку — логическое следствие ликвидаторства¹⁷³, заявил американский историк Р. Суни. Концепции, «отлучающие» большевиков от борьбы трудящихся национальных районов в 1905—1907 гг., не имеют под собой научного основания. Они перепевают разного рода националистические «теории», бытующие в буржуазно-националистической эмигрантской среде. События же первой русской революции, как затем и 1917 год, показывают тесную связь выступлений рабочих и крестьян Центральной России с борьбой народов Прибалтики, Королевства Польского, Украины, Кавказа, Средней Азии и других национальных районов. В революционных боях складывалось единство трудящихся масс всех национальностей России. «Пятый год, — подчеркивал В. И. Ленин, — объединил рабочих всех наций России»¹⁷⁴. Это единство, выкованное под руководством ленинской партии, стало в дальнейшем мощным оружием в борьбе против царизма и капитализма, за социализм и коммунизм.

Таким образом, вступив в революцию немногочисленной, но слитой с рабочим классом и закаленной партией, большевики под руководством В. И. Ленина в ходе этой революции возглавили борьбу миллионов трудящихся. Наступление реакции, полоса жесточайших преследований после 3 июня 1907 г. нанесли огромный урон пролетарскому революционному движению, вынудили большевиков действовать в глубоком подполье. Но и в этих условиях партия сохранила и упрочила узы, связывавшие ее

с рабочим классом, продолжала борьбу за сплочение его на революционных позициях. Опыт битв 1905—1907 гг., опыт руководства политической борьбой многомиллионных масс рабочих и крестьян, всех демократических сил стал важным фактором свержения царизма и капитализма в 1917 г.

Революция 1905—1907 гг. показала народу подлинное политическое лицо всех классов и партий, закрепила существование трех политических лагерей в российском общественном движении. Она убедительно подтвердила марксистско-ленинское учение о гегемонии пролетариата в народной революции эпохи империализма. Пролетариат, писал В. И. Ленин, «завоевал *себе* роль *гегемона* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *умение* вести революционную массовую борьбу...»¹⁷⁵. Первая русская революция укрепила союз рабочих и крестьян всех национальностей. В то же время либеральная буржуазия России обнаружила исторически обусловленную неспособность возглавить освободительное движение: она боялась революции больше, чем самодержавия.

Революция 1905—1907 гг. показала решающую роль руководства революционной борьбой рабочего класса и его союзников со стороны политической партии нового типа — партии большевиков. В огне первой русской революции выковывались те ее качества, которые стали важным фактором победоносной борьбы революционных сил России. «Глубокое обобщение и мастерское использование большевиками накопленного опыта политического руководства массами, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России», — непримиримая борьба против оппортунизма и ревизионизма, за единство рабочего класса и его гегемонию в освободительном движении, за союз пролетариата с широкими слоями трудящихся облегчили и ускорили свержение царизма в феврале 1917 года и победоносный штурм эксплуататорского строя в дни Великого Октября»¹⁷⁶.

III

ЛЕГЕНДА О «СПОНТАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Буржуазных авторов, изучающих историю революций 1917 г. в России, в течение многих лет занимает, по их выражению, «мучительный» вопрос: «Как и почему произошел сокрушительный и, по видимости, столь внезапный крах царизма в ходе Февральской революции, открывшей затем путь Октябрю?»

В поисках причин крушения царизма «советологам» пришлось обратиться к периоду между двумя буржуазно-демократическими революциями и еще дальше, к эпохе первой русской революции, к концу XIX — началу XX в. По словам одного из английских авторов, причины революций 1917 г. стали одной из наиболее важных проблем истории России XX в.¹

Конечно, основная цель, которая двигала и движет «советологический» интерес к этой проблеме, заключается не в желании уяснить подлинную природу революционного процесса, а в стремлении взвесить теоретические шансы «традиционной», «исторической» власти (т. е. царизма) на «мирную модернизацию», определить возможность вероятной альтернативы Февралю и, главное, Великому Октябрю. Из истории развала и гибели царизма «советологи», как они неоднократно подчеркивали сами, стремятся извлечь политические уроки в целях предотвращения революционных движений по «русскому образцу» в современном мире. «Мы на западе... — пишет, например, американский «советолог» А. Мэндел, — надеемся благодаря таким урокам научиться как лучше отвести подобный исход»². Такой подход во многом определил буржуазную интерпретацию почти всех основных аспектов истории Февральской буржуазно-демократической революции. Из всей суммы этих аспектов мы, как и при рас-

смотреии буржуазной историографии революции 1905—1907 гг., остановимся лишь на трех: проблеме предпосылок Февраля, проблеме его характера и движущих сил и проблеме участия большевистской партии в свержении царизма.

ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВЫ КРУШЕНИЯ ЦАРИЗМА

В течение весьма длительного времени (примерно до середины 60-х годов) в западной буржуазной историографии довольно прочно бытовала «стабилизационная», если ее так можно назвать, концепция. В соответствии с ней с 1861 г., а особенно после революции 1905—1907 гг. в России шел быстрый процесс «модернизации» во всех областях: в экономике (промышленности и сельском хозяйстве), государственно-правовой сфере, культуре и просвещении и т. д.

По мнению некоторых «советологов», за успехи, достигнутые в промышленном развитии, вызванные главным образом «виттевской индустриализацией», царское правительство «заслуживает наибольшей апологии». Особые похвалы вызывает столыпинская реформа, которая якобы могла создать «современный способ жизни». Политическая система России, по словам многих «советологов», медленно, но все же поворачивала на конституционный путь: Государственная дума, оказывается, отнюдь не была столь бесправной, как это обычно изображалось, а земства и городские думы весьма быстро усиливали свое влияние. Вообще среди «советологов» нередко раздаются призывы пересмотреть слишком «отрицательные оценки» царизма, поскольку они якобы давались в основном антиправительственными и даже антирусскими элементами. Отмечается, конечно, и ряд «консервативных факторов», тормозивших «модернизацию» царской России, но не они квалифицируются как определяющая тенденция развития.

Таким образом, говоря словами английского «советолога» Д. Футмэна, все указывало на существование серьезных шансов, чтобы построить «свободную и счастливую Россию легальными средствами». Отсюда следует вывод: в революционном преобразовании страны не было исторической необходимости. Только первая мировая война с ее тяжелыми потерями, экономическими трудностями,

резко усугубленными «некомпетентной», фактически «самоубийственной» политикой последнего царя, не осознавшего необходимости компромисса с буржуазной оппозицией, нарушила этот процесс, сорвала «стабилизацию» и привела к февральскому революционному взрыву 1917 г. «Многие западные историки, — констатирует американский исследователь Л. Хэймсон, — отмечают опасные признаки, появившиеся накануне войны в результате растущего столкновения между реакционной политикой правящих кругов и либеральными ожиданиями общества. . . Но большинство из них приходит к заключению, что без войны этот кризис мог быть и был бы завершен без глубоких потрясений, посредством более или менее мирной реализации либеральными элементами русского общества своих давнишних требований подлинных западных парламентских институтов»³.

Сторонников указанной точки зрения, которая во многом воспроизводит кадетскую концепцию причин Февраля, занесенную на английскую и американскую историографическую почву в 20—30-х годах П. Милюковым, М. Карповичем, Д. Вернадским, М. Флоринским и другими, называют «оптимистами», поскольку они в общем оптимистически (конечно, ретроспективно) оценивают возможности «модернизации» России в условиях царского режима и отрицают неизбежность революции.

Однако примерно с середины 60-х годов, когда на авансцену английской и американской исторической науки стало выходить новое поколение «советоведов», в меньшей мере подверженных влиянию белоэмигрантской историографии, точка зрения «оптимистов» подверглась критике. Начало ей положили два американских историка — Т. фон Лауэ и упомянутый Л. Хэймсон, которые довольно решительно отвергли «стабилизационную» концепцию. Началась дискуссия по проблемам предреволюционной России, получившая, в частности, отражение на страницах американского журнала «Slavic Review».

Согласно Т. фон Лауэ, центральная причина неизбежности развала царизма коренилась прежде всего в неспособности осуществить быструю индустриализацию страны (для ликвидации ее отсталости), сохранив при этом, во-первых, внутреннюю стабильность и, во-вторых, положение великой державы. Если бы темп промышленного развития был медленнее, теоретизировал Лауэ, усилился бы

внешний кризис. Если бы, с другой стороны, русская индустриализация быстро двигалась вперед ради сохранения суверенитета и международной мощи России, ускорился бы внутренний взрыв⁴.

Л. Хэймсон отметил две резкие «поляризации», происходившие в русском обществе уже до войны (между рабочим классом и буржуазией, с одной стороны, и между «привилегированным обществом» и царизмом — с другой). При этом степень обеих «поляризаций», как утверждал Хэймсон, была фактически равной. Иными словами, по мнению Хэймсона, противоречия между буржуазией и царизмом были такими же острыми, как и противоречия между трудящимися и господствующими классами. Это и делало невозможным прочное «сцепление» общества⁵.

Т. фон Лауэ, Л. Хэймсона и других окрестили «пессимистами», поскольку их взгляд на возможность «выживания» царизма пусть даже в трансформированном и модернизированном виде пессимистичен. И хотя эта концепция с самого начала имела активных противников, она в дальнейшем получила определенное развитие.

Таким образом, к середине 60-х годов в «советологической» историографии предыстории крушения самодержавия наметились определенные сдвиги: начала выкристаллизовываться концепция обусловленности краха царского режима.

Об этом свидетельствовало, в частности, обсуждение проблемы крушения русского самодержавия на конференции в Гарвардском университете, состоявшейся в 1967 г. На ней присутствовали крупнейшие специалисты «советологи» из США, Англии, Франции, ФРГ, Израиля и других стран, занимающиеся историей России начала XX в. и трех русских революций. С докладом «Крах царской России» на конференции выступил один из авторитетных американских «советологов» — Дж. Кеннан. Его доклад был затем опубликован в сборнике «Революционная Россия» и, несомненно, оказал определенное влияние на разработку проблемы предпосылок крушения царизма буржуазными исследователями.

Проанализировав состояние и развитие российской промышленности и сельского хозяйства, внутренней политики и культуры в период между первой русской революцией и началом мировой войны, Кеннан пришел к заключению, что во всех этих областях отмечались несомнен-

ные прогресс и модернизация. Казалось бы, Кеннан выступил как сторонник «оптимистов». Однако его анализ конкретных причин краха царизма показывает, что он уже не разделяет эту точку зрения. По утверждению Дж. Кеннана, имелись четыре основных, главных фактора, обрекавших царскую Россию на неминуемую гибель.

Первый фактор, по его мнению, состоял в том, что самодержавие с большим запозданием приступило к проведению реформ, своевременно не пошло навстречу умеренным требованиям либеральной буржуазии и обуржуазившегося дворянства, затянув необходимые преобразования и нововведения (в частности, создание законодательной Государственной думы) более чем на 40 лет. За это время либеральная интеллигенция будто бы изверилась в добрых намерениях правительства и во многом солидаризировалась с радикальными, даже революционными элементами. «Я думаю, — заявил Кеннан, — что во всей истории последних десятилетий царской власти не было более пагубной ошибки, чем эта»⁶.

Вторым фактором, обуславливавшим крах царского режима, Кеннан считает крайний национализм, который проявлялся как во внутренней, так и во внешней политике царизма. Национализм во внутренней политике — великодержавный шовинизм, пишет он, восстанавливал против правительства многочисленные нерусские народы, населявшие империю. Внешнеполитический национализм ввергал Россию в непосильные, а главное, и ненужные для нее войны. Такова была, в частности, русско-японская война, результатом которой стало превращение царской России в «инструмент» французской политики. Следствием такого положения явилось то, что Россия оказалась втянутой в войну с Германией, хотя, как пишет Дж. Кеннан, «кайзер не представлял большой угрозы для России». Смысл всех этих рассуждений сводится к тому, что Россия, еще не завершившая свою «модернизацию», еще обремененная множеством внутренних проблем, не должна была втягиваться в международные конфликты. Однако националистический дух и престиж великой державы толкали царский режим на эти непосильные для нее конфликты. Поэтому, подчеркнул Дж. Кеннан, национализм сыграл «главную роль среди причин окончательного падения режима»⁷.

Третьим решающим фактором в ниспровержении ца-

ризма Кеннан считает «личность последнего русского царя». По словам Кеннана, Николай II «не соответствовал требованиям, которые предъявлялись его высокому положению в период быстрого экономического развития и массового образования»⁸.

И наконец, на последнее — четвертое — место среди факторов, определивших гибель самодержавия, Кеннан ставит... революционное движение. По его мнению, революционные партии повлияли на крушение монархии всего лишь «косвенными путями»⁹.

Таковы, по мнению Дж. Кеннана, основные причины падения русской монархии. Они, подчеркивает он, не были порождены войной, а проявлялись задолго до нее. «До работы над этим докладом, — заявил Кеннан, — я был склонен считать, что, если бы не вмешалась война, шансы самодержавия на выживание и постепенную эволюцию не были бы плохими». Но к концу 60-х годов он, однако, в значительной мере пересмотрел свое мнение, поскольку указанные им факторы действовали и в довоенный период и не устранялись даже благодаря «успехам» экономической и культурной «модернизации».

Таким образом, точка зрения Дж. Кеннана отразила известную эволюцию современной буржуазной историографии, которая постепенно стала отказываться от концепции военного происхождения Февральской революции 1917 г., но которая в то же время продолжает усматривать основную причину провала буржуазно-конституционного «эксперимента» в царской России в неспособности «верхних» слоев общества к политической консолидации. Не случайно Кеннан преувеличивает оппозиционность либералов, а революционное движение ставит на последнее место среди факторов, которые, по его мнению, обусловили гибель царизма. Массы и их революционный авангард — партия большевиков как главный, решающий фактор, определивший свержение самодержавия, здесь по существу игнорировались. Противоречивость данной концепции Дж. Кеннана, ее несоответствие ходу событий, таким образом, бросаются в глаза.

Примечательно, однако, то, что на Гарвардской конференции пересмотр старых, привычных догм встретил сопротивление. С содокладом по проблеме свержения царизма в России выступил английский историк Х. Ситон-Уотсон. Отметив, что он согласен с многими соображе-

ниями, высказанными Кеннаном, Ситон-Уотсон счел необходимым подчеркнуть, что, несмотря на рост социального и политического недовольства, истоки которого относятся еще к XIX в., «без неудач в войне даже режим Николая II и Горемыкина мог бы существовать».

С критическими замечаниями по докладу Кеннана выступили также Г. Роггер, Б. Вольф, Р. Пайпс, Д. Трэдголд и др.

По словам английского историка В. Мосса, «великие дебаты» между «оптимистами» и «пессимистами» продолжались. Это нашло свое выражение в специальных сборниках, посвященных рассматриваемой проблеме. Первый из них — уже упоминавшийся сборник «Россия под властью последнего царя», содержащий восемь статей, написанных на основе лекций, ранее прочитанных видными «советологами» на семинаре в Миннесотском университете. Как отметил рецензент книги Д. Ейни, в сборнике вновь обсуждается вопрос: «Был ли прогресс России по направлению к западному, конституционному правлению прерван первой мировой войной и личными недостатками Николая II, или этот прогресс был обречен с самого начала?»¹⁰ Точки зрения авторов (Т. фон Лауэ, Д. Трэдголда, Т. Рихи и др.) различны; к единодушному мнению, а самое главное, к определенному ответу на поставленный вопрос они не пришли. Примечательно, что некоторые авторы попытались высказать компромиссную точку зрения, «сбалансировав» ее между концепциями «оптимистов» и «пессимистов», что в последнее время является характерным для буржуазной историографии.

Другой сборник — «Россия вступает в XX век»¹¹, в нем помимо английских авторов (Дж. Каткова, М. Футрелла и др.) приняли участие западногерманские историки Л. Шульц, Э. Оберлендер, О. Анвайлер и др. Как отметил В. Мосс, эта книга, за некоторыми исключениями, написана «оптимистами», т. е. сторонниками «стабилизационной концепции», как уже отмечалось, отрицающими историческую обусловленность Февраля. Любопытно отношение к сборнику со стороны рецензентов, принадлежащих к разным лагерям в споре о возможности мирной «модернизации» царской России. Если «пессимист» В. Мосс в целом отозвался о сборнике критически за узость и односторонность оценки «успешного» развития России под властью Николая II и игнорирование тех факторов, кото-

рые в конце концов привели царизм к неизбежному краху¹², то «оптимист» Х. Ситон-Уотсон занял противоположную позицию. Он, в частности, упрекнул западногерманского историка Э. Оберлендера за утверждение, что тезис о предопределенности победы большевиков разделяется «большинством западных историков». Где, с некоторым раздражением вопрошал Ситон-Уотсон, автор увидел это большинство?¹³

«Оптимисты» из лагеря буржуазной историографии отнюдь не сдают своих позиций. В 1971 г. в Лондоне вышла книга некоего Дм. Поспеловского под названием «Русский полицейский тред-юнионизм. Эксперимент или провокация?»¹⁴. Среди различного рода сил и факторов, которые, с точки зрения «оптимистов», создавали реальные возможности предотвращения революционных потрясений в России, всегда фигурировали «сильные личности», «мудрые» государственные деятели, не оцененные или отвергнутые последним самодержцем, а также «правыми элементами, на которых он опирался. Особое предпочтение обычно отдается С. Ю. Витте и П. А. Столыпину, деятельность которых при определенных обстоятельствах якобы вполне могла решить многие стоявшие перед Россией проблемы без революции. Дм. Поспеловский добавил к ним главу московской охраны, пресловутого С. Зубатова. Нехитрый смысл рассуждения Поспеловского состоит в доказательстве следующего тезиса: если бы царское правительство последовательно поддержало зубатовщину, то именно оно, а не революционеры сумело бы овладеть рабочим движением и направить его по «безопасному» тред-юнионистскому пути. В итоге революций бы не произошло¹⁵.

Примитивизм «концепции» Поспеловского очевиден, и его труд получил весьма сдержанную оценку даже в западной исторической периодике. Стало ясно, что после дискуссии в «Slavic Review», после работ Т. фон Лауэ, Л. Хэймсона и других авторов успешно пропагандировать «оптимистические» взгляды на возможность мирной «модернизации» и «выживания» царского строя, заимствованные главным образом из белоэмигрантских писаний, уже довольно трудно¹⁶. В то же время стала намечаться новая тенденция, уже отмеченная нами выше и выражающаяся в попытке сблизить точки зрения «оптимистов» и «пессимистов». Об этом, в частности, свидетельствует

монография английского историка Дж. Хоскинга «Русский конституционный эксперимент», посвященная взаимоотношениям царизма и главным образом III Государственной думы, т. е. периоду с июня 1907 г. до кануна мировой войны. Ее содержание показывает, что в вопросе о судьбах «конституционного эксперимента» Дж. Хоскинг в общем стоит на позициях «пессимистов». Он приходит к заключению, что этот «эксперимент» (имеется в виду политика столыпинского бонапартизма) обнаружил свою бесплодность еще до начала военного конфликта, а, стало быть, мирная «модернизация» царской России не имела серьезных шансов. Следует сказать, что такой вывод внешне напоминает точку зрения советских историков, также считающих, что попытка царизма путем реформ «сверху» избежать новой революции в исторических условиях, сложившихся в России в начале XX в., была обречена на провал¹⁷. На самом деле здесь имеется глубокое, принципиальное расхождение.

Действительно, главный вопрос, на который читатель ждет ответа, заключается не столько в признании или отрицании возможности буржуазной конституционной трансформации самодержавной России, сколько в том, почему эта трансформация оказалась невозможной.

Зерно конфронтации между царизмом и буржуазно-помещичьим либерализмом Хоскинг усматривает в неопределенности царского манифеста 17 октября 1905 г. Если «общественность» видела в нем конституционный элемент и ограничение самодержавия, то царь, напротив, полагал, что нововведения конца 1905—1906 гг. не затрагивают основного принципа самодержавной монархии. Тем не менее конституционный эксперимент, казалось бы, начался успешно. Аграрная реформа, пишет Хоскинг, была «уникальным примером единодушия между правительством Столыпина, октябристами, правым крылом Думы, Государственным Советом и объединенным дворянством»¹⁸. Но она не могла сразу удовлетворить всех крестьян, вследствие чего социальная напряженность сохранялась. Ее можно было ослабить, если бы «верхи» и в дальнейшем продемонстрировали способность к сотрудничеству. Но этого не произошло. Успех прохождения аграрных законопроектов в III Думе не был повторен. Резюмируя историю законодательной деятельности III Думы, Хоскинг пишет, что нет каких-либо серьезных

оснований предполагать, что «через систему, которая была установлена 3 июня 1907 г., Столыпин (или любой его преемник) мог осуществить радикальные реформы парламентскими методами»¹⁹.

Однако в объяснении этого в целом правильного положения автор не обнаруживает ясности. Правда, у него встречаются замечания о «глубине социального и идеологического конфликта в России», о боязни некоторых верхних слоев общества последствий реформ, о росте рабочего движения и даже о влиянии большевиков и т. д. Но они в сущности растворяются в детальном анализе сложных взаимоотношений «верхов». В результате создается впечатление, что русский конституционный эксперимент закончился неудачей в основном потому, что два его участника не сумели прийти к прочному сотрудничеству. Здесь уже слышится отзвук некоторых «оптимистических» сентенций. Правда, Хоскинг не возлагает прямую ответственность на либералов или правых, а говорит о глубокой поляризации, существовавшей между ними, причем явно ее преувеличивая. Но и в этом случае ответ на коренной вопрос о причинах неспособности участников «эксперимента» договориться остается неопределенным. «Сбалансированная» концепция на деле ведет к эклектике, которая неспособна дать научную интерпретацию исторических событий.

Теперь, когда мы в общих чертах вошли в существо спора между «оптимистами» и «пессимистами» и познакомились с попытками сближения их точек зрения, следует критически оценить позиции оппонентов. Начнем с «оптимистов».

Очевидно, что они выступают в незавидной роли «пророков, смотрящих назад», так как *post factum* (задним числом) пытаются указать на те ошибки и просчеты, которые, по их мнению, привели к революции.

Но это спор с реальностью самой истории, с ее приговором, который, как известно, окончателен и обжалованию не подлежит. Переписать историю можно, но «переиграть» нет. Позиция «оптимистов» не выдерживает научной критики. Нетрудно видеть, что она базируется на тезисе, утверждающем, что в основе обстоятельств, которые все-таки привели к революциям 1917 г., лежали два фактора: тяжесть поражений в ходе мировой войны и особенно «некомпетентная» политика последнего само-

держца, выразившаяся главным образом в упрямом отказе от компромисса с либеральной буржуазией и таком же упрямом стремлении сохранить «самодержавный принцип».

Но ведь хорошо известно, что вступление царской России в первую мировую войну не являлось для ее правящих кругов вопросом абсолютно «свободного выбора». На это справедливо указывают и многие западные историки — «пессимисты», а также в той или иной мере прилегающие к ним. Например, англичанин Х. Ситон-Уотсон, выступая на упоминавшейся конференции в Гарварде, заметил, что утверждать, будто царская Россия могла уклониться от участия в мировом конфликте, значит пользоваться «неисторическими аргументами»²⁰. Американский историк Т. фон Лауэ, критикуя тех, кто, по его словам, «с упрямством Галилея» твердит, что, не будь войны, «несомненно появилась бы конституционная Россия западного типа», замечает, что эти люди мыслят так, как будто «тяжесть международного соперничества можно было устранить с шахматной доски истории...»²¹. Но буржуазные авторы не способны проанализировать проблему до конца.

Первая мировая война, как показал В. И. Ленин в целом ряде своих работ, явилась неизбежным результатом действия закона неравномерного развития капиталистических стран в период империализма, их борьбы за раздел и передел мира, за источники сырья, рынки сбыта и сферы влияния. Этот вывод аксиоматичен для периода безраздельного господства империализма. Но дело не только в исторической неизбежности первой мировой войны и участия в ней буржуазно-помещичьей России. Как показывают многочисленные факты, революционное движение в России, возглавляемое рабочим классом, возникло не во время войны, а задолго до нее. Оживление рабочего движения, начавшееся в 1910 г., переросло затем в новый революционный подъем. Непосредственно перед войной он достиг большого размаха. В июле 1914 г. на улицах Петрограда, Баку, Лодзи и других городов появились баррикады. Начало войны, на какой-то момент ослабив революционную борьбу, вскоре резко усилило ее. В этом смысле В. И. Ленин и называл первую мировую войну великим, могучим и всесильным «режиссером» революции, «который, с одной стороны, в состоянии был ускорить

в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные»²².

Война, таким образом, не источник российских революций, в том числе и Февральской, а их ускоритель. Источник же революций — глубочайшие социально-экономические и политические противоречия, порожденные капиталистическим развитием и усугубленные консервацией феодальных и полуфеодальных пережитков в политическом и аграрном строе страны.

Не выдерживает научной критики и другой, пожалуй главный, аргумент «оптимистов», согласно которому к революции привела «слабость» последнего царя, оказавшегося под «дурным влиянием» своей «психопатической» супруги и ее фаворита — «пьяного мужика» Г. Распутина, склонявших его к сохранению самодержавия любой ценой²³. Между тем пойдя царь на блок с либеральной буржуазией, окружи себя людьми типа Гучкова, Струве, Миллюкова и т. п. — и на пути революции была бы поставлена крепкая плотина. Но он избрал иной путь, что во многом привело к господству Распутина и его клики* — таков смысл утверждений многих буржуазных историков²⁴. Почему же Николай II поступил столь «самоубийственно»? По мнению одних, он был просто глуп и безволен, по мнению других (например, Дж. Каткова), являл собой некую «святую натуру» типа князя Мышкина или Алеши Карамазова из романов Достоевского.

* Следует отметить, что Распутину и последним Романовым в зарубежной историографии уделяется большое внимание. Как пишет П. Дьюкс, на Западе «судьба последнего царя стала одной из наиболее популярных тем русской истории благодаря множеству книг и фильмов. Все знают об одиночестве царской четы, Николая и Александры, о пагубном влиянии Распутина, вызванном гемофилией наследника, о казни всей семьи и спорах, введущихся вокруг этого события» (*P. Dukes. A History of Russia. London, 1974, p. 177*). В последние годы тема эта приобрела характер нездоровой сенсации. В прессе и литературе появились утверждения о «чудесном» спасении царской семьи, о ее бегстве из Екатеринбурга и т. п. Появились новые самозванцы, в том числе один, выдающий себя за «законного наследника престола» Алексея Романова (см., например: *G. Richards. The Hunt for the Tsar. New York, 1975, и др.*). Нет сомнения, что в какой-то мере это связано с попыткой антикоммунистической историографии «реабилитировать» царизм и подогреть антисоветские, монархические чувства в определенных кругах на Западе.

Антинаучность такого подхода очевидна. Каким бы урядным человеком не был Николай II, необходимо учитывать, что условия, в которых ему пришлось царствовать, не сопоставимы ни с какой другой эпохой дореволюционной России. В начале XX в., особенно после первой русской революции, царизм самым ходом исторического развития (дальнейшее развитие капитализма, рост революционного движения масс, определенное давление буржуазной оппозиции и т. п.) был поставлен перед дилеммой: либо следовать «самодержавным курсом», отбросив всякие «конституционные» привески к самодержавию, либо переложить руль «влево», завершив трансформацию своего рода «конституционного самодержавия» в буржуазную, конституционную монархию. В предвоенный период царизм пытался решить эту дилемму бонапартистской политикой лавирования. Используя наличие в III Государственной думе двух «большинств» (правооктябристское и октябристско-кадетское), правительство намеревалось попеременно опираться то на одно из них, то на другое.

И надо признать, что власть, и в частности Николай II, проявляла известное искусство политического маневрирования, отодвигая крах царизма. До тех пор пока у самодержавия оставались резервы для такого маневрирования, оно шло на определенные уступки буржуазной оппозиции. Но вслед за тем правительство убеждалось, что уступки не только не приводят к разрядке классовой напряженности и ослаблению революционного движения, а, напротив, ведут к их дальнейшему росту. Тогда предпринимались попытки попятного движения, возврата к старому черносотенному самодержавию, но и они вели к такому же результату: переход реакции в наступление лишь стимулировал рост революционного движения во главе с рабочим классом. Именно это обстоятельство, а не личные качества последнего самодержца и его ближайшего окружения определяло то, что называют «разложением царизма»²⁵. Отсюда, конечно, не следует, что разложение царского режима, особенно наглядно проявившееся в распутинщине, в свою очередь не представляло собой дополнительного фактора, подрывавшего силу царизма, и не активизировало борьбу с ним. Но главное все же было в другом. «Люди реакции. . . — писал В. И. Ленин, — видят и знают по опыту, что сама малейшая сво-

бода в России ведет неизбежно к подъему революции. Они *вынуждены* поэтому идти все дальше и дальше назад, разрушать все больше и больше октябрьскую конституцию, задвигать все больше всякими заслонками приоткрытый было политический клапан.

Нужно все безграничное тупоумие российского кадета или беспартийно-прогрессивного интеллигента, чтобы вопить по этому поводу о безумии правительства и убеждать его встать на конституционный путь. Правительство *не может поступать иначе*, отстаивая царскую власть и помещичьи земли от . . .напора снизу»²⁶. «Классы не ошибаются: в общем и целом они намечают свои интересы и свои политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции»²⁷, — писал В. И. Ленин.

Таким образом, попытка «оптимистов» вывести революцию главным образом из субъективных факторов и тем обосновать тезис о ее незакономерности не выдерживает критики. Конечно, эти субъективные факторы, как мы уже отмечали, сыграли определенную и даже немаловажную роль, но сами они были производными от глубинных, объективных факторов, обуславливавших закономерность революционного свержения царизма, а затем и буржуазной власти.

Если усилия «оптимистов» направлены на отрицание обусловленности революционного свержения царизма (как и последующих событий, приведших к Октябрю), то «пессимисты» занимают, казалось бы, полярную позицию: в основе их анализа истории предреволюционной России лежит, как уже отмечалось, идея обусловленности и даже неизбежности революции, прежде всего Февральской. Нельзя не признать, что такая точка зрения представляет собой определенный шаг вперед по сравнению с взглядами «оптимистов». (Это видно хотя бы на примере книги Д. Хоскинга.) Английский историк П. Дьюкс даже увидел в ней «обширный синтез» исследований, проведенных советскими и западными историками²⁸. На самом деле это, конечно, не так. Подход «пессимистов» к проблеме социально-экономических предпосылок революций 1917 г. весьма далек от марксистско-ленинской концепции предыстории Февраля. Частично мы уже показали это, рассматривая книгу Хоскинга; теперь остановимся несколько подробнее.

В отличие от «оптимистов», абсолютизирующих экономический, социально-политический и культурный прогресс царской России начала XX в., «пессимисты» склонны абсолютизировать ее отсталость. Для Т. фон Лауэ это главным образом экономическая отсталость: в то время как передовые страны Европы и Америки уже представляли собой «индустриальные общества», России для сохранения статуса великой державы еще требовалось осуществить индустриализацию. Для Л. Хэймсона это преимущественно социально-политическая отсталость: «поляризация» между трудящимися, в том числе пролетариатом, и «обществом» объясняется «крестьянским» характером русского рабочего, склонного к «анархическому бунтарству».

«Традиционная власть» (царизм), социальная опора которой к началу XX в. значительно сузилась, по мнению «пессимистов», не могла уже решить проблему преодоления отсталости страны для сохранения ее положения как великой державы и «догнать поезд». Из всех этих рассуждений следует лишь один вывод: поскольку необходимость преобразования России диктовалась ее отсталостью, революции «русского типа» имеют почву в подобного же рода экономически и политически отсталых странах, но никак не там, где уже достигнута стадия «индустриального общества». А это значит, что «русский образец» в целом специфичен, имеет ограниченный характер. Таким образом, если «оптимисты» вообще отрицают обусловленность революций 1917 г., то «пессимисты», признавая эту обусловленность, тем не менее отказывают ей в общ исторической значимости. В Великом Октябре, путь которому открыла Февральская буржуазно-демократическая революция, они «не видят» переломного события, открывшего новую эру в истории человечества — эру перехода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин всегда говорил и писал об относительной отсталости царской России в ряду первоклассных империалистических держав, относил ее к странам со *средне-слабой* народнохозяйственной системой²⁹. Он неоднократно отмечал наличие в России «самого передового промышленного и финансового капитализма»³⁰, «новейшего капиталистического империализма»³¹. Обосновывая возможность перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую, В. И. Ленин писал: «Без

известной высоты кап[итали]зма у нас бы ничего не вышло»³²,

Советские историки в ряде исследований разработали это ленинское положение, показав на огромном фактическом материале, что по своей экономической природе российский монополистический капитализм принципиально не отличался от новейшего капиталистического империализма, свойственного другим странам³³. Но наряду с новейшим капитализмом в России продолжали сохраняться остатки феодального строя (прежде всего царизм и помещичье землевладение), сковывавшие капиталистическое развитие страны³⁴. Это противоречие и определило неизбежность буржуазно-демократической революции.

Таким образом, марксистско-ленинская концепция, не отрицая определенных специфических элементов, наложивших свой отпечаток на вызревание предпосылок революций 1917 г., в то же время подчеркивает, что эти предпосылки были характерными для всей системы мирового империализма, одно из звеньев которой составляла царская Россия³⁵. Вследствие этого опыт российского революционного движения, опыт российских революций имеет не локальную, а широкую международную значимость.

Подводя итоги анализа концепций «оптимистов» и «пессимистов», следует сказать, что, несмотря на кажущуюся противоположность, между ними больше сходства, чем различия: и та и другая своим острием направлены против марксистско-ленинской концепции, и та и другая (правда, в разной степени) склонны усматривать главную причину краха буржуазно-помещичьего режима в сфере «верхов», а не в глубинных массовых движениях.

Конечно, политическая история «верхов» в известной мере автономна. Но в то же время она не представляет собой нечто изолированное. В третьейюнском «конституционном эксперименте» было не два участника: либералы и царизм. Имелся еще и третий, который на взгляд буржуазного историка не играл непосредственной роли в политической борьбе первых двух, но который на самом деле оказывал на нее решающее воздействие. Речь идет о массах, прежде всего рабочем классе, в котором, по признанию даже некоторых зарубежных историков, в предвоенные годы существенно выросло влияние большевиков. Без учета революционного движения масс, во главе

которых шел пролетариат, невозможно понять подлинные причины провала третьеиюньской системы и краха царизма в целом.

Дебаты «оптимистов» и «пессимистов» — наглядное и конкретное свидетельство кризиса «советологии», не способной дать научно обоснованное решение исторических проблем, в данном случае важнейшей проблемы предположения крушения царизма. Английский историк В. Мосс вынужден констатировать, что для западного историка «Февральская революция представляет... своего рода загадку»³⁶.

«ЗАГАДКА» ФЕВРАЛЯ: КОНЦЕПЦИЯ «СТИХИИ» И КОНЦЕПЦИЯ «ЗАГОВОРА»

Трудно сказать, как долго еще будет проходить спор «советологов» — «оптимистов» и «пессимистов». Важно другое: сама история решила этот спор 60 лет тому назад, когда под могучим ударом народных масс царизм был сокрушен. И независимо от поисков (задним числом) альтернативы Февралю этот факт требует от «советологов» осмысления и объяснения.

Первый же вопрос, который, естественно, встает перед ними, сводится к следующему: кто, какие общественные силы совершили эту революцию? Речь, таким образом, идет о движущих силах революции.

Если бросить общий взгляд на буржуазную историографию Февраля от ее возникновения до наших дней, то нетрудно заметить, что в ней все это время почти безраздельно доминировал тезис о «единодушном», т. е. бесклассовом, характере Февральской революции. Истоки этого тезиса лежат в белоэмигрантской литературе, причем надо отметить, что его в равной степени пропагандировали кадетские, меньшевистские и эсеровские историки и мемуаристы (лишь монархисты черносотенного толка упорно твердили, что Февраль — дело рук либералов-масонов). Приведем только одну цитату из последних по времени воспоминаний А. Ф. Керенского, изданных в 1965 г. «Все групповые, классовые и личные интересы, — пишет он, — были отброшены, все противоречия забыты... Февральская революция была уникальным историческим явлением, потому что все классы общества участвовали в пей»³⁷. И разве не вариацией этих слов Ке-

ренского является, например, следующее утверждение американского «советолога» А. Улама: «...Россия дала пример кроткой и гуманной революции. ...Непосредственным настроением победившей революции были чувства облегчения, восторга и великодушия. Каждый русский, будь то великий князь или анархист, радовался новой свободе»³⁸.

Правда, в работах, опубликованных в первой половине 70-х годов, мы, пожалуй, уже не встретимся со столь безапелляционными утверждениями. Во всяком случае можно сказать, что тезис о «единодушии» Февральской революции перестал быть столь единодушным, как прежде. В ходе изложения мы будем отмечать это обстоятельство, но здесь необходимо подчеркнуть, что отход от старого тезиса лишь начавшийся процесс, в котором пока участвует ограниченное число историков относительно молодого поколения. Если добавить, что с конца 60-х годов новых крупных работ о Февральской революции за рубежом не появилось, то надо, по-видимому, по-прежнему учитывать факт преобладания тезиса о «единодушии» Февраля 1917 г. в буржуазной историографии. В связи со сказанным проблема критики этого тезиса не может считаться снятой с повестки дня. Напротив, она, как и раньше, актуальна.

Легко понять, почему этот тезис занимает важное место в общей антимарксистской схеме истории революционных событий 1917 г. в России. Во-первых, он служит той «разделительной линией», по которой в буржуазной историографии проходит противопоставление Великого Октября Февралю: Февраль — революция всех классов против полностью изолированного царизма; Октябрь — выступление меньшинства, приведшее к жестоким классовым столкновениям, гражданской войне и взаимному кровопролитию. Февраль — «истинно демократическая» революция; Октябрь — «заговор», переворот, осуществленный большевиками во главе с Лениным. Во-вторых, затушевывая классовые противоречия, выявившиеся уже в ходе борьбы за свержение самодержавия, этот тезис как бы закладывает «основу» для искажения истории перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Он по существу отрицает объективную закономерность такого перерастания и во многом сводит весь вопрос к «волюнтаристскому давлению»

В. И. Ленина и большевиков, которые в апреле 1917 г. будто бы произвольно решили «катапультировать 150 млн. русских в социализм»³⁹.

Наконец, в-третьих, этот тезис фактически отрицает руководящую роль пролетариата, его гегемонию. Еще в 1907 г. В. И. Ленин резко критиковал мелкобуржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов за попытку затушевать различие классовых интересов в понятии «общенациональная революция». «Ни в каком случае, — писал он, — не может служить это понятие для того, чтобы *затушевывать*, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции»⁴⁰.

Согласно одной из распространенных в буржуазной историографии трактовок, «единение» нации против царского режима стало складываться весной 1915 г. и окончательно сформировалось к началу 1917 г., т. е. в канун Февральской революции. Затем оно длилось примерно около месяца, после чего (приблизительно в апреле 1917 г.) перестало существовать.

В интересах последовательности изложения и критического анализа «разложим» тезис о «единодушной» Февральской революции на три части. Сначала рассмотрим его по отношению к кануну Февраля, далее — в ходе самого Февральского переворота и, наконец, непосредственно в послефевральский период. При этом в центре нашего внимания будет в основном оценка роли пролетариата и буржуазии.

Как же английские, американские и другие буржуазные авторы характеризуют борьбу рабочего класса в России накануне свержения царизма? Их подход к этому вопросу уже был затронут в общем виде в разделе, посвященном первой русской революции, но и здесь на нем также необходимо остановиться.

С точки зрения большинства буржуазных историков, пролетариату развитого капиталистического западного общества свойственна тред-юнионистская форма рабочего движения, являющаяся якобы наиболее политически зрелой и организованной. Но в России начала XX в., как пишет, например, Д. Уолкин, «большинство рабочих все еще были крестьянами, тесно связанными с землей»⁴¹. В связи с войной новые массы крестьян оказались «выброшенными» из деревень в города, отчего «крестьянский

характер» русского рабочего класса будто бы усилился, а его выступления, вызванные, как правило, чисто экономическими причинами, обычно приобретали бунтарские, анархические формы. Даже Л. Хэймсон, который, как мы уже отмечали, одним из первых западных историков отверг распространенные в буржуазной историографии взгляды о якобы происходившей в России в период между двумя революциями «стабилизации» и отметил растущую революционность пролетариата, объясняет ее главным образом влиянием «сырых» выходцев из деревни⁴². Это обстоятельство, по мнению многих «советологов», придавало стачечному движению военных лет политически нейтральный и в основном стихийный, неорганизованный характер.

Правда, наиболее консервативная часть историков (например, Дж. Катков) не согласна с такой точкой зрения. Чуть ли не все рабочие стачки в России с конца 1915 г. Катков объявил результатом... провоцирования со стороны германской агентуры. Однако даже такой антикоммунист, как Б. Вольф, считающий книгу Каткова лучшей работой о Февральской революции, был вынужден отметить, что в ней содержится «поверхностное рассмотрение русского социалистического движения»⁴³. Другой рецензент, А. Эшер, обвинил Каткова в «незнании истории русского рабочего движения»⁴⁴. Катков, таким образом, не сделал «большой погоды» в «советологической» характеристике российского рабочего движения периода первой мировой войны: ее либерально-соглашательские оценки остались почти непоколебленными.

На фоне стихийных, главным образом экономических, выступлений пролетариата в авангарде политической борьбы с царизмом накануне революции оказывается буржуазия, утверждают «советологи».

Упрекая царизм за «упрямый» отказ идти на уступки либералам⁴⁵, многие зарубежные авторы в то же время обвиняют и либералов (главным образом кадетов) в том, что они не проявляли достаточной гибкости в вопросе компромисса с «исторической властью» (т. е. царизмом), «формулировали» свои конституционные требования слишком категорично, не учитывая неподготовленности русского народа к демократическому образу жизни, и т. п. «Подобно революционерам, — пишет, например, Д. Уолкин, — либералы стали «максималистами» с бескомпро-

миссным идеалом, который⁴⁶ должен был быть осуществлен без всякого промедления»⁴⁶.

«Новый свет» на деятельность буржуазной оппозиции (как, впрочем, и на рабочее движение) в годы войны попытался пролить все тот же Дж. Катков. Он критикует авторов, считающих, что «революция была осуществлена теми кругами, которые требовали конституционных реформ, после того как они отчаялись достигнуть своих целей политическими средствами»⁴⁷. Основываясь главным образом на письмах Е. Кусковой, отдельных замечаниях Керенского, Милюкова и других, Катков приходит к заключению, что с начала сентября 1915 г. в России активно действовала разветвленная масонская организация, объединившая широкие оппозиционные силы. Стремясь прийти к власти, эти масонские круги своей «кампанией денонсирования и дискредитирования самодержавия» «систематически... прокладывали путь для успеха восстания»⁴⁸.

Версия Каткова — «смягченный» вариант черносотенного вымысла о «масонском заговоре», получившего хождение еще до Февраля и служившего одним из приемов пропагандистского камуфляжа белогвардейщины в ее борьбе с Советской властью в течение всей гражданской войны⁴⁹. Пропагандисты деникинского «Освага», распространявшие версию о масонах, примерно на 50 лет опередили Каткова. Тем не менее после Каткова отголоски «масонской версии» стали появляться в буржуазной историографии, хотя и не получили сколько-нибудь широкой поддержки. Н. Смит опубликовал в журнале американских «советологов» отрывок из воспоминаний члена ЦК кадетской партии В. А. Оболенского, который свидетельствует, что в период с 1910 по 1916 г. он являлся одним из руководителей масонских лож в России и потому хорошо информирован об их деятельности. «Совершенно неправильным является утверждение, — пишет Оболенский, — что революция в России была подготовлена масонами». По его словам, масоны не имели никакого отношения к революционному движению и вообще не представляли собой сколько-нибудь серьезную политическую силу⁵⁰.

Вопрос о роли либеральной буржуазии в свержении самодержавия дискутировался и на конференции в Гарвардском университете. Выступая на ней, Дж. Кеннан

говорил о либерально-буржуазной оппозиции как о фактически ведущей силе, подорвавшей устои царизма. По его словам, в годы войны критика, направленная против царского правительства, использовалась «либерально-парламентскими кругами в качестве предлога для создания новых организационных образований, таких, как различные военные и промышленные совещания». Они «конкурировали» с правительственными учреждениями, создали «каналы для политической активности, враждебной режиму, и внесли значительный вклад в события, приведшие царизм к падению»⁵¹. Несколько позднее американский «советолог» А. Мэндел утверждал, что решающим фактором предфевральских событий была изоляция царизма от «образованного общества». Без нее революционные выступления, по его мнению, не могли бы быть успешными⁵². Здесь в отличие от Каткова, склонного к черносотенно-монархическим реминисценциям, слышатся более «осторожные» кадетско-меньшевистские голоса.

Как бы, однако, ни интерпретировали «советологи» деятельность либеральной оппозиции перед крушением монархии, главным у них все же является тезис, будто именно эта оппозиция представляла собой политически сознательный фактор антиправительственного движения. Но подлинная историческая действительность не соответствует картине, содержащейся в работах буржуазных авторов.

Прежде всего абсолютно несостоятельно утверждение о стихийном и «аполитичном» характере русского рабочего движения в годы мировой войны, обусловленном «неразвитостью» пролетариата.

Вопрос о формировании и развитии российского рабочего класса давно решен в трудах В. И. Ленина, в исследованиях советских историков; в них показано, что уже к концу 80-х годов в России в основном сложился новый класс — пролетариат, длительное время (и не в одном поколении) связанный с трудом в промышленности⁵³. При этом важно отметить, что как в довоенное время, так и в годы войны в России происходила быстрая концентрация производства и рабочей силы. По этому показателю Россия стояла на первом месте в мире: в 1914 г. удельный вес рабочих, занятых на крупнейших предприятиях, поднялся до 41,4%⁵⁴. Указанный фактор имел огромное значение, так как сила и влияние рабочего класса неизме-

римо больше, чем его доля в общей массе населения⁵⁵. Передовыми пролетарскими отрядами был рабочий класс Петрограда (являвшегося, по словам В. И. Ленина, «географическим, политическим, революционным центром всей России»⁵⁶), «второй столицы» — Москвы, Центрально-промышленного района, Урала и других районов страны. В целом рабочий класс дореволюционной России представлял собой полностью сформировавшийся класс капиталистического общества, являлся ведущей силой в борьбе за социальное освобождение.

Пролетарское ядро, пролетарский костяк, прошедший школу классовых боев первой русской революции, закаленный опытом борьбы в период столыпинской реакции, был носителем революционных традиций и в военные годы. «Правдистские газеты и работа «мурановского типа», — писал В. И. Ленин, — создали единство $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России. Около 40 000 рабочих покупали «Правду»; много больше читало ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он *один* стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Он *один* устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои от социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, «Нашей Зари» к социализму»⁵⁷.

Попытка вывести революционность русского рабочего класса из «бунтарской психологии» крестьянства настолько беспочвенна, что это признают даже некоторые буржуазные историки. Так, американский историк А. Мэндел в полемике с Л. Хэймсоном заметил, что «идеальному типу крестьянина» (дореволюционного. — *Авт.*) свойственны скорее черты «консервативности, осторожности, хитрой покорности и уступчивости»⁵⁸.

Действительно, именно та прослойка рабочих, которая экономически была связана с крестьянским хозяйством, представляла собой социальную опору мелкобуржуазных партий и тормозила развитие классовой борьбы пролетариата. Большевикам приходилось вести поистине грандиозную работу, чтобы подтянуть эти массы к уровню пролетарского авангарда. О том, что эта деятельность была успешной, свидетельствует неуклонное нарастание политических требований в выступлениях пролетариата пред-

революционных лет. Число политических стачек, направленных против царизма и войны, в общем забастовочном движении неуклонно росло. Так, в Петрограде в период с июля 1914 по июль 1915 г. число политических и экономических стачек соответственно равнялось 59 и 88. Начиная с августа 1915 г. и по август 1916 г. число политических стачек составило 260, а число экономических — 573. А следующие полгода (сентябрь 1916 — февраль 1917 г. по 22 февраля) дали 406 политических стачек и всего лишь 124 экономических⁵⁹. В январе 1917 г. по политическим мотивам в столице бастовало более 80% всех участников стачек⁶⁰. Та же тенденция наблюдалась и в общероссийском масштабе.

Стаечное движение российского пролетариата развивалось под направляющим влиянием большевиков. С особой силой этот факт проявился в октябрьских стачках 1916 г. С этого времени политические выступления рабочего класса определяли весь ход революционного движения в стране⁶¹. Революционизировалась армия, усиливалось аграрное движение в деревне, все активнее втягивались в борьбу угнетенные народы России. Пролетариат шел во главе революционного движения, являлся его гегемоном⁶².

Вместе с тем было бы, конечно, неправильно полностью сбрасывать со счетов деятельность буржуазной оппозиции в канун Февраля. В. И. Ленин, подчеркивая контрреволюционность буржуазных либералов, в то же время писал: «Но если бы из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д.»⁶³.

Критика царского правительства, раздававшаяся в Го-

сударственной думе и в других «представительных организациях» буржуазии, хотели этого сами критиковавшие или нет, способствовала подрыву авторитета самодержавия. Она усиливала антиправительственные настроения в массах, особенно в Петрограде.

Значение конфликтов либеральной буржуазии с царизмом и черносотенной реакцией усилилось с осени 1916 г. в связи с нарастанием революционного подъема. В такой обстановке выступления лидеров думской оппозиции, особенно запрещенные цензурой к опубликованию, приобретали известную популярность и содействовали росту недовольства масс ⁶⁴.

Но либералы не только никогда не были главной силой в борьбе с царизмом, но и вообще не представляли собой силу, находившуюся с ним в антагонистическом противоречии. Это нетрудно доказать. Одной из главных причин усиления их оппозиционности и критики правительства был неуклонный подъем рабочего движения. Как писал В. И. Ленин, боясь реакции, буржуазия и обуржуазившиеся помещики еще больше боялись революции. В многочисленных воспоминаниях оппозиционных думских лидеров, которые так широко используются западными буржуазными историками, имеются десятки свидетельств того, что главные помыслы буржуазно-помещичьих критиков царизма сводились к одному: предотвратить назревавшую народную революцию.

«Мы, — писал националист В. В. Шульгин о Прогрессивном блоке, — хотели стать между улицей и, я бы сказал, между армией, в которой сильнейшее недовольство на «тыл», т. е. на правительство, и властью. . . Наша цель была, чтобы массы оставались спокойными, так как за них говорит Дума». В своих мемуарах Шульгин сравнивал Прогрессивный блок «с той цепью, которая должна была сдерживать революционный папор масс, не давая им прорваться» ⁶⁵.

«Как бы ни относиться к речам, произнесенным тогда с кафедры Государственной думы, — отмечал октябрист Родзянко, — нельзя увидеть там желания свержения власти. . . но указание на необходимость перемен лиц и системы управления, не желание переворота и стремление к тем ужасам, которые являются конечным результатом всякой революции, но лишь сердечную боль и печалование о судьбах России, могучей и еще сильной, но неумело

управляемой. Наши стенографические отчеты доказывают, что я прав»⁶⁶.

Обратимся к свидетельству политического деятеля, стоявшего в Думе левее Родзянко, а именно П. Н. Милюкова. «Эти круги, — писал он о думской оппозиции, — начали с утверждения, что «во время переправы не перепрягают лошадей». Мало-помалу, упираясь и сдерживая более нетерпеливых, они пришли к сознанию необходимости требовать введения общественных элементов в правительство общественного доверия. Неуступчивость власти дала перевес над ними тем течениям в обществе, которые требовали формальной «ответственности» правительства перед народным представительством. Против идеи достигнуть этой цели революционным путем парламентское большинство боролось до самого конца»⁶⁷. Тот же Милюков называл Прогрессивный блок «спасательным поясом тонущей династии», «последним средством спасти монархию»⁶⁸.

А вот признание В. Б. Станкевича, который писал о Керенском и других своих единомышленниках, смыкавшихся с «левым» крылом буржуазной оппозиции: «К возможности народного выступления все относились определенно отрицательно, боясь, что, раз вызванное народное массовое движение может попасть в крайне левые русла, это создаст чрезвычайные трудности в ведении войны»⁶⁹.

Таким образом, различные ответвления оппозиции сходились на одном: предупреждении революционного выступления масс. Разница между буржуазными оппозиционерами была в том, что если их правая группа не выходила в своей деятельности за рамки исключительно парламентской борьбы, то «левое» крыло (группа прогрессистов и «левых» кадетов, возглавляемых Коноваловым, Ефремовым, Некрасовым, Мандельштамом и др.), по словам охраны, считало «необходимым перенести центр тяжести на организацию масс и сближение с левее стоящими политическими группами и более решительную борьбу с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве общественных организаций»⁷⁰. Но и такая позиция отнюдь не означала, что эти «левые» призывали к методам революционной борьбы. Их цель состояла в ином: в попытке овладения массовым движением для того, чтобы тормозить развивающуюся актив-

ность рабочего класса, держать его в «приемлемых» для себя рамках.

«Будем откровенны, — говорил Мандельштам, — в нашей среде есть много таких, кого пугает призрак революции... Но именно эти то страхи и должны были бы диктовать нам тактику, диаметрально противоположную той, какую проводит Милюков. Если мы хотим, чтобы предстоящий народный суд над преступным правительством не принял формы дезорганизации, хаоса, бессмысленного бунта, мы не можем устраняться от народного движения, мы не можем не стремиться играть в нем руководящую роль...»⁷¹ Сказано вполне определенно. Вместе с тем не следует забывать, что «левое» крыло буржуазно-либеральной оппозиции было настолько слабым, что не могло оказать сколько-нибудь существенного влияния на политическую линию буржуазии в целом.

Страх буржуазно-либеральной оппозиции перед революцией, перед массами признавали сами ее лидеры. Правый кадет В. Маклаков в фельетоне «Трагическое положение» нарисовал следующую картину, призванную как-то объяснить и оправдать политику его лагеря. Безумный шофер (правительство) ведет машину в пропасть. В машине — родина-мать и седоки (буржуазия), которые видят смертельную опасность. Они хотят взять управление на себя, но шофер не отдает руля добровольно. Выхватить руль силой? Нет, седоки боятся: это слишком рискованно на крутой, неровной дороге. А шофер видит и понимает нерешительность седоков и лишь смеется над их тревогой: «Не посмеете тронуть!» «Он прав, — заключает Маклаков, — не посмеет тронуть»⁷².

Вместе с тем оппозиционные лидеры не могли не понимать, что «распутинский режим» лишь аккумулирует социальную напряженность. Нужны были перемены «наверху», которые могли бы хотя бы временно и частично ее разрядить. Средства для этого были уже давно опробованы: дворцовый переворот — на этот раз с целью смещения Николая II и замены его «конституционным регентом» или «конституционным монархом» великим князем Михаилом Александровичем.

В книге Дж. Каткова планам этого переворота уделяется очень большое внимание. «Нигде, — пишет Катков, — влияние масонского движения не имело такого важного значения, как в подготовке заговора с целью

положить конец режиму Николая II»⁷³. И хотя заговор не осуществился, деятельность заговорщиков, по Каткову, сыграла огромную роль в крахе царизма. Во-первых, верхи армии «постепенно готовились к возможности отречения царя», а во-вторых, подрывалась верность присяге у офицеров, чем «можно объяснить их исчезновение во время восстания частей петроградского гарнизона...»⁷⁴.

На самом деле подготовка дворцового переворота едва ли вышла за рамки закулисных толков и переговоров⁷⁵. Главной причиной нерешительности оппозиции и в этом случае был страх перед возможностью народной революции⁷⁶. Он парализовывал волю буржуазии, обрекал ее на инертность, бездеятельность, на выклянчивание «уступок».

В. И. Ленин еще осенью 1915 г. в статье «Поражение России и революционный кризис» так определил расстановку классовых сил в стране: «Перед нами ясная позиция монархии и крепостников-помещиков: «не отдать» России либеральной буржуазии; скорее сделка с монархией немецкой. Так же ясна позиция либеральной буржуазии: воспользоваться поражением и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией. Так же ясна позиция революционного пролетариата, стремящегося довести революцию до конца, используя колебания и затруднения правительства и буржуазии»⁷⁷. Накануне Февральской революции это различие основных классовых позиций кристаллизировалось еще более четко.

Таким образом, никакого «единения» нации против царя к началу 1917 г. не существовало. Если революционно-демократический лагерь во главе с пролетариатом, руководимым большевистской партией, боролся за полное уничтожение монархии, то буржуазная оппозиция стремилась спасти царизм, вынудив его на частичные уступки. Пределом ее политических намерений были ликвидация господства «темных сил», устранение режима Николая II — Александры Федоровны и установление монархии «конституционного образца». На этом пути буржуазные оппозиционеры не теряли надежды достигнуть компромисса с правительством.

В новейших зарубежных работах можно отметить все более отчетливое понимание этого факта. Английский историк П. Дьюкс пишет: «...многие члены Думы счита-

ли, что можно будет достигнуть определенного соглашения (с правительством. — *Авт.*) в интересах предотвращения революции»⁷⁸. Перед лицом назревавшей народной революции такая позиция объективно была контрреволюционной⁷⁹.

Выступление пролетариата Петрограда 23 февраля 1917 г. и последовавшие за ним стачки, демонстрации и восстание рабочих и солдат большинство буржуазных историков рассматривают как своего рода анархическое проявление массового недовольства, возникшего преимущественно на почве продовольственных трудностей.

«Февральская революция 1917 г., которая свергла династию Романовых, — утверждает английский историк Э. Карр, — была стихийным взрывом толпы, раздраженной военными лишениями и очевидным неравенством в распределении трудностей»⁸⁰. Буржуазные авторы подчеркивают отсутствие в выступлениях масс политической направленности и руководства. По словам бывшего меньшевика Р. Абрамовича, только «беспорядочные попытки полиции остановить движение придали ему политическое значение». До этого «ни стачки, ни демонстрации в рабочих предместьях (например, в Выборгском районе) не носили политического характера»⁸¹. Д. Уолкин уверяет, что «массовый бунт в феврале не имел ни цели, ни руководства»⁸².

К тезису о бунтарском характере выступлений масс в феврале 1917 г. примыкает иногда встречающееся в работах буржуазных историков утверждение, согласно которому основной силой, совершившей Февральскую революцию, явился не рабочий класс, а солдатские массы, т. е. вчерашние крестьяне. При этом выступление солдат петроградского гарнизона, их переход на сторону революции (впрочем, как и всей армии) представляются некоторым «советологам» неожиданным событием⁸³.

В современной английской и американской исторической литературе можно встретить и признание того факта, что главную силу Февраля составляли народные массы. «Солдаты и рабочие совершили революцию»⁸⁴, — пишет, например, Э. Крэнкшоу. Л. Кочэн также соглашается с тем, что «массовое движение нанесло старому режиму последний смертельный удар»⁸⁵.

Но признания такого рода не сопровождаются отказом от тезиса буржуазной историографии о стихийности

Февраля. Напротив, они даже усиливают этот тезис, поскольку выступления масс, как мы уже знаем, характеризуются этими авторами как анархическое проявление недовольства экономическим положением и войной. «... Когда настал 1917 год, — пишет Д. Трэдголд, — и царский режим пал... он капитулировал не перед революционными или какими-либо другими политическими идеями, воплощенными в различных организациях и институтах, а перед анархией»⁸⁶.

В тесной связи с этим тезисом находится интерпретация истории создания и деятельности Петроградского Совета⁸⁷. Суть ее обычно сводится к тому, чтобы в конечном счете представить Совет «инструментом толпы».

В роли организаторов Советов в работах английских и американских «советологов», как правило, выступают меньшевистско-эсеровские лидеры. «Члены Рабочей группы (ЦВПК. — Авт.), — пишет Л. Шапиро, — действовали с лихорадочной быстротой. Вместе с представителями профсоюзов и кооперативов, а также левых партий Думы они учредили Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов»⁸⁸.

Дж. Катков, который, как мы знаем, занимает особую позицию по многим вопросам истории Февраля, в данном случае полностью солидарен с остальными буржуазными авторами. Просто «не представляется вероятным, — пишет он, — чтобы большевики сыграли какую-либо роль в первой попытке организовать Петроградский Совет. Инициатива выборов и контроль над ними прочно находились в руках меньшевиков, которые были тесно связаны с Рабочей группой Военно-промышленного комитета»⁸⁹. Следует, правда, отметить, что за рубежом в последнее время стали появляться работы, авторы которых признают, что Советы создавались самими массами, а большевики играли в этом процессе определенную роль.

На такой точке зрения стоят, например, Д. Лонгли⁹⁰ и автор ряда статей о Февральской революции Ц. Хасагава, американский историк японского происхождения. По его мнению, лозунг создания Совета был выдвинут «активистами» из «среднего эшелона» левых партийных группировок, в том числе и большевиками⁹¹. Но уже 27 февраля появились два совершенно различных взгляда на роль и значение Советов. Если меньшевики видели

в нем только «центр движения», центр организации масс, в победу которых они еще не очень-то верили, то большевики рассматривали Совет как орган революционной власти.

Однако точка зрения, приписывающая создание Советов меньшевикам и близким к ним группам, все же преобладает. Тот же Хасегава считает, что инициатива создания Петроградского Совета принадлежала «меньшевистским интеллектуалам».

Характеризуя Совет, некоторые буржуазные историки стараются скомпрометировать его деятельность. Дело обычно изображается таким образом, что сама идея Советов, которые, по словам меньшевика Церетели, должны были стать «не органами, конкурирующими с правительством для захвата власти, а центрами сплочения и политического воспитания трудящихся классов»⁹², была извращена массами, хлынувшими в Таврический дворец. «Завоевав» Совет, неорганизованные толпы рабочих и солдат превратили его в некую бесформенную и хаотическую организацию, не способную к какой-либо конструктивной политической работе и без всяких «законных оснований» вмешивающуюся в функции Временного правительства.

А. Улам, к примеру, утверждает, что Совет имел лишь демократический «фасад», за которым скрывались его «бесформенность», «организационная неустойчивость» и «неспособность осуществлять даже те ограниченные задачи управления, которые он ставил перед собой»⁹³.

Вопрос о политической сознательности и организованности народных масс в февральские дни имеет кардинальное значение. К одному из его важнейших аспектов — критике «советологов», отрицающих активное участие партии большевиков в свержении царизма, — мы обратимся далее.

Здесь же отметим, что политические цели, стоящие перед восставшими массами, были сформулированы в Манифесте ЦК РСДРП, выпущенном 27 февраля. «Задача рабочего класса и революционной армии, — говорилось в нем, — создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя».

Временное революционное правительство должно было осуществить конфискацию помещичьих земель и

передать их народу, ввести 8-часовой рабочий день, начать революционную борьбу за демократический мир⁹⁴.

Эти большевистские лозунги отвечали коренным интересам трудящегося населения России. «...Судьбы рабочего движения, — писал В. И. Ленин, — теснейшим образом переплетаются с судьбами русского общественного движения вообще»⁹⁵.

Империалистическая война усилила зависимость царизма и русского капитализма от иностранного капитала, поставила Россию перед угрозой потери самостоятельности и возложила на пролетариат дело спасения страны, ибо господствующие классы привязали себя к колеснице мирового империализма. Война принесла новые, неисчислимые бедствия, и выход из кризиса был только в одном — в движении по пути к социализму под руководством самого революционного класса — пролетариата.

Совершенно несостоятельны попытки некоторых современных буржуазных историков «обосновать» «бунтарский характер» выступления масс в феврале 1917 г. ссылкой на решающую роль в нем частей петроградского гарнизона. Верно, конечно, что присоединение солдат к рабочим стало переломным моментом в ходе восстания. Но инициаторами и главной движущей силой его были рабочие и работницы столицы. До 27 февраля они фактически одни сражались против самодержавия. Именно пролетарии своими героическими действиями «раскачали» солдат. Они не только агитировали их, но и зачастую брали на себя организацию и руководство солдатскими массами.

Факт ведущей и направляющей роли пролетариата в Февральской революции признавали и сами буржуазные деятели. Так, Туган-Барановский писал в первые послереволюционные дни: «...гвардейские полки, которые 27 февраля опрокинули русский трон, пришли без своих офицеров, или если с офицерами, то лишь с небольшой частью их. Во главе этих полков стояли не генералы, а толпы рабочих, которые начали восстание и увлекли за собой солдат... Не армия, а рабочие начали восстание. Не генералы, а солдаты пришли к Думе... Таково социальное происхождение русской революции»⁹⁶. Переход армии на сторону революции совершался отнюдь не неожиданно, как об этом пишут западные авторы. Рост стачечного движения в стране, начавшийся с 1915 г.,

оказал большое влияние на армию. Красноречивое признание революционных настроений в армии содержится в особой сводке, представленной председателю Совета министров в начале 1917 г. Составитель сводки, характеризуя настроение солдат, писал: «Возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как... они (солдаты. — Авт.) все же слишком недовольны всем управлением страны»⁹⁷. Генерал Брусилов свидетельствует, что «к февралю 1917 г. вся армия — на одном фронте больше, на другом меньше — была подготовлена к революции»⁹⁸.

Решающую роль в этой подготовке сыграли большевики. В середине 1916 г. департамент полиции признал, что «издаваемые Петроградским комитетом Российской социал-демократической партии революционные воззвания получили весьма широкое распространение за пределами Петрограда и в значительном количестве попадают в действующую армию и флот»⁹⁹. Большевики были единственной партией, которая «всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года» подготовила армию к участию в революции¹⁰⁰. Особенно усиленно эта агитация велась в петроградском гарнизоне, в составе которого находились десятки тысяч вчерашних рабочих.

Противоречит фактам и подхваченная современными буржуазными авторами меньшевистская версия создания Совета.

Выборы в Совет на петроградских заводах и фабриках проходили в то время, когда лидеры Рабочей группы ЦВПК еще находились в тюрьме, а «руководящие социалисты» Думы и кооперативные деятели либо отсиживались дома, либо занимались словопрениями по «продовольственному вопросу». «...В феврале 1917 года, — писал В. И. Ленин, — массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни была партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту форму пролетарской власти»¹⁰¹. Подтверждение этим ленинским словам можно найти в самых различных источниках. По свидетельству большевика Н. Свешникова, вечером 25 февраля на заседании Выборгского районного комитета отмечалось, что «по заводам есть стремление выбирать представителей в Со-

вет рабочих депутатов, выборы которых райком старается взять в свои руки»¹⁰². Можно сослаться и на меньшевика Суханова, который также писал, что «в пятницу же вечером (24 февраля. — Авт.) в городе говорилось, что на заводах происходят выборы в Совет рабочих депутатов»¹⁰³.

Активную роль в пропаганде создания Советов и их практической организации играли большевики. Провокатор, осведомивший охранку о заседании Русского бюро ЦК 25 февраля, сообщал, что на нем был «поднят вопрос о создании Совета рабочих депутатов» и что его «предполагают создать в ближайшем будущем». «Избрание в Совет рабочих депутатов, — сообщал он далее, — произойдет на заводах, вероятно, завтра утром, и завтра к вечеру Совет раб. деп. уже может начать свои функции»¹⁰⁴. И действительно, в листовке, выпущенной Бюро ЦК, говорилось: «Для победы нам нужна организованность. Нам нужен руководящий центр движения. Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организующую роль в движении, который создаст Временное революционное правительство»¹⁰⁵.

Несостоятельна и попытка отказать массам в праве на самостоятельное правотворчество. Спору нет, с точки зрения привычной для буржуазных политиков парламентской процедуры Совет и его заседания выглядели необычно. Вместо людей во фраках, чинно восседавших в мягких креслах, здесь стояли, сидели, сгрудившись вокруг выступавших ораторов, рабочие в ватниках и поддевах, солдаты в серых шинелях с винтовками на плечах. И не случайно французский министр-социалист Альбер Тома, побывавший в Петрограде и увидевший обстановку, в которой происходила работа Совета, воскликнул: «Теперь я лучше начинаю понимать Коммуну!»¹⁰⁶

Некоторая организационная рыхлость Совета первого периода революции была естественной и неизбежной. Но главным в Совете была не его форма, а содержание. А Петроградский Совет, по словам В. И. Ленина, вначале был «действительно народным представительством»¹⁰⁷. «Незаконный» (с точки зрения буржуазных историков) Совет творил революцию, а «законное» и за-

седавшее по всем правилам парламентских кабинетов Временное правительство существовало лишь постольку, поскольку с этим соглашался Совет. Это признал не кто иной, как Гучков, который писал, что Временное правительство осуществляет свою деятельность лишь с разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, в руках которого концентрируется реальная власть¹⁰⁸. В последнее время это начинают признавать также многие буржуазные авторы¹⁰⁹.

В дальнейшем, под влиянием соглашательских лидеров, Совет, выражавший вначале волю революционного народа, стал все больше превращаться в придаток буржуазных органов власти. Улучшалась и налаживалась процедура его деятельности, но постепенно выхолащивалось главное: революционный дух.

Таким образом, утверждение о бунтарском, лишенном определенных политических тенденций рабочем движении в ходе Февральской революции не имеет оснований. Главной движущей силой Февральской революции был пролетариат, прошедший школу классовых боев 1905—1907 гг., школу тяжелой борьбы в период столыпинской реакции, в годы первой мировой войны.

Если в оценке действий пролетариата и его союзников в ходе Февральской революции буржуазные историки в общем проявляют негативное единодушие, то иначе обстоит дело с характеристикой позиции буржуазии и IV Государственной думы. Особенно это относится к последним по времени издания работам.

Было время, когда в английской и американской историографии прочно господствовал тезис, согласно которому Февральскую революцию совершили либералы во главе с Думой. Этот тезис западные авторы заимствовали у кадетов (в частности, у Милюкова), которые, придя к власти после свержения царизма, не прочь были заявить, что и «они пахали». Но так продолжалось недолго. Великая Октябрьская революция сорвала все маски, обнажила подлинную суть политических партий. Уже в 20-х годах ни одна белоэмигрантская группировка не желала брать на себя «ответственность» за «падение царизма». Напротив, каждая из них всемерно отрещивалась от этой «ответственности», возлагая «вину» на другого. Монархисты упорно клеймили либералов (кадетов), а они в свою очередь божились в том, что нико-

гда не хотели революции, что именно монархисты «довели» страну до «революционной катастрофы». «Дискуссии» проходили при переполненных залах и иногда заканчивались рукопашной.

К 30-м годам легенда о руководящей роли Думы в Февральской революции заметно поколебалась. Правда, и позднее с тезисом о ведущей роли либеральной буржуазии и Государственной думы полностью не было покончено. «Единственным учреждением, способным осуществлять руководство (революцией. — *Авт.*), была Государственная дума», — утверждают, например, Браудер и Керенский в 3-томной публикации «Временное правительство России, 1917», вышедшей в 1961 г.¹¹⁰ А. Мэндел также пишет, что «либеральное меньшинство оказалось в состоянии свергнуть самодержавие в феврале 1917 г., используя недовольство масс»¹¹¹. Сходные заявления можно найти и в других работах.

Тем не менее большинство современных зарубежных буржуазных специалистов по истории СССР не разделяет этого мнения. В книгах и статьях, вышедших в Англии и США к 50-летию революции 1917 г., уже преобладала точка зрения, согласно которой во время революции либеральные круги проявляли инертность, неуверенность, нежелание предпринимать решительные шаги. Л. Шапиро на конференции в Гарварде категорически заявил: «Дума умерла... с началом революции, которую она не готовила и которой фактически не желала»¹¹².

Такого рода высказывания вносят определенный диссонанс в трактовку Февральской революции как «единодушной», но не означают все же решительного и полного отказа от нее. Дело в том, что признание нерешительной и фактически антинародной политики либеральной оппозиции и Государственной думы сочетается в работах «советологов» с прочно укоренившимся тезисом, в соответствии с которым царизм уже накануне своего крушения оказался полностью изолированным. Так, упоминавшийся А. Мэндел утверждает, что к концу 1916 г. «двор был фактически изолирован от всего образованного общества, от всей влиятельной элиты в военных, торговых, политических и даже правительственных кругах...»¹¹³.

Бывший меньшевик С. Пушкарев высказывается еще категоричнее. «Зимой 1916/17 г., — пишет он, — политическая атмосфера, особенно в Петрограде, становилась

особенно напряженной. На одной стороне стояло царское правительство, изолированное, слабое, подозреваемое или даже презируемое, на другой стороне — интеллигенция, рабочие и запасные солдаты...»¹¹⁴

При таком подходе не удивительно, что грани между *«совершенно различными потоками, совершенно разнородными классовыми интересами, совершенно противоположными политическими и социальными стремлениями»*¹¹⁵, существовавшими в русском обществе в период Февральской революции, в значительной мере стираются. Но достоверен ли тезис об изоляции царизма? Анализ фактов показывает, что если и можно говорить об изоляции власти в канун Февральской революции, то речь должна идти не об изоляции царизма как государственно-политической системы, а об изоляции ее высших представителей, прежде всего в лице Николая II и императрицы Александры Федоровны. Нетрудно понять, что это далеко не одно и то же. Царизм действительно оказался изолированным по отношению к революционному лагерю, по отношению же к либерально-буржуазному лагерю изолированными были последние «царствующие особы» (даже не династия Романовых), с которыми связывали упорное нежелание пойти на некоторые «конституционные» уступки¹¹⁶. Такая расстановка сил в полной мере выявилась в ходе февральского переворота. Первая реакция буржуазных политиков на «беспорядки», начавшиеся в Петрограде, мало чем отличалась от реакции правительства: они, говоря словами Суханова, готовы были «выдать» революцию царизму. На улицах Петрограда уже лилась кровь борцов с самодержавием, а представители «цензовых кругов», считавшие, что «беспорядки» вызваны нехваткой хлеба, лихорадочно обсуждали «продовольственный вопрос», надеясь путем его решения успокоить массы. Но уже скоро выяснилось, что все это, говоря словами Милюкова, «безнадежно запоздало и направлено не туда, куда нужно. Оставалось прибегнуть к войскам, к подавлению силой»¹¹⁷.

Генерал-квартирмейстер царской Ставки А. Лукомский пишет в своих воспоминаниях, что 26 февраля «председатель Гос. думы М. В. Родзянко прислал очень тревожную телеграмму, что войска переходят на сторону рабочих и черни, что положение крайне серьезное и что необходима присылка в Петроград надежных частей»¹¹⁸.

Следует сказать, что в тревожных сообщениях, которые Родзянко посылал в Ставку, прямых просьб о присылке войск не было. Тем не менее Лукомский не фальсифицирует содержание родзянковских посланий. Как справедливо отметил эмигрантский историк Февральской революции С. Мельгунов, из первых телеграмм Родзянко царю логически следовало, что «дело шло в данный момент не столько о перемене в составе министерства, сколько о необходимости ликвидировать анархический бунт»¹¹⁹. На частном совещании членов Думы днем 27 февраля вносились предложения о введении военной диктатуры. Основная цель, которую ставил перед собой Временный комитет Государственной думы, была сформулирована в его первом воззвании. В нем говорилось, что комитет «нашел себя вынужденным» взять в свои руки «восстановление государственного и общественного порядка»¹²⁰. Этот «порядок» члены комитета первоначально намеревались «восстановить», действуя совместно с еще сохранившимися царскими властями. Гучков метался от Хабалова к его помощнику Занкевичу в надежде получить какие-либо части для подавления восстания в столице¹²¹.

Сохранился документ Временного комитета, попавший в делопроизводство Военной комиссии Петроградского Совета. Это так называемое «Приказание № 33» от 1 марта 1917 г. с пометкой: «Не подлежит оглашению». «Приказание» было отдано по запасному батальону лейб-гвардейского Преображенского полка; оно требовало «выслать дозоры», которым вменялось в обязанность разгонять «различные сборища на улицах»¹²².

Однако уже вскоре стало ясно, что без тяжелейших, не поддающихся учету внешнеполитических и внутриполитических последствий повести широкую вооруженную борьбу с революцией не удастся. Наступил момент, о котором писал Ленин: «Когда революция уже началась, тогда ее «признают» и либералы и другие враги ее, признают часто для того, чтобы обмануть и предать ее»¹²³.

Буржуазные либералы совершили поворот¹²⁴. В своем развитии он прошел несколько стадий: последовательно выдвигались требования «министерства доверия», «ответственного министерства», отречения Николая II в пользу наследника Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича и, наконец, признания по-

следнего новым императором. Но все это в конечном счете имело одну цель: остановить развитие революционного движения и любой ценой сохранить монархию. Даже тогда, когда утром 3 марта Михаил отказался «воспринять прародительский престол», его отказ по подсказке кадетских юристов был сформулирован таким образом, чтобы оставить хотя бы минимальный шанс на восстановление монархии.

Официально, по свидетельству В. Б. Станкевича, буржуазные лидеры «торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя бантами и ходили под красными знаменами... Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа и «наша» свобода. Но в душе, в разговорах наедине ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем... Говорят, представители Прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния...»¹²⁵

В последнее время некоторые зарубежные историки предприняли попытку найти новый, «сбалансированный» подход к пониманию роли буржуазных либералов в Февральской революции и их отношения к народным выступлениям. Некоторые характерные черты такого подхода можно проследить, например, в работах Хасегавы. С одной стороны, он подчеркивает, что думские лидеры сыграли важную, если не главную роль в свержении царизма. В его изображении именно они оказали политическое давление на генералов царской Ставки и склонили их на сторону революции (генералы же «некритически» воспринимали их информацию). Отсюда Хасегава делает вывод, что «наиболее решающим фактором в гибели монархии было не народное восстание, а маневрирование думского комитета и слепая поддержка его политики высшим командованием». Вместе с тем, с другой стороны, Хасегава согласен, что «без учета общего кризиса, созданного народным восстанием и вездесущим присутствием радикализованных масс», политика буржуазной оппозиции не может быть правильно понята¹²⁶. В другой своей статье, посвященной попытке некоторых великих князей и Родзянко 1 марта подготовить манифест о «даровании конституционного образа правления», Хасегава критикует советского историка Э. Н. Бурджалова за

якобы недооценку роли думской оппозиции в отречении царя. По мнению Хасегавы, объяснять отречение лишь победой революционных масс является упрощением¹²⁷.

В позиции Хасегавы заложены некоторые существенные элементы, развитые японским историком Февраля Х. Вада в более определенную точку зрения. В обширной статье «Русская Февральская революция 1917 г.» он пишет: «Я рассматриваю русскую революцию исходя из того, что это была «сложная революция», состоявшая из нескольких различных, автономных революций. В соответствии с таким подходом Февральская революция, несомненно, являлась «революцией пролетариата и солдат». Тем не менее она была также и революцией буржуазии»¹²⁸. Нетрудно видеть, что указанные авторы безуспешно стремятся эклектически «состыковать» белоэмигрантскую версию о конструктивной роли буржуазной оппозиции в свержении царизма с концепцией, рассматривающей это свержение как результат народной революции, возглавляемой пролетариатом. Но в этом лишь наглядно проявляется неспособность понять оригинальную историческую ситуацию, сложившуюся в ходе Февраля, когда, по характеристике В. И. Ленина (повторим ее еще раз), слились *«совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления»*¹²⁹. «Пролетариат, — подчеркивал В. И. Ленин, — делал революцию, требуя *мира, хлеба и свободы*, не имея ничего общего с империалистской буржуазией...»¹³⁰

Характеризуя Февральскую революцию как «единодушную», «советологи» утверждают, что в ее развитии существовал некий «медовый месяц», а начало классовых столкновений между трудящимися и пришедшей к власти буржуазией относят приблизительно к середине апреля. Во всяком случае большинство авторов связывает конец «медового месяца» революции 1917 г. с возвращением в Россию В. И. Ленина.

«Дату, когда революционное единство закончилось, — пишет Р. Дэниэлс, — легко определить — это было 3 апреля, день, когда Ленин прибыл на Финляндский вокзал после своего незабываемого путешествия в поезде из Швейцарии через Германию в так называемом *пломбированном вагоне*»¹³¹.

В результате подобного рода интерпретаций развитие революционного движения в 1917 г. от первого его этапа (буржуазно-демократического) ко второму (социалистическому) буржуазные историки объясняют преимущественно субъективными, волюнтаристскими причинами, причем затушевывается то обстоятельство, что классовая борьба развернулась уже в ходе самих февральских событий и непосредственно после них.

Конечно, по сравнению с предфевральским периодом и с самими февральскими событиями, когда классовые конфликты особенно обострились, дойдя до вооруженного восстания, сразу после свержения царизма произошел определенный спад в революционном движении, несколько ослабили его накал и острота. Иначе и не могло быть: силы революции достигли главного рубежа, к которому они стремились, поднявшись на борьбу с царизмом. Сыграли свою роль и недостаточные политическая сознательность и организованность широчайших масс народа, которые были использованы соглашательскими партиями, призывавшими к сотрудничеству с буржуазией. И тем не менее классовые интересы революционных масс и буржуазии разошлись и пришли в столкновение в ходе самой Февральской революции. «Первое же соглашение первого «Временного комитета» Государственной думы и Совета, — писал В. И. Ленин, — означало уже *конец* слияния классов и начало классовой борьбы»¹³².

26 февраля один из сотрудников охранки доносил: «Усугубляет положение то, что буржуазные круги тоже требуют смены правительства, т. е. правительство остается без поддержки от кого-либо, но в данном случае есть и отрадное явление: буржуазные круги требуют только смены правительства и стоят на точке зрения продолжения войны до победного конца, а рабочие выдвигают лозунги: «хлеба, долой правительство, долой войну». Этот последний пункт вносит разлад между пролетариатом и буржуазией. И только в силу этого они друг друга не желают поддерживать. Эта рознь взглядов является тем хорошим для правительства обстоятельством, которое дробит силы и распыляет начинания отдельных кругов»¹³³.

Противоречия между восставшими рабочими и солдатами, с одной стороны, и буржуазией — с другой, обострялись по мере развития событий. Они достигли высо-

кого накала после того, как сформировавшаяся буржуазная власть предприняла попытку ввести революцию в приемлемые для нее рамки, установить в Петрограде «порядок» и «дисциплину», вернуть солдат в казармы. В советской исторической науке показано, что сразу же после первой волны революции, направленной против царизма, поднялась ее вторая волна, направленная уже против Временного комитета Государственной думы и буржуазной власти, за утверждение власти революционного народа. Она выражала тенденцию к перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую¹³⁴.

Выступая на совещании меньшевистской и трудовой фракций Государственной думы 1 марта, М. Скобелев говорил, что Россия находится «накануне второй, настоящей революции». «Вот это — правда, — отмечал В. И. Ленин в третьем из «Писем из далека», — из которой забыли сделать практические выводы Скобелев и Чхеидзе. Я не могу судить отсюда, из моего проклятого далека, насколько близка эта вторая революция. Скобелеву там, на месте, виднее»¹³⁵. И далее Ленин писал: «Я подчеркиваю лишь подтверждение «сторонним свидетелем», т. е. не принадлежащим к нашей партии Скобелевым, того *фактического* вывода, к которому я пришел в первом письме, именно: февральско-мартовская революция была лишь *первым этапом* революции. Россия переживает своеобразный исторический момент *перехода* к следующему этапу революции, или, по выражению Скобелева, ко «второй революции»»¹³⁶.

С помощью лидеров меньшевиков и эсеров буржуазии удалось удержаться у власти и на время ослабить напор второй революционной волны, но успокоить штормовое революционное море ей не удалось. Классовый мир не наступил. Революционное движение в стране продолжалось, но в связи с резким изменением политической обстановки и соотношения классовых сил оно приняло новые формы.

Перевес сил оказался на стороне масс. Буржуазия держалась у власти только благодаря соглашательской политике эсеро-меньшевистского руководства Советов. Применять насилие она не могла, ей приходилось маневрировать, подчас отступать, выжидая «подходящий момент» для установления своего единовластия. В таких ус-

ловиях в марте — начале апреля борьба рабочего класса приобрела новый характер. Число стачек по сравнению с предшествующим периодом сократилось. По имеющимся данным фабричной и горной инспекций, в 9 губерниях страны в марте произошли 152 политические и экономические забастовки, в которых участвовало 114 306 человек, в апреле — 41 забастовка с 12 392 участниками¹³⁷. Это, конечно, немного. Но во-первых, следует учесть, что эти данные далеко не полны, а во-вторых (и это главное), политическая мощь пролетариата в послефевральский период была столь велика, что позволяла ему добиваться удовлетворения своих требований и без забастовок. Рабочие столицы явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, добивались увеличения заработной платы, удаляли старую администрацию, создавали фабзавкомы, которые все активнее вмешивались во все стороны деятельности завода или фабрики, в ряде мест устанавливая рабочий контроль; то же происходило и в провинциальных промышленных центрах. «Рабочие, — пишет И. И. Минц, — объявляли теперь стачку обычно лишь после того, как фабзавкомам и Советам не удавалось добиться от капиталистов удовлетворения своих требований. Поэтому о размахе рабочего движения с марта 1917 г. нельзя судить по числу стачек и забастовок»¹³⁸.

Стремясь ослабить революционный напор пролетариата, капиталисты старались ввести практику примирительных учреждений, обманывали рабочих обещанием широких государственных реформ. Уже с марта 1917 г. они стали применять замаскированные локауты.

Как показывают исследования советских историков, несостоятельной является также концепция, согласно которой после Февральской революции в течение месяца крестьянство «молчало», спокойно ожидая решения Учредительного собрания о земле, и лишь в апреле стало приходить в движение. Концепция эта базировалась главным образом на обзоре аграрного движения в стране, сделанном председателем Временного правительства Г. Е. Львовым на основании материалов Управления по делам милиции министерства внутренних дел. Но это явно тенденциозный документ, имевший своей целью взвалить вину за аграрные «беспорядки» на большевиков. По далеко не полным данным, в марте крестьянскими волнениями было охвачено 47 уездов европейской части

России и 2 — азиатской¹³⁹. Крестьяне громили помещичьи имения и кулацкие хутора, захватывали землю и инвентарь, конфисковывали хлебные излишки, лишали помещиков наемной рабочей силы, боролись за понижение арендной платы и т. д.

Помещики засыпали правительственные органы просьбами о помощи, которые не оставались без ответа. Для того чтобы погасить пожар, разгоравшийся в деревнях и селах, предпринимались различные меры: объявлялось о скором решении аграрного вопроса Учредительным собранием, создавались примирительные комиссии, была проведена передача кабинетских и удельных земель в казну, образовывались земельные комитеты для подготовки будущей земельной реформы, а в отдельных (пока в отдельных!) случаях посылались карательные отряды¹⁴⁰.

Не произошло «умиротворения» и в армии. Участие солдат в революции и знаменитый Приказ № 1 развязали бурную инициативу рабочих и крестьян в серых шинелях, начавших коренную ломку устоев старой армии. На всех фронтах и в тыловых гарнизонах шел процесс создания комитетов, вступавших в частые конфликты с командованием¹⁴¹. Как свидетельствуют документы, в марте отмечалось немало случаев неповиновения офицерам, арестов офицеров и генералов, братания с противником. С крушением царизма армия, как и вся страна, стала ареной острых классовых конфликтов¹⁴².

На окраинах России развертывалось национально-освободительное движение, в котором все явственнее сталкивались два течения: буржуазно-националистическое и революционно-демократическое.

Таким образом, в истории революционных событий 1917 г. в России не существовало никакого «медового месяца», никакой эры «всеобщей любви», как об этом пишут английские и американские авторы. Революция, победив в главных центрах, распространялась по стране. Рабочие и солдаты, сокрушив царский режим, сразу же вступили в острый классовый конфликт с властью буржуазии. Продолжение и развитие этого конфликта закончилось полной победой рабочего класса и беднейшего крестьянства в октябре 1917 г.

Рассмотрев проблему движущих сил Февральской ре-

волюции в трактовке буржуазных историков, мы можем отметить, что она остается нерешенной.

Пытаясь отойти от откровенно тенденциозной кадетско-меньшевистской концепции, «советологи» оказались неспособными сформулировать иную, сколько-нибудь определенную точку зрения. Некоторые из них в процессе «поисков» оказались в плену эмигрантских концепций монархического образца (Катков и др.); что же касается большинства, то оно, в сущности говоря, увязло в эклектических построениях, пытаясь «сбалансировать» либеральные, меньшевистские и троцкистские интерпретации. Но в этом и состоит основная причина неспособности современной буржуазной историографии объяснить природу Февраля 1917 г., раскрыть его «загадку». Только марксистско-ленинская методология, ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократических революциях дают исторически верный ответ на вопрос о движущих силах Февральской революции. И только этот ответ дает исследователю ключ к пониманию развития дальнейших событий, завершившихся победой социалистической революции.

И СНОВА ВЕРСИЯ О «РЕВОЛЮЦИИ БЕЗ БОЛЬШЕВИКОВ»

Мы уже отмечали, что одним из центральных тезисов буржуазной историографии является утверждение о стихийности Февральской революции. Еще М. Флоринский в книге «Конец русской монархии» (1931 г.) сравнил ее с обвалом снежной лавины в горах, подчеркнув, что как нельзя определить первый ком снега, который вызвал эту лавину, так невозможно выяснить и первопричину Февраля. В соответствии с таким подходом обычно отрицается причастность революционных организаций (прежде всего большевистских) к выступлению масс в феврале 1917 г.: «лавина» пошла сама. Тем не менее необходимо отметить, что и в данном вопросе (как и в вопросе о движущих силах Февраля) «советология», как уже отмечалось, проделала известную эволюцию: от полного и упорного отрицания участия большевистской партии в Февральской революции некоторые авторы в последние годы перешли к признанию ограниченного вклада

большевиков в свержение царизма. В качестве примера можно сослаться на Р. Голдстона¹⁴³.

Постепенно проблема руководства выступлениями масс в ходе Февральской революции стала подвергаться пересмотру все активнее. Ц. Хасегава в статье «Проблема власти в Февральской революции 1917 г.» отметил, что он «не согласен с теми, кто считает (как, например, У. Чемберлин), что восстание (в феврале 1917 г. — *Авт.*) является «полностью стихийным». Но, отказавшись от этой точки зрения, Хасегава, конечно, не принял и марксистско-ленинскую концепцию. В духе новейшей «советологии» он попытался и здесь найти «сбалансированный подход». Таковой он, по-видимому, увидел в писаниях Троцкого, который отрицал руководящую роль большевиков в Февральской революции как партии, но признавал определенный вклад в подготовку свержения царизма «рядовых членов партии», выходцев из «низов», из «рабочих масс». Троцкий, таким образом, искусственно делил партию на «верхи», «элику» и «рядовую массу», по существу противопоставляя их друг другу. «В ходе Февральского восстания, — пишет Хасегава, — имелись определенные группы людей, которые предпринимали сознательные усилия к тому, чтобы трансформировать местное восстание в революцию против существовавшего режима. Мы можем назвать этих людей «субэлитой» в отличие от «верхов» партии, с одной стороны, и рядовой массы — с другой». По словам Хасегавы, «субэлита» осуществляла руководство на улицах, «радикализировала» движение, но ей не хватало широкой политической оценки событий и их перспективы¹⁴⁴.

Такая точка зрения получила в современной «советологии» определенное распространение. Так, англичанин П. Дьюкс в книге «История России» пишет о Февральской революции: «Радикальные рабочие, многие из которых уже бастовали, были сердцевинкой движения...»¹⁴⁵

Тем не менее было бы неверным считать, что прежний «подход», базирующийся на кадетско-меньшевистских положениях, сдан в архив. Несмотря на работы Хасегавы и некоторых других, он является пока преобладающим в обширной «советологической» литературе. В опубликованном недавно в Лондоне сборнике документов по истории русской революции составители нашли необходимым вновь подчеркнуть, что «великий взрыв» Февраля

1917 г. «явился неожиданным для всех», в том числе для В. И. Ленина и большевиков¹⁴⁶.

Нетрудно видеть, что эта традиционная трактовка тесно увязана с общей буржуазной концепцией трех революций в России: в конечном счете она призвана подкрепить антикоммунистическую версию, согласно которой Октябрьская революция была переворотом, совершенным группой «экстремистов», появившейся на политической арене в качестве реальной силы уже после свержения самодержавия, т. е. всего лишь за 7—8 месяцев до захвата власти. Л. Шапиро, например, пишет, что большевиков, установивших свой «контроль» над бывшей российской империей в октябре 1917 г., еще в начале этого года «по численности и влиянию» можно было почти не принимать в расчет¹⁴⁷. То же повторяет и Т. фон Лауэ: «Парадоксально, но большевики стали эффективной политической силой только после падения самодержавия»¹⁴⁸. При этом следует подчеркнуть, что в данном вопросе «советологи» долгое время пытались занимать, так сказать, наступательные позиции, критикуя советских авторов за показ авангардной роли большевиков в событиях Февраля 1917 г. «Критику» такого рода можно встретить в работах Б. Пэрса, М. Флоринского, Э. Тэйлора, В. Войтинского, Дж. Каткова и др. Но если зарубежные авторы отвергают выводы советской историографии, то на чем же основывается их отрицание руководящего участия большевистской партии в Февральской революции, ее вклад в свержение царизма?

Прежде всего буржуазные авторы стремятся максимально принизить политическую роль большевистской партии в период, предшествовавший Февральской революции: после первой русской революции и в годы мировой войны.

Американский историк Л. Хэймсон пишет, что картина состояния партии большевиков до начала первой мировой войны, которую обычно рисуют работы, выходящие на Западе, «весьма мрачна». В качестве типичного примера Хэймсон ссылается на книгу упоминавшегося Л. Шапиро «Коммунистическая партия Советского Союза», можно сказать настольную книгу антикоммунистов и антисоветчиков. В ней утверждается, что к лету 1914 г. большевистская партия оказалась в состоянии «полити-

ческого паралича», что она потеряла «популярность среди рабочих» и т. д. «По существу, — констатирует Хэймсон, — подобно другим западным историкам, Шапиро считает, что к июлю 1914 г. большевистской партии был вынесен смертный приговор и, если бы не война, она прекратила бы свое существование»¹⁴⁹.

Не менее мрачную картину рисуют «советологи» и для первых военных лет. Суть их характеристики, относящейся к этому времени, вкратце сводится к следующему: несмотря на некоторые разрозненные попытки вести пропаганду в массах путем распространения «незначительного числа листовок», сколько-нибудь заметного успеха большевики добиться не смогли. Дж. Катков, повторяя «выводы» своих предшественников, пишет, что те большевистские организации, которые все же сохранились в военные годы, по существу не оказывали никакого влияния на «ситуацию в промышленных центрах»¹⁵⁰.

Антиисторичность и политическая тенденциозность этой картины очевидна. Факты свидетельствуют, что, несмотря на поражение революции 1905—1907 гг. и некоторый спад революционного движения, выразившийся в сокращении числа рабочих забастовок и крестьянских выступлений, в стране продолжал сохраняться революционный кризис, поскольку коренные потребности общественного развития не были удовлетворены, задачи буржуазно-демократической революции остались неразрешенными.

Советские историки, основываясь на огромном конкретном материале, показали, что «в условиях столыпинской реакции партия отступила в порядке», что «большевики сохранили преемственность, верность решениям партии, ее программным, тактическим и организационным принципам» и что «вопреки ликвидаторам, добивавшимся уничтожения нелегальной партии, большевики сохранили ее основные, наиболее сознательные и устойчивые кадры, связь с массами»¹⁵¹.

Так было в самые тяжелые годы столыпинщины, но с 1910 г., когда в стране началось оживление революционного движения, а затем и новый революционный подъем, сила и влияние большевистских организаций стали неуклонно возрастать. К лету 1914 г. большевики завоевали большинство в профсоюзах обеих столиц, под их влиянием находились рабочие клубы и культурно-

просветительные общества Петербурга, Москвы, Риги, Баку и многих других промышленных городов, они имели преобладающее влияние в больничных кассах. Успешную работу партия вела среди полупролетарских слоев города, среди крестьянства и интеллигенции, спланировав их на широкой демократической основе¹⁵². Во время избирательной кампании в IV Государственную думу из девяти депутатских мест по рабочей курии шесть, как известно, получили большевики¹⁵³. К 1914 г., т. е. к началу войны, большевики объединяли $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих, за большевистской партией и ее ЦК в 1912—1914 гг. шло подавляющее большинство пролетариата России¹⁵⁴.

Свое поражение в борьбе за массы в этот период признавали и меньшевистские лидеры. В этой связи следует упомянуть хотя бы о письмах А. И. Потресова и Ю. О. Мартова, относящихся к 1908—1913 гг. Отрывки из этих писем привел Л. Хэймсон в статье «Проблемы социальной устойчивости в городской России 1905—1907 гг.». Мартов писал в сентябре 1913 г., что поражение, понесенное меньшевиками на выборах в союз металлистов, ясно показало, что меньшевизм «остается слабым кружком»¹⁵⁵. Анализ переписки Мартова с Потресовым и некоторых других документов эпохи привел Хэймсона к выводу, что к началу войны влияние большевиков стало «проникать во многие уголки жизни рабочего класса»¹⁵⁶.

Следует отметить, что в последнее время в зарубежной историографии и другие авторы стали предпринимать попытки выйти из круга шаблонных тезисов, резко отрицательно характеризующих состояние и деятельность большевистских организаций в годы войны. Вслед за Хэймсоном они констатируют факт большевистского влияния на массы накануне Февральской революции. Однако рост большевизма они объясняют «не прочностью его организации», не «успехами в идеологической пропаганде», а «стихийной склонностью рабочих к мятежу».

Буржуазные авторы, пишущие о столыпинском «процветании», уверяют, что главным образом вероятность войны давала большевизму «единственный шанс». При этом в качестве доказательства обычно цитируются слова В. И. Ленина из письма к М. Горькому в январе 1913 г.: «Война Австрии с Россией была бы очень полез-

ной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»¹⁵⁷.

Это старый и давно известный прием, когда при цитировании игнорируются особенности документа и когда выхваченная из текста цитата приводится без всякой связи с общей характеристикой взглядов Ленина на войну и революцию. В. И. Ленин предвидел, что империалистическая война со всеми ее ужасами и тяготами неминуемо усилила бы классовую борьбу в воюющих странах и, следовательно, объективно способствовала бы развитию революционного движения. Именно в этом смысле и нужно понимать его слова из письма к М. Горькому. Суть дела, однако, состоит в том, что до начала войны В. И. Ленин и большевики считали необходимым делать и действительно делали все возможное, чтобы не допустить ее. Известно, что лозунг «Долой войну!» был ленинским, большевистским лозунгом, выдвинутым еще до мировой войны¹⁵⁸. Польскому журналисту Майкосену, обратившемуся к Ленину с вопросом, жаждет ли он (Ленин) военного столкновения между европейскими странами в интересах революции, Ленин ответил: «Нет, я не хочу его... Я делаю все и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания.

Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше — это одно. Хотеть войны и работать для нее — это нечто совершенно иное»¹⁵⁹.

В период первой мировой войны на большевистские организации в России обрушились жесточайшие репрессии и преследования. Но партия продолжала жить и бороться в предвидении грядущих революционных боев. В ноябре 1914 г. В. И. Ленин писал: «...работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем!»¹⁶⁰

В военные годы большевистские организации разновременно существовали более чем в 200 городах России¹⁶¹. Руководство ими осуществлялось Заграничным бюро ЦК во главе с В. И. Лениным. С некоторыми пере-

рывами вследствие арестов в Петрограде работало Русское бюро ЦК.

Основным видом партийной работы в военные годы, естественно, была агитация и пропаганда, направленная на мобилизацию масс к предстоящим революционным схваткам с царизмом. Она осуществлялась главным образом посредством выпуска и распространения листовок и прокламаций. С конца июля 1914 по 1 марта 1917 г. большевистскими организациями было издано более 600 листовок. Их общий тираж превышал 2 млн. экземпляров; только в Петрограде с конца июля 1914 по февраль 1917 г. большевики распространили почти 0,5 млн. листовок революционного содержания¹⁶². Листовки большевиков содержали открытый призыв к активной борьбе против империалистической войны, свержению самодержавия и созданию Временного революционного правительства.

Партия, однако, не ограничивала свою деятельность распространением листовок. Преодолевая огромные трудности, большевики сумели выпустить в годы войны ряд нелегальных и легальных газет и журналов.

По-прежнему, как и в довоенные годы, использовались малейшие возможности для работы в легальных организациях: в уцелевших профсоюзах, кооперативах, культурно-просветительных и страховых учреждениях.

Прочное влияние большевиков на рабочие массы выявилося, в частности, в период выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов. На собраниях выборщиков Петрограда, состоявшихся 27 сентября 1915 г., за резолюцию большевиков голосовало 95 выборщиков, а за резолюцию меньшевиков — 81. Блок оборонцев потерпел поражение.

Большевистские организации продолжали функционировать и в армии. Так, на Северном фронте и кораблях Балтийского флота в военные годы существовало 80 партийных ячеек¹⁶³, на Западном — более 30. Энергично работали большевики и в ряде тыловых гарнизонов.

В отличие от меньшевиков и эсеров, которые в годы войны разбились на множество течений и группировок, большевики к концу 1916 — началу 1917 г. сохранили свою организацию во всероссийском масштабе¹⁶⁴.

Кропотливая, самоотверженная работа большевиков

не прошла бесследно. Она во многом подготовила те массовые выступления рабочих и солдат в феврале 1917 г., которые в буржуазной историографии рассматриваются как чисто стихийные. Как известно, В. И. Ленин дал высокую оценку деятельности партии в период войны. В «Нескольких тезисах», помещенных в 47-м номере «Социал-демократа», он писал: «Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях»¹⁶⁵.

Зарубежная литература о Ленине включает в себя немало книг и статей самого различного характера. Наряду с правдивыми работами прогрессивных историков там вышло (особенно к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина) немало книг политически тенденциозных, грубо искажающих образ и деятельность В. И. Ленина.

Не касаясь этой литературы в целом, остановимся только на том, что относится к жизни и деятельности В. И. Ленина в период его швейцарской эмиграции. Возьмем, к примеру, последнюю по времени выхода книгу — «Запломбированный вагон», написанную М. Пирсоном и вышедшую одновременно в США и Англии в 1975 г. Он (как и многие другие авторы) рисует примерно следующую картину: Ленин якобы почти всеми покинут, изолирован и оторван от России. Его деятельность в основном сводится к участию в «конфликтах» между различными эмигрантскими группировками и внутри швейцарского социалистического движения¹⁶⁶.

Что общего имеет это с кипучей, пламенной ленинской энергией, с его огромной и всеобъемлющей по своим масштабам работой?

Обратимся к фактам. «Затем — годы войны, — пишет Н. К. Крупская в своих воспоминаниях. — Работа развернулась в международном масштабе и опять-таки потребовала громадной организационной работы по подготовке Циммервальдской и Кинтальской конференций, тесно увязывалась русская работа с международной борьбой пролетариата»¹⁶⁷. Находясь в Швейцарии в труднейших условиях, Ленин с неослабевающей энергией вел работу по сплочению большевистских организаций и

групп за границей¹⁶⁸. С не меньшей настойчивостью Ленин вел борьбу за объединение всех интернационалистских сил в международном рабочем движении.

Призывая большевиков крепить связи с передовым зарубежным пролетариатом, борющимся с оппортунизмом, В. И. Ленин подчеркивал: «Это — международная задача. Лежит она на нас, больше некому. Отступать от нее нельзя»¹⁶⁹. Деятельность В. И. Ленина в Швейцарии являла собой подлинный пример интернационализма.

Поистине грандиозным был и теоретический вклад Ленина, внесенный им в развитие марксизма в эти годы. За период войны, до Февральской революции, В. И. Ленин опубликовал свыше ста работ. В этих произведениях он развил и всесторонне научно обосновал учение об империализме, теорию пролетарской революции, учение о возможности победы социалистической революции первоначально в нескольких или одной, отдельной взятой стране, положения о разнообразии форм перехода к социализму, о значении борьбы за демократию в условиях империализма, учение по национально-колониальному вопросу и др. Идеи Ленина, обобщавшие опыт русского и мирового революционного движения, были положены в основу революционной деятельности большевистских и всех подлинно интернационалистских сил.

Буржуазные авторы, как уже отмечалось, стремятся доказать, будто Ленин в эти годы был изолирован от родины, а его имя было «неизвестным и едва ли вспоминаемым в России».

Конечно, война значительно затруднила поддержание регулярной связи между Лениным и большевистскими организациями в России. Но многочисленные документальные материалы (архивные и опубликованные) убедительно свидетельствуют о том, что, несмотря на огромные трудности, связи эти существовали на протяжении всей войны вплоть до возвращения В. И. Ленина на родину 3 апреля 1917 г.¹⁷⁰

Из цюрихской адресной книги РСДРП, относящейся к периоду войны, видно, что переписка Ленина с Россией в разное время велась не менее чем по 40 адресам¹⁷¹. Факт связей русских большевиков с заграницей, с Лениным был зафиксирован и царской охранкой. В докладной записке начальника Петроградского охранного отделения, составленной в августе 1916 г., говорится: «...ин-

тенсивности и успешности работы Петербургского комитета в значительной степени способствовало Бюро Центрального Комитета РСДРП, сформировавшееся в Петрограде; при посредстве последнего шла транспортировка нелегальной литературы из-за границы и получались, хотя и с большим опозданием, руководящие указания от находящихся за границей лидеров большевизма»¹⁷².

Наиболее ярко эти связи характеризуют получение большевистскими организациями в России важнейших работ Ленина и написанных им партийных документов. Возьмем хотя бы центральный орган партии — газету «Социал-демократ», который стал доставляться в Россию с весны 1915 г. Как следует из сообщений самой газеты, кроме Петрограда и Москвы ее получали большевики Украины, Поволжья, Кавказа, Прибалтики, Сибири¹⁷³. В России получали «Сборник «Социал-демократа»», «Коммунист» и другие нелегально выходившие за границей большевистские издания. В письме В. И. Ленину, отправленном из Петрограда 2 декабря 1916 г., А. Шляпников сообщал: «Все издания ЦК здесь имеются уже с сентября...»¹⁷⁴ Летом 1915 г. Н. К. Крупская писала В. М. Каспарову, что «Социал-демократ» аккуратно получают в Петрограде, а затем рассылают в другие города. Н. К. Крупская сообщала также, что связь с Россией поддерживается регулярно.

Разработанные Лениным тактические установки и провозглашенные им лозунги лежали в основе деятельности большевиков и в годы войны и в канун Февральской революции и после ее победы. В ноябре 1916 г. А. И. Елизарова писала Ленину в Швейцарию, что Русское бюро ЦК «выражает солидарность с линией ЦО, занятой со времени войны»¹⁷⁵. Воспринятые большевиками ленинские идеи находили свое отражение в большевистских листовках и прокламациях, распространенных по всей России, становились достоянием широких трудящихся масс.

Связь Ленина с Россией была отнюдь не односторонней. Несмотря на отдельные перерывы, вызванные трудностями войны и нелегальной работы, Ленин на протяжении военных лет получал обширную информацию о положении дел в России. Об этом говорят прежде всего письма Ленина, в которых он неоднократно подтверждает получение по различным каналам тех или иных

сообщений о «русских делах»¹⁷⁶. 19 февраля 1917 г., т. е. за несколько дней до революции, Ленин пишет И. Ф. Арманд: «Дорогой друг! Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник»¹⁷⁷.

Другим доказательством осведомленности Ленина о событиях, происходивших в России, может служить «Социал-демократ». За время войны вышло 36 номеров газеты, и все они широко освещали положение в России. Иногда «русского материала» было так много, что целые номера газеты посвящались исключительно России.

Изобразив Ленина совершенно оторванным от России, буржуазные историки утверждают, что он потерял веру в возможность близкой революции. Этот вымысел «документируется»... ссылкой на самого Ленина.

Известно, что 9(22) января 1917 г. В. И. Ленин выступил в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи с докладом о революции 1905 г. Из текста этого доклада обычно выдергивается фраза, произнесенная Лениным в заключительной части выступления: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»¹⁷⁸.

«Доказательство» представляется буржуазным авторам настолько весомым, что, пожалуй, ни одна из книг о 1917 г., вышедшая за рубежом, не обходится без приведения этой ленинской цитаты. Составитель сборника «Свидетельства очевидцев о русской революции» Р. Петтибридж избрал их даже в качестве эпиграфа ко второй главе книги, охватывающей период с 1907 по март 1917 г., изменив их в нужном для себя смысле. Эпиграф звучит так: «Я не надеюсь увидеть революции. Ленин»¹⁷⁹. «Подобно всем другим русским революционерам в России и за границей, — уверяет Р. Дэниэлс, — Ленин был потрясен полной неожиданностью событий Февраля 1917 г. ...»¹⁸⁰

Можно привести не одно ленинское высказывание, свидетельствующее о том, что в период первой мировой войны на основе глубокого анализа сложившегося положения он предвидел неизбежность близкой революции в России. Например, в опубликованной в январе 1916 г. статье «Оппортунизм и крах II Интернационала» он ука-

зывал, что «на почве кризиса, вызванного войной, растет революционное брожение в массах, растут стачки и политические демонстрации в России, стачки в Италии и Англии, голодные и политические демонстрации в Германии. Разве это не начало революционных массовых выступлений?»¹⁸¹ Н. К. Крупская вспоминала, что в последние месяцы 1916 и первые месяцы 1917 г. Ленин «был глубоко уверен в том, что надвигается революция»¹⁸². В декабре 1916 г. Ленин прямо говорил о том, что «революция *растет* во всех странах...»¹⁸³ Ту же мысль он подчеркивал в статье «Поворот в мировой политике» и других работах.

Из письма к И. Ф. Арманд, написанного уже после получения первых сообщений о революции в России, явствует, что эти сообщения отнюдь не были неожиданными для Ленина. «Что Россия была последние дни *накануне* революции, — пишет он, — это несомненно»¹⁸⁴.

Предвидя неизбежность революции в России, Ленин заранее готовил к ней партию. 30 марта 1917 г. в письме Я. С. Ганецкому Ленин, предлагая немедленно переиздать свои «Несколько тезисов», напечатанные в 47-м номере «Социал-демократа» в октябре 1915 г., писал: «Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за 1½ года до революции».

Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией»¹⁸⁵.

Но предвидение революции, вера в ее неизбежное наступление отнюдь не означали возможности и необходимости определения точной даты ее начала. Попытки такого рода Ленин всегда считал абсурдными. «Мы не можем знать, — писал он, — с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»¹⁸⁶. В статье «Крах II Интернационала», указывая, что революционная ситуация в большинстве стран Европы созрела, Ленин писал: «Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого. Это покажет только *опыт* развития

революционных настроений и перехода к революционным действиям передового класса, пролетариата»¹⁸⁷.

В то же время Ленин неоднократно указывал, что в пролетарских массах таится огромный запас революционной энергии, которая при наличии определенных условий может «освободиться», произведя «социальный взрыв» огромной силы. Именно в «Докладе о революции 1905 года» Ленин особенно подробно развил эту мысль. Напомнив слушателям о том, что «за два дня до Кровавого воскресенья» либералы писали, что «в России еще нет революционного народа», Ленин сказал: «Это говорит о том, что в революционную эпоху, — я утверждаю это без всякого преувеличения, на основании самых точных данных русской истории, — пролетариат *может* развить энергию борьбы *во сто раз* большую, чем в обычное спокойное время. Это говорит о том, что человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!»¹⁸⁸ И Ленин делал поистине пророческий вывод: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией»¹⁸⁹. Это было сказано 9 января 1917 г., примерно за шесть недель до Февральской революции в России.

Об этом ленинском выводе буржуазные авторы не говорят ни слова. Произвольно выхватывая из текста «Доклада о революции 1905 года» цитату, они игнорируют то обстоятельство, что в заключительной части своего доклада Ленин говорил не о грядущей русской, а о грядущей европейской революции. Не «замечают» они и того, что ленинский доклад был обращен к молодежи и потому Ленину важно было подчеркнуть мысль об ее ответственности за судьбу будущей революции. Отсюда и ленинские слова о «стариках», верящих в то, что молодежь будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции.

Необходимо отметить, что искаженное толкование ленинских положений в последнее время становится все более частым в буржуазной историографии. И это имеет свое объяснение. Ссылки на труды В. И. Ленина призваны придать работам западных «специалистов» по истории СССР видимость «объективности» и особой убедительности.

тельности. Одновременно с помощью произвольной интерпретации цитат из Сочинений Ленина буржуазные историки, как мы видели, не только пытаются отлучать от Февральской революции самого Ленина, но и приписать ему отрицание вклада большевистской партии в свержение царизма. Они уверяют также, что первая оценка Февральской революции В. И. Лениным была совершенно неверной, ошибочной, даже «фантастической».

Ссылаясь на 1-е «Письмо из далека», многие «советологи» утверждают, что Ленин якобы считал, будто Февральская революция представляет собой не столько массовое выступление рабочих и солдат, сколько результат заговора английского и французского посольств, действовавших вместе с русскими либеральными кругами¹⁹⁰. Но каждый, кто читал 1-е «Письмо из далека», знает, что подобные утверждения в корне расходятся с тем, что действительно писал В. И. Ленин. По ленинской характеристике, налицо был, с одной стороны, «заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны*», а с другой — «глубокое пролетарское и массовое народное... движение революционного характера *за хлеб, за мир, за настоящую свободу*». «Революционные рабочие, — писал В. И. Ленин, — разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К⁰ *за смену* одного монарха *другим монархом* и тоже предпочтительно Романовым!»¹⁹¹

Дальше всех по пути искажения ленинской оценки Февраля пошел, пожалуй, Р. Абрамович, который пишет: «Ленин поставил интриги британского посла Бьюкенена на первое место среди непосредственных причин революции... Но у него нет никакого упоминания о его собственных партийных группах в Петрограде»¹⁹². И Абрамович дает сноску на 296-ю страницу 23-го тома 4-го издания Сочинений В. И. Ленина.

Действительно, на указанной Абрамовичем странице (1-е «Письмо из далека») Ленин не пишет о роли большевистской партии в подготовке и проведении Февраль-

ской революции. Но ведь уже во 2-м «Письме из далёка», написанном буквально через день после первого, В. И. Ленин писал: «Считаться с социал-демократической партией Центрального Комитета принудило Керенского и Чхендзе влияние ее на пролетариат, на массы. Наша партия оказалась с массами, с революционным пролетариатом, *несмотря* на арест и высылку в Сибирь еще в 1914 году наших депутатов, *несмотря* на отчаянные преследования и аресты, которым подвергался Петербургский комитет за свою нелегальную работу во время войны *против* войны и против царизма.

«Факты — упрямые вещи», говорит английская поговорка... Факт руководства или по крайней мере беззаветной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии *должен* был признать «сам» английский гучковец»*. Это черным по белому напечатано на 305-й странице того же 23-го тома 4-го издания¹⁹³.

Несмотря на эмиграцию и огромные трудности в поддержании контактов с большевистскими организациями в России, В. И. Ленин в течение всего периода войны продолжал руководить партией. Всегда скромный в оценке своей деятельности, он писал в «Приветствии съезду итальянской социалистической партии» в октябре 1916 г.: «Наша партия находится в неизмеримо более трудных условиях, чем итальянская. Вся наша печать задушена. Но и из эмиграции нам удалось помочь борьбе наших товарищей в России»¹⁹⁴.

Остановимся теперь на «советологической» трактовке позиции большевиков непосредственно во время февральских событий 1917 г. и той роли, которую они играли в этих событиях. Уже из сказанного следует, что в изложении английских и американских историков эта роль фактически сводится на нет. Действительно, что могла сделать в решающие дни и часы борьбы с царизмом партия, которая в предшествующие этим дням годы будто бы исчезла со сцены и для которой революция явилась полной неожиданностью?

Многие буржуазные историки склонны идти еще дальше, утверждая, что в февральские дни большевист-

* В. И. Ленин критически использовал в этой работе сообщения о Февральской революции корреспондента «Таймс» в Петрограде Р. Вильтона, которого он называет «английским гучковцем».

ское руководство даже выступало против развертывания массового революционного движения. «Хотя многие большевики, — пишет, например, Л. Шапиро, — принимали активное участие в забастовках и демонстрациях, большевистские лидеры явно не предвидели, во что они выльются и к чему приведут. Оказавшись перед лицом развернувшихся событий, они даже предприняли некоторые попытки сдержать стихийный импульс своих более крайних последователей...»¹⁹⁵

Составители 3-томной публикации «Временное правительство России, 1917. Документы» Браудер и Керенский во введении к первой части 1-го тома также категорически утверждают: «Большевистские представители настаивали на том, что восстание безнадежно, обречено на неудачу и приведет к репрессиям и глубокой реакции»¹⁹⁶.

Это утверждение Браудер и Керенский (впрочем, как и многие другие авторы) «обосновывают» воспоминаниями эсера В. Зензинова. Зензинов описывает встречу «представителей некоторых политических и общественных организаций», состоявшуюся на квартире у Керенского в ночь на 26 февраля. Он уверяет, что «позиция большевиков на этом собрании была поразительной и для большинства присутствующих неправдоподобной и невероятной». Кто же выразил эту «поразительную и невероятную» позицию большевиков? Оказывается, их «представитель» И. Юренев. В качестве такового Юренев фигурирует в работах Л. Кочэна, Дж. Каткова и у ряда других авторов.

Но в феврале 1917 г. Юренев, как он и сам признает, не был большевиком, а тем более представителем или руководителем большевистской организации Петрограда. Он представлял «межрайонку», организацию, «фигурирующую вроде третьего партийного тела — наряду с большевиками и меньшевиками»¹⁹⁷. Как известно, небольшая по численности группа межрайонцев была принята в большевистскую партию только на VI съезде (июль 1917 г.)¹⁹⁸.

На совещаниях с представителями других партий большевики занимали позицию, ничего общего не имеющую с той, которую приписывают им Зензинов, а заодно с ним и современные «советологи». На одном из таких совещаний представители Русского бюро ЦК заявили:

«Наша партия решительно не согласна обманывать рабочих надеждами на Государственную думу и ее прогрессивный блок. Мы будем выступать, как и раньше, с разоблачением политики Государственной думы в противовес единению с ней и борьбе через нее, будем призывать к немедленной борьбе с царизмом путем политической стачки, уличных демонстраций, будем вовлекать в нашу борьбу солдатские массы и всю прочую «демократию Питера»»¹⁹⁹.

По мере нарастания событий совещания «представителей общественных организаций» вообще теряли для большевиков всякий смысл и значение. И когда 25 февраля было получено сообщение, что на квартире у Н. Д. Соколова предполагается еще одно такое совещание, то было решено, что время переговоров уже прошло, что настала пора призывать к демонстрациям, стачкам и вооруженной борьбе.

В конце февраля перед пролетарскими массами Петрограда было два пути, две тактики.

Одна из них — тактика оборонцев, которые, стремясь подчинить пролетарское движение интересам буржуазии, призывали рабочих поддержать своими выступлениями Государственную думу.

Другая тактика — большевистская, тактика уличных выступлений рабочих, тактика вооруженной борьбы с царизмом, независимо от Думы и вопреки ее требованиям создания правительства «спасения страны». Оборонцы звали рабочих к Таврическому дворцу, к Думе, чтобы поддержать ее требования; большевики — в центр города, на Невский, с оружием в руках. Их тактика была единственно и последовательно революционной. Будучи сильнейшей подпольной политической партией, большевики в борьбе двух тактик — соглашательской и революционной — одержали победу.

В распоряжении советских историков имеются многочисленные документы, со всей наглядностью подтверждающие активное участие большевиков в февральских событиях. Вот некоторые из них. Уже вечером 23 февраля, когда в городе начались стачки и демонстрации, состоялось заседание Выборгского райкома большевиков с представителями ПК и Русского бюро ЦК. На нем было принято решение о расширении начавшейся забастовки, о проведении демонстрации на Невском проспек-

те, об усилении агитации среди солдат и приобретении оружия.

24 февраля Русское бюро ЦК постановило развивать движение, с тем чтобы перевести его во всеобщую политическую стачку.

25 февраля на заседании Русского бюро ЦК была написана листовка, призывавшая к немедленной открытой борьбе. На другой день, 26 февраля, Петербургский комитет большевиков призвал солдат поддержать выступление рабочих, а вечером на заседании, происходившем на станции Удельная, большевики — члены Выборгского райкома, ПК и Русского бюро ЦК приняли решение о переводе стачки в вооруженное восстание.

27 февраля был обнародован Манифест ЦК «Ко всем гражданам», призывавший к созданию Временного революционного правительства, которое должно было провозгласить республику, ввести 8-часовой рабочий день, передать землю народу, созвать Учредительное собрание и начать революционную борьбу за демократический мир. Таким образом, большевистская партия была первой партией, опубликовавшей еще до окончательной победы революции свою платформу, революционные лозунги и конкретные предложения по дальнейшему развитию революции²⁰⁰.

Мы рассмотрели в сущности все основные «доводы», которыми оперируют английские и американские авторы, фактически «отлучая» большевиков от Февраля. «Доводы» эти, как можно было видеть, состоят из недоказанных, но весьма категорических утверждений, вырванных из контекста и тенденциозно интерпретируемых цитат, часто преднамеренных, а иногда непреднамеренных искажений фактов и т. п.

Мы показали, что советская историография за прошедшие годы накопила обширный и разнообразный документальный материал, раскрывающий деятельность большевистских организаций в период первой мировой войны, накануне и в ходе Февральской революции²⁰¹.

Однако зарубежные исследователи и мемуаристы, настаивая на стихийном характере Февральской революции, не только игнорируют установленные факты, но нередко критикуют советских историков за «попытки... прославить роль своей партии в низвержении монар-

хий»²⁰². При этом некоторые буржуазные авторы вольно или невольно повторяют «полицейскую концепцию» революции. По этой концепции, революция является результатом деятельности активного меньшинства, «заговорщиков», стремящихся захватить власть. Такие события, конечно, бывают в истории, но в действительности представляют собой вооруженные перевороты, осуществленные, как правило, против воли народа. С точки зрения марксизма-ленинизма такие перевороты ничего общего с подлинными революциями не имеют.

Современные «советологи», как мы видим, пытаются отрицать активную роль большевистской партии в Февральской революции для того, чтобы изобразить ее «стихийным взрывом массового недовольства», а затем противопоставить Октябрьской революции, которая была якобы «тщательно спланированным переворотом, мастерски осуществленным группой решительных революционеров»*.

Однако это противопоставление не выдерживает критики хотя бы потому, что в данном случае противопоставляются неадекватные по содержанию понятия: революция и вооруженное восстание, являющееся высшей точкой, т. е. частью, революции. Как не могли большевики «вызвать» Февральскую буржуазно-демократическую революцию, так не могли они только по своей воле «организовать» социалистическую революцию. «Мы в своей стране, — говорил В. И. Ленин, — где пережили две революции, знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать. Можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент, по какому поводу, сказать нельзя»²⁰³. Именно так, беззаветно и последовательно партия большевиков вела «трудную и длительную борьбу за внесение в стихийное движение масс сознательности и организованности, за осуществление своей руководящей роли в революционной борьбе»²⁰⁴. И когда в феврале 1917 г. разразилась революционная буря, большевики были с народными массами и во главе их. Они показали себя бесстрашными ру-

* Критику этой концепции см. в главе IV.

ководителями революционных боев, решивших судьбу царизма.

В развернувшемся летом и особенно осенью 1917 г. революционном движении трудящихся масс социалистические тенденции зрели и нарастали объективно, независимо от желаний политических деятелей и партий. Большевики, руководя массами, вносили организованность и политическую сознательность в революционную армию, направляя ее к единой цели: свержению диктатуры буржуазии и установлению власти Советов. Эта цель в силу ряда обстоятельств была достигнута в результате вооруженного восстания, которое большевистская партия действительно заранее готовила и организовывала. Таким образом, противопоставление Февральской революции Октябрьской по принципу: первая — стихийная, вторая — «спланированная» и «организованная» — исторически неправомерно и научно несостоятельно. Подлинная проблема состоит в ином: в определении соотношения стихийности и организованности в обеих революциях. Организованность и сознательность масс в период Октября были, конечно, намного выше, чем во время февральских событий. И причины этого очевидны: за 8 месяцев классовой борьбы трудящиеся прошли большую школу политической борьбы, позиции различных классов и партий стали им ясны, соглашательство полностью разоблачило себя, авторитет и опыт большевистской партии неизмеримо выросли, во главе революции стоял гениальный политический стратег В. И. Ленин.

Когда 60 лет тому назад победила Февральская революция, буржуазная печать в России объявила ее «чуждом». Но и теперь, как тогда, буржуазные историки проявляют полную неспособность объяснить это, по словам Дж. Кеннана, «одно из наиболее удивительных, наименее предвиденных и до сих пор наименее понятых политических изменений в истории». Для них, как мы уже отмечали, Февральская революция по-прежнему остается «загадкой». И в этом, собственно говоря, нет никакой загадки: исходные позиции «советологического» понимания истории России вообще и истории России начала XX в. в частности далеки от науки, строгого научного анализа.

Только марксизм-ленинизм дает научную, объектив-

ную интерпретацию Февраля 1917 г. В соответствии с ней крушение царского режима под натиском революционных сил, возглавляемых большевистской партией, было неизбежным, несмотря ни на какие попытки господствующего класса «модернизировать» прогнивший строй.

«Советологи», усиленно ищущие «мирную» альтернативу Февральской революции, в то же время «благоклонны» к ней постольку, поскольку она содержала в себе буржуазно-демократическое начало. Но пролетарско-демократические, социалистические тенденции, заложенные в Феврале и ставшие основой для перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую, вызывают у «советологов» иное отношение: в их изображении Февраль 1917 г. становится «потерянной», «утраченной» революцией.

Но Февральская революция всем своим существом была устремлена вперед, к Великому Октябрю. Ее завоевания были продолжены и развиты Октябрем, ибо демократия и социализм неразделимы²⁰⁵.

IV

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ, БОЛЬШЕВИКИ И «СОВЕТОЛОГИЯ»

История Великой Октябрьской социалистической революции — одна из центральных, если не центральная тема «советологии». В этом факте находит отражение неоспоримое воздействие (в том числе и в идеологической сфере) Великого Октября на все мировое развитие. «Если о демократических революциях XVIII века можно сказать, что они оказали глубокое влияние на территории от Атлантики до Урала, — писал в 1970 г. английский историк П. Дьюкс, — то влияние пролетарской революции XX века ощущалось в более широком, даже мировом масштабе»¹. «1917 год был решающим в истории России и современного мира», — констатировал американский историк Р. Макнил.

В этой связи показательны некоторые оценки буржуазными идеологами марксистско-ленинского учения, получившего практическое воплощение в социалистической революции в России, других странах, а также новой общественно-экономической системы, возникшей в результате победы Великого Октября. По словам профессора Бременского университета Г. И. Штайнберга, марксизм «оказал наиболее сильное влияние на последнее столетие европейской истории и тем завоевал первостепенное место в мировой истории»². «Коммунистическая система необычайно жизненна»³, — подчеркнул видный английский социолог Дж. Рекс.

Громадное значение Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества, ставит перед буржуазными исследователями задачу соответствующей оценки главного исторического события XX столетия. Имеются и иные причины роста за рубежом числа работ об Октябре.

«В современную эпоху, — отмечалось в предисловии к американскому сборнику статей, посвященному причинам революционного движения в России, — вопрос о том, можно ли было избежать революции (Октябрьской. — Авт.), — далеко не академический вопрос». В перспективе нынешнего международного положения он имеет «весьма реальное практическое значение», в особенности для «слаборазвитых стран Латинской Америки, Африки и Азии», которые, так же как и Россия до 1917 г., стремятся к «модернизации». В связи с этим авторы подчеркивали практическую важность изучения «опыта русских»: задача, по их словам, заключается в том, чтобы убедить народы и лидеров развивающихся стран отказаться от повторения «экстравагантного и дорогостоящего» русского эксперимента⁴. Как видим, социальный заказ поставлен перед буржуазной историографией достаточно четко.

Вопрос о том, почему же история «русской демократии», а говоря более конкретно, российского либерализма (кадеты) и «умеренного» социализма (эсеры и меньшевики) оказалась столь кратковременной, почему «демократический» Февраль сменился «тоталитарным» Октябрем, для буржуазных авторов является еще более «мучительным», чем вопрос о том, как и почему рухнуло царское самодержавие. И это понятно: решение «октябрьской проблемы» имеет самое непосредственное отношение к современности. Если прогрессивные силы во всем мире видят в опыте Великого Октября проверенный историей путь к миру, демократии и социализму, то в задачу антикоммунизма входит негативный «анализ» этого опыта в целях его научной, а главным образом политической компрометации.

За шесть десятилетий «советологи» предложили немало вариантов различных трактовок проблемы поворота событий от буржуазно-демократического Февраля к пролетарскому Октябрю и победе Великого Октября. Эти варианты (конечно, условно) можно объединить в две группы. К первой следует отнести те из них, суть которых в общем сводится к утверждению, что Октябрьская революция была якобы переворотом, навязанным «экстремистским» меньшинством, и, самое главное, победила «случайно», в результате ошибок, просчетов побежденных, благоприятного стечения обстоятельств для по-

бедителей и т. д. Во вторую группу можно включить те трактовки, которые в целом не приемлют концепции «случайности» и, не расходясь с ней в оценке Октября как «антидемократического» переворота, тем не менее считают его исторически обусловленным. Нетрудно видеть, что точка зрения первых уходит своими корнями преимущественно в «оптимистическую» трактовку, тогда как точка зрения вторых больше связана с концепцией «пессимистов» *.

КОНЦЕПЦИЯ «СЛУЧАЙНОСТИ»

Победа Октября застала врасплох буржуазную историографию. Число специалистов по России за рубежом было ничтожно, их квалификация крайне низка. Потребности в соответствующей исторической продукции удовлетворялись в первую очередь за счет потока эмигрантской литературы: воспоминаний, книг, статей Керенского, Родзянко, Сазонова, Милюкова и им подобных, т. е. писаний самых разношерстных и разнокалиберных деятелей контрреволюции вплоть до «дневников Вырубовой» и мемуаров одного из убийц Распутина — Ф. Юсупова.

Непонимание характера радикальных перемен, происходящих в России, недостаток квалифицированных кадров, общее плохое знание истории России, ее общественной мысли и массовых движений объясняют банальность и примитивность первых трудов буржуазных историографов. Классовое неприятие социалистической революции проявилось в открыто эмоциональных формах. Профессор Принстонского университета Дж. Биллингтон в работе «Шесть точек зрения на Октябрьскую революцию» отмечает эту характерную реакцию буржуазных историков, их склонность «рассматривать революцию как случайное вмешательство разрушительной стихии», неспособность «видеть в революции какой-либо глубокий смысл», их «растерянность, переходящую в чувство патетического сожаления», стремление «искать ответы на недоуменные вопросы» в случайных деталях, наконец, веру в то, что «случившегося можно было как-то избежать»⁵.

Подобная «патетико-эмоциональная» позиция, как

* См. об этом главу III.

уже отмечалось, была свойственна прежде всего эмигрантской литературе. В этих работах Октябрьская революция представлялась как стихийное явление, порожденное фатальным стечением обстоятельств, как катастрофа. Выдвинув концепцию «случайности Октября», эмигрантские историографы так и остановились на этом уровне. В 1958 г. М. Карпович писал о «внезапности» падения династии Романовых, с гибелью которой наступил «хаос», ибо у русского народа не было ни «достаточного опыта в самоуправлении», ни «достаточного политического воспитания»⁶. Д. Вернадский объяснял причину победы большевиков тем, что члены Временного правительства были слишком мягкими людьми — «ни у кого из них не хватало воли и решимости подавить врагов порядка»⁷.

И в 1965 г. Керенский продолжал слезно жаловаться на всех и вся, помешавших ему сохранить в России «демократию». Даже английский журнал «Times Literary Supplement» в рецензии на воспоминания Керенского («Россия и поворотный пункт истории») не выдержал: «...не наводят ли все эти «удары в спину» на мысль о том, что парламентарная демократия (речь идет о режиме Временного правительства. — Авт.) не имела шансов выжить в социальном и политическом климате России?» Р. Уорс отметил «удручающее непонимание обстоятельств, приведших большевиков к власти», характерное для книги Керенского. «Историческая перспектива несколько не рассеяла слепоту Керенского», — заключал он⁸. Показательно, что Дж. Кип подчеркнул в своей рецензии, что эти мемуары вряд ли будут способствовать «восстановлению репутации Керенского»⁹.

Между тем уже в первые годы после Октября за рубежом закладывались основы прогрессивной историографии, дававшей достоверную картину этого великого исторического события. В США, например, вышла одна из лучших книг об Октябрьской революции — книга Д. Рида «10 дней, которые потрясли мир», работы видного деятеля американского и международного коммунистического и рабочего движения У. Фостера, прогрессивных публицистов А. Р. Вильямса и Л. Стеффенса, в Германии — книга К. Цеткин «Роза Люксембург и русская революция», во Франции — работы М. Кашена и Ж. Садуля, в Италии — А. Грамши и П. Тольятти и др.

В 1921 г. У. Фостер опубликовал основанную на личных наблюдениях книгу «Русская революция». В этой интересной работе У. Фостер дает характеристику социальной сущности Октябрьской революции. «Произошло то, — писал он, — что угнетенные массы рабочих и крестьян поднялись против своих хозяев, свергли их и разрушили весь политический и промышленный строй старого режима. Они взяли в свои руки контроль над землей, отраслями промышленности и государства, используя их в своих собственных интересах, не платя никаких даней любым эксплуататорам. Мир никогда не видел такого глубокого социального переворота»¹⁰. Говоря о международном значении Великой Октябрьской социалистической революции, У. Фостер писал: «Труды Ленина, дополненные практическим опытом Октябрьской революции, были решающим фактором в деле создания теоретических основ Коммунистической партии Соединенных Штатов... Марксизм-ленинизм, творчески примененный в особых условиях различных стран, имеет универсальное значение, и в отношении международной применимости марксизма-ленинизма Соединенные Штаты ни в коей мере не являются исключением»¹¹.

Таким образом, уже в те годы в западных странах появился ряд марксистских исследований Октябрьской революции. Этим тогда немногочисленным трудам был противопоставлен объединенный фронт буржуазной и ревизионистской историографии, черпавшей свои концепции главным образом из кадетско-меньшевистского источника.

Характерно, что в уже упоминавшемся сборнике документов «Временное правительство России, 1917» под редакцией Р. Браудера и А. Керенского прямо утверждалось, что Великий Октябрь — это «заговор», совершенный «незначительным меньшинством»¹². Данный тезис получил широкое развитие в буржуазной и ревизионистской литературе. Р. Абрамович в книге «Советская революция 1917—1939» утверждает об «исключительно военном характере восстания, вошедшего в историю под названием «Великая пролетарская социалистическая Октябрьская революция»»¹³.

Концепция «случайности» Великой Октябрьской социалистической революции строилась буржуазными историками на подчеркивании специфики «чисто русского»,

«особого» характера исторического пути развития СССР. В трактовке буржуазных историков Октябрьская революция — явление-де «локальное» и «специфическое». Более того, даже в применении к России она — «случайный эпизод», «незакономерное явление», происшедшее вопреки всей логике исторического развития в результате «игры случая» и действий «революционных фанатиков». Прошли годы, но инерция политической заданности была такова, что явно несостоятельная, давно опровергнутая и жизнью и наукой концепция «случайности» Октября отнюдь не сдана в архив. Ее в различных модификациях можно встретить на страницах книг и статей, выходящих из-под пера западных авторов.

Один из наиболее наглядных примеров — статьи и монография профессора Вермонтского университета Р. Дэниэлса «Красный Октябрь», в которых тезис о том, что приход большевиков к власти явился результатом серии случайностей, возведен в абсолют, доведен, так сказать, до предела. «Это была, — пишет он, — победа частично благодаря отсутствию сопротивления, частично благодаря счастливому стечению обстоятельств, на которые никто не мог рассчитывать». Октябрьская революция, утверждает Дэниэлс, вообще не имела бы места, если бы не одна «историческая случайность» — посылка правительством Керенского утром 24 октября 1917 г. войск для разгрома типографии, в которой печаталась большевистская газета «Рабочий путь». «Контрдействие Керенского... было решающим событием». Его неудача показала бессилие правительства. В результате «к удивлению (!) обеих сторон... Петроград ввиду отсутствия сопротивления оказался в руках большевиков». По логике Дэниэлса, случай поставил большевиков у власти и помог им сохранить ее «в течение последующих головокружительных дней. Возникновение и сохранение большевистского режима в этот ранний период почти что историческое чудо»¹⁴.

Рассчитывая как-то подкрепить «концепцию случайности» Октябрьской революции, Р. Дэниэлс пытался опереться на соответствующую философию истории. «Существуют критические моменты в истории наций, — пишет он, — когда перед ними имеются две или несколько различных альтернатив и когда случайность политики, слова участника переговоров или направление нескольких

выстрелов могут решить судьбу поколений». По мнению Дэниэлса, именно серия таких непредвиденных событий сбила Россию с обычного пути «современных» (т. е. буржуазных. — Авт.) революций и «открыла дверь перед коммунистическим феноменом двадцатого столетия»¹⁵. Опираясь на типичные методологические установки идеализма, он игнорирует коренные объективные условия и причины исторического процесса, скользит по поверхности явлений. Характерно, что, оценивая книгу Р. Дэниэлса, английский рецензент саркастически заметил, что если Октябрьская революция была просто-напросто результатом случая, неожиданным событием, которое никто не мог предвидеть, то историку здесь нечего объяснять. «Но при такой гипотезе революция не «потрясла бы мир», а последнее допускает и сам г-н Дэниэлс»¹⁶.

Идея «случайности» развивается и в других трудах. «Большевики вовсе не захватывали власть в этот год революции, — заявил, например, А. Улам. — Они просто ее подобрали» (правда, он тут же пишет о великих достижениях большевистской партии в 1917 г. и о политическом гении В. И. Ленина)¹⁷. Крайнюю позицию занял американский историк Дж. Лукас. Октябрьская революция, писал он в статье «День, который потряс мир», — это вовсе «не революция и, возможно, даже не государственный переворот». Дело в том, утверждал Лукас, что «большевики никого или почти никого не свергали», поскольку правительство России «прекратило свое существование до того, как произошла революция». Большевики просто-напросто «взобрались на груды развалин»¹⁸.

В данной связи английский историк М. Дьюхерст призывал отказаться от самого слова «закономерность» применительно к Октябрьской революции. Со своей стороны западногерманский историк Г. Раухах писал, что Великий Октябрь нельзя объяснить общими законами исторического развития¹⁹. Ф. Шуман, в некоторых случаях проявивший себя как реалистически мыслящий историк, заявлял, что русская революция якобы состоит из «цепи случайностей» и что в «победе русского марксизма не было ничего неизбежного»²⁰.

Стремясь обосновать концепцию «случайности» Октября, ряд западных историков выдвигает тезис об Октябрьской революции как о простом государственном перевороте (*coup d'état*), «конспиративном заговоре»,

осуществленном горсткой решительных людей, сумевших навязать свою волю стране в обстановке хаоса. О «перевороте меньшинства» писал, например, западногерманский историк К. Руфман, противопоставляя буржуазно-демократическую Февральскую революцию Октябрьской социалистической революции²¹. Английский историк П. Нетл также характеризует Великий Октябрь как государственный переворот²². Данный тезис связан с давно разоблаченными меньшевистскими обвинениями большевиков в бланкизме.

Буржуазные историки, развивая этот мотив, в особенности подчеркивали якобы «волютаристский» характер ленинизма, противопоставляя его марксизму. Так, по утверждению Р. К.-Ханта, Г. Маркузе и т. п., В. И. Ленин заменил волей и сознанием объективные законы истории, следовать которым призывал Маркс²³.

В поисках «аргументов» крайние антикоммунистические идеологи не останавливались перед заведомыми подтасовками, перед использованием фальсифицированных документов и материалов. Примером таких приемов может служить легенда о большевиках как о «германских агентах» и Октябрьской революции как результате совместных действий большевистской партии и... германской разведки. Этот клеветнический вымысел, пущенный в ход Временным правительством и империалистическими кругами Антанты²⁴, широко используется в антисоветской пропаганде (например, в работах английских «советологов» Эд. Крэнкшоу и Дж. Каткова, журналиста М. Пирсона, американского историка Г. Дьюи, профессионального антикоммуниста С. Поссоли и др.).

Характерно, что давно опровергнутая клеветническая версия о «германском золоте», потраченном-де кайзеровским правительством на «организацию» русской революции, в последние годы дополняется новой об... «американском золоте». А. Саттон в книге «Уолл-стрит и большевистская революция» ни много ни мало утверждает, будто американские промышленники и банкиры через своих агентов в России оказывали большевикам финансовую, дипломатическую и пропагандистскую помощь. Их цель, согласно Саттону, была та же, что и цель кайзеровской Германии, — установить контроль над русским рынком и русскими природными ресурсами. Если бы не Уолл-стрит, уверяет Саттон, «история России могла пой-

ти другим путем»²⁵. Каким же? Оказывается, парламентарным, «конституционным» путем. Иными словами, антикоммунисты готовы даже покритиковать Уолл-стрит, лишь бы скомпрометировать социалистическую революцию.

Другой не менее одиозный пример — так называемые протоколы овермэнзовского подкомитета, изданные в 1919 г. конгрессом США. Сенатский подкомитет под председательством сенатора Овермэна в течение многих месяцев заслушивал показания потерпевших крушение контрреволюционеров и столь же «объективно» настроенных наблюдателей. Не случайно изданный сенатом сборник материалов наполнен клеветническими и вздорными выдумками о событиях в Советской России. Тем не менее материалы овермэнзовского подкомитета широко использовались в буржуазной историографии.

Прогрессивный американский публицист, очевидец Великого Октября А. Р. Вильямс писал по поводу антибольшевистской пропаганды: «Наше собственное правительство тоже приложило руку к тому, чтобы сгустить туман вокруг Ленина, выпустив клеветническое произведение, образец официальной глупости, известное как документы Сиссона. Это была безумная попытка доказать, что самый сильный враг юнкерства, человек, который ни на минуту не прекращал борьбы с империализмом, будто бы содействовал юнкерству и империализму в качестве наемного агента кайзера»²⁶. Показательно, что в опубликованной в 1921 г. в Нью-Йорке книге «Русская большевистская революция» прогрессивный американский публицист Э. Росс выступил против утверждения, что «большевистская революция это работа кучки экстремистов», и сделал попытку выяснить объективные обстоятельства, приведшие к революции. «Война, неисчислимые потери, усиливающийся голод заставили массы искать ответ на вопрос о причинах их страданий. Ответ они нашли у Ленина»²⁷, — писал он.

Заканчивая разбор концепции «случайности»²⁸, напомним слова У. Фостера, написанные им еще в 1921 г.: «Русская революция — живое чудо для буржуазного мира... по всем законам «признанных экономистов», она вообще не должна была произойти»²⁹.

Исторические факты убедительно опровергают рассуждения «советологов» об Октябрьской революции как

о «случайном», «стихийном» взрыве, показывают, что революция была результатом всего предшествовавшего исторического развития России, выражением объективных закономерностей, действующих в эпоху империализма.

«Весь ход событий, все экономические и политические условия... — писал в сентябре 1917 г. В. И. Ленин, — готовят все быстрее и быстрее успех завоевания власти рабочим классом, который даст мир, хлеб, свободу, который ускорит победу революции пролетариата и в других странах»³⁰.

Россия не стояла в стороне от столбовой дороги мирового развития. В ней происходили те же основные процессы, что и в других капиталистических странах, существовали те же основные формы капиталистического хозяйства.

Советские ученые проделали большую работу в области исследования экономических и политических предпосылок Октябрьской революции. Россия в начале XX в. была страной со средним уровнем развития капитализма, вступившего в свою последнюю стадию — империализм, являющуюся кануном социалистической революции.

Хотя в России было меньше монополий, чем в США и Германии, она превосходила в этом отношении Англию, а по степени монополизации промышленности и Францию. В XX в. в России возникли крупнейшие капиталистические монополии — синдикаты «Продамет», «Гвоздь», «Продуголь», «Продвагон», «Кровля», «Продруда» и др.³¹ В годы войны число монополистических объединений еще более возросло (за 1914—1917 гг. было создано 897 новых акционерных обществ), развитие получили формы государственного монополизма, особенно в военной промышленности. По данным на 1 марта 1917 г., в стране имелось 5278 промышленных предприятий, работавших на оборону, на которых было занято около 2 млн. рабочих³². Хорошо известен факт концентрации рабочего класса России на крупных и крупнейших предприятиях. В 1914 г. на одно крупное предприятие в России приходилось 1400 рабочих, а в США — 1100, в Германии — 900. В 1917 г. преобладающее большинство российского пролетариата (60 процентов) работало на крупных предприятиях³³.

Вместе с развитием промышленности увеличивались и ее основные капиталы, которые с 1900 до 1913 г. выросли почти вдвое. По темпам роста основного капитала Россия в начале XX в. обогнала США. Накануне Октябрьской революции под контролем и влиянием банков находились предприятия, акционерный капитал которых составлял 44 процента капиталов всех акционерных предприятий. Происходило быстрое «сращивание» банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала. К 1913 г. основные отрасли тяжелой промышленности были связаны с банковскими монополиями. Однотипность российского государственно-монополистического капитализма с государственно-монополистическим капитализмом в США, Германии, Англии, Франции не вызывает сомнений у специалистов³⁴.

Развитие государственно-монополистического капитализма создавало объективные предпосылки для революционного перехода к социализму в нашей стране. В годы империалистической войны этот процесс еще более ускорился. «...Социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, — писал Ленин, — социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»³⁵.

К сказанному следует добавить, что при анализе условий, в которых созревает социалистическая революция, нельзя ограничиваться только учетом экономических условий. Нужно принимать во внимание политическую ситуацию. Зрелость экономических условий не влечет за собой революцию автоматически. Для революции необходима также зрелость субъективного фактора, нужна такая расстановка классовых сил, которая создает возможность победоносного натиска на старый строй. Дialectическое понимание всей совокупности социально-классовых противоречий, а не простая констатация уровня развития производительных сил дала В. И. Ленину, большевистской партии возможность с полной уверенностью взять курс на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Известно, что марксисты-ленинцы всегда отвергали и отвергают авантюризм, заговоры всякого рода. Еще в 1897 г. В. И. Ленин подчеркивал противоположность бланкизма и марксизма, отмечая коренное отличие рево-

люции народных масс от верхушечного переворота, узкого заговора от всенародного восстания. «Традиции бланкизма, заговорщичества, — писал Ленин, — страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора. Социал-демократы же в подобной узости воззрений неповинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы»³⁶. Как указывал В. И. Ленин, «революции *вырастают* из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории. . .»³⁷.

Марксизм-ленинизм отрицает волюнтаризм. В. И. Ленин писал, что «*единственной действительной силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс. . .*»³⁸. По своей природе и целям социалистическая революция не может не быть глубоко народной революцией, втягивающей в борьбу большинство эксплуатируемых масс. Деятельность масс — решающая сила Великой Октябрьской социалистической революции.

Революции, говорил Ленин, «нельзя сделать ни по заказу, ни по соглашению. . . они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя»³⁹. Он резко критиковал волюнтаристские идеологические концепции, в которых субъективному фактору придавалось преобладающее, самодовлеющее значение. Народ — творец истории. Это марксистское положение, подтвержденное всемирным ходом исторического развития, с особой силой проявляется в период революции.

Исследования советских историков, опубликованные документы и материалы свидетельствуют, что решающую роль в победе и укреплении Советской власти сыграло революционное движение широких народных масс, руководимых большевиками. Так, непосредственные революционные организации трудящихся — Советы объединяли миллионы рабочих, крестьян, солдат. В них политически и организационно оформлялся союз пролетариата с крестьянством и другими слоями трудящихся. Советы являлись выразителями интересов $\frac{9}{10}$ населения страны. Как подчеркивал В. И. Ленин, «. . .сопротивляться Советам

рабочих, солдатских и крестьянских депутатов капиталисты не смогут»⁴⁰.

В работах советских исследователей убедительно показан народный характер социалистической революции в России, тесная связь большевиков с широкими народными массами, процесс борьбы пролетариата под руководством РСДРП(б) за присоединение к революции подавляющего большинства народа. Наглядным показателем укрепления связей ленинской партии с рабочим классом, с массами трудящихся был непрекращавшийся рост партийных рядов. В июле 1917 г. партия большевиков насчитывала 240 тыс. членов. В Петрограде 41 тыс. из 500 тыс. рабочих, а в Москве 15 тыс. из 400 тыс. были большевиками. На Урале из 6 тыс. рабочих Алапаевского рудника 1300 были членами ленинской партии⁴¹. Накануне Октября тираж центрального органа большевиков газеты «Рабочий путь» (под этим названием после июльских событий выходила «Правда») превышал 200 тыс. экземпляров⁴². Только в Петрограде накануне Октябрьской революции на стороне большевиков было не менее 300 тыс. вооруженных рабочих, солдат и матросов⁴³. Октябрь опирался не на «заговор», как утверждают буржуазные авторы, а на массовую политическую армию революции, созданную героическими усилиями ленинской партии.

Необходимо отметить, что полная научная несостоятельность концепции «случайности», ее откровенная политическая тенденциозность становятся все более очевидными и для некоторых буржуазных авторов, в меньшей мере подверженных эмигрантскому влиянию и ищущих «эластичных» и «сбалансированных», более убедительных интерпретаций причин победы Октября.

Примечательно, что книга Дэниэлса, вышедшая в 1967 г., к 50-летию Советской власти, была встречена критически многими его коллегами. Так, в статьях, монографиях и публицистических работах П. Аврича, Г. Роггера, Р. Уэйда и других отмечалось, что Дэниэлс слишком увлекся спорной концепцией «случайности», что в обстановке, которая реально сложилась в России в 1917 г., большевики, предлагавшие массам «радикальные решения растущих трудностей», должны были иметь и имели определенные преимущества перед своими политическими «оппонентами».

Дж. Биллингтон после рассуждений о верхушечном характере революции вынужден упомянуть о широкой социальной базе большевистского движения. Большевики, писал он, выступали «от имени забытых до тех пор классов общества»; неимущие классы возглавлялись «дисциплинированной новой политической организацией, вдохновляемой новой философией истории и социальной организации»⁴⁴. Западногерманский историк Г. фон Римша, рассматривая тезис о «большевистском заговоре», подчеркивает: этот «переворот, без сомнения, поддерживался массами. Иначе он никогда не мог бы привести к успеху... И в Октябре «сама масса» делала историю»⁴⁵. Большевистская партия, подчеркнул С. Коэн, была «единственной политической силой, последовательно выражавшей и поддерживавшей радикальное общественное мнение в 1917 г.»⁴⁶.

Так повисает в воздухе тезис о «верхушечном заговоре» большевиков. Перед лицом неоспоримых фактов происходит известная девальвация концепции «случайности» в системе идеологических мифов «советологии».

ТЕОРИЯ «РУССКОГО ФЕНОМЕНА»

Несостоятельность концепции «случайности» становится все более очевидной даже для тех, кто не хочет признавать закономерность Октября: общественно-политическая система, возникшая якобы в результате «случайного» стечения обстоятельств, ошибок одних, волюнтаристского «насилия» других и т. п., не могла бы так наглядно продемонстрировать свои величайшие экономические, социально-политические и моральные преимущества, выдержать тяжелейшие испытания второй мировой войны, превратить Россию в одну из наиболее мощных держав мира, страну самой передовой науки и культуры. «Даже те из нас на Западе, — признал Дж. Кеннан, — кто сомневается в советских успехах и выступает против методов, которыми они достигаются, должны признать ту впечатляющую реальность, плоть и кровь, в которую теперь преворена мечта русской революции»⁴⁷.

Концепция «случайности» Октябрьской революции в разных ее вариантах стала в определенной степени отходить на второй план. На авансцену «советологии» все чаще выдвигаются интерпретации, характеризующиеся

частичным признанием исторической обусловленности и даже неизбежности Великого Октября.

В чем же сторонники подобного рода интерпретаций усматривают «детерминированность» Октября?

Здесь, конечно, и речи нет о закономерности революционной смены социально-экономических формаций в связи с созревшими объективными предпосылками. Революция была необходима, заявляют новоявленные «детерминисты», поскольку Россия нуждалась в «модернизации». Иными словами, по их мнению, революция вырастала не из классовой борьбы, не из борьбы за демократию, а из внеклассовой потребности покончить с отсталостью страны.

Согласно взглядам «советологов», у России теоретически имелись две возможности, два пути преодоления отсталости — путь «западного образца», который, естественно, рассматривается как «демократический», и путь «авторитарный», якобы исконно присущий России. Ряд авторов («оптимистов») выражают мнение, что Россия сделала определенные шаги по «демократическому» (т. е. буржуазно-либеральному) пути в начале XX в. Однако большинство придерживается пессимистической (с точки зрения классовых интересов буржуазии) точки зрения.

В своей массе русские, писал С. Блэк, «вообще не были знакомы с ценностями и техникой парламентской демократии»⁴⁸. В. Мосс отмечал, что народные массы в России не успели приобрести «даже элементарной подготовки к демократии». Необходимо было время для дальнейшей эволюции, но общество, раздираемое противоречиями, не выдержало жесточайших тягот первой мировой войны. Произошла Февральская революция, приведшая к крушению «традиционного» для России самодержавия и установлению своего рода аномалии — «демократии западного образца», олицетворяемой тонким слоем либералов и «умеренных социалистов»⁴⁹. «Неизбежно, — утверждал У. Чемберлин, — что скачок от репрессий полицейского государства к режиму, который провозгласил полную свободу, а в действительности не имел силы поддерживать дисциплину в армии или порядок в гражданской жизни, по всей вероятности, должен был привести к полной анархии»⁵⁰. Анархия — вот еще один термин, которым наряду с терминами «тоталитаризм» и «отсталость» так любят манипулировать западные «сове-

тологи». «Главным актером драмы, начавшейся в феврале», Р. Миэли называет «не правительство Керенского и тем более не партию Ленина, а массы, захваченные анархией». «Хаос и анархия — вот слова, наилучшим образом характеризующие состояние России в 1917 г.», — пишет Дж. Кип⁵¹. То же самое по существу утверждают А. Улам, Б. Вольф и др.

Иными словами, в «советологической» интерпретации трех русских революций можно ясно обнаружить следующий идеологический тезис: народные массы России, и прежде всего ее рабочий класс, пошедшие за большевиками и совершившие Октябрьскую революцию, принципиально отличались от рабочего класса, народных масс капиталистических стран Запада. А раз так, то пути рабочего движения, массовых движений «индустриальных» и «слаборазвитых» обществ кардинально различны.

По уверению буржуазных историков (о чем уже говорилось в первом разделе главы), народные массы России после Февраля 1917 г. якобы не проявили «высокого духа» гражданственности, стремились лишь к удовлетворению непосредственных интересов, не думая о судьбе страны. Согласно данной схеме, солдаты хотели только прекращения войны и возвращения домой, крестьяне думали лишь о захвате помещичьих земель, рабочие — об улучшении условий труда любой ценой и т. п.

Отсутствие политической зрелости масс, по мнению американского «советолога» Т. Рихи, сводило на нет шансы сторонников «западного парламентаризма» (имеются в виду кадеты), которые «по-донкихотски» боролись за «демократические идеалы», безразличные для масс. Американский историк У. Розенберг вообще стремится представить кадетов не буржуазной, а некой надклассовой партией, во всяком случае партией «профессионалов и интеллектуалов»⁵².

И как пишет, например, Т. Риха, «если идеи кадетов и должны были осуществиться, то 1917 год, вероятно, был наихудшим моментом, который можно было бы выбрать для этого»⁵³. «Советологи», естественно, умалчивают, что отрицание массами лозунгов буржуазных и соглашательских партий как раз и говорило о политической зрелости трудящихся.

В несоответствии между западной, «парламентарной» идеологией (которую пытались якобы реализовать ка-

деты, меньшевики и эсеры) и пресловутым «анархизмом» масс и заключалась, по мнению ряда буржуазных историков, одна из коренных причин краха либерализма, его «короткой жизни». Как пишет американский историк А. Мэндел, «выдающиеся специалисты по русской истории» в Англии и США считают, что в 1917 г. «не существовало никаких шансов на создание либеральной, конституционной России»⁵⁴. В трактовке западной историографии Октябрь, таким образом, противостоит завоеваниям Февраля, возвращает страну в состояние «автократии».

Октябрьская революция — величайшая освободительная революция в истории человечества — была, по мнению С. Томпкинса, даже не революцией, а... «реакцией»⁵⁵. Тезис о «недемократичности» Октября в противопоставлении «демократическому» Февралю основывается на выводе о все той же «исконной» приверженности русского народа к «авторитаризму», в силу которой он якобы не смог усвоить демократические, «конституционные» завоевания Февральской революции. Эти утверждения, как мы знаем, не новы*. Российские реакционеры и черносотенцы упорно твердили, что русский народ якобы не дорос до свободы, а поэтому ему чужды «интеллигентские призывы» к освобождению. Небезызвестный Н. Марков-2-й кричал с трибуны III Государственной думы, что русский человек нуждается не в тоге римского гражданина, а в «романовском полушубке» и «ежовых рукавицах». Высказывания подобного рода В. И. Ленин, как известно, называл доводами крепостников, стремившихся сохранить в стране самодержавно-крепостнические порядки⁵⁶.

Следуя за российскими крепостниками, современные «советологи» попадают в безвыходный круг противоречий: с одной стороны, они пишут, что главной причиной или по крайней мере одной из главных причин краха царизма были его косность, его упорное нежелание поступиться «самодержавным принципом», а с другой — уверяют, что как раз этот принцип был «свойствен» и «близок» русскому народу и что альтернативы этому принципу в России начала XX в., по-видимому, не существовало. Но если принять на веру последнее, то логично заключить, что царское правительство, жестоко подавляя революци-

* Подробнее см. главу I.

онное движение и укрепляя самодержавие, проводило политическую линию, «соответствовавшую» характеру и представлениям народа. Тогда необъяснимым представляется факт свержения царизма под ударами тех самых народных масс, у которых «автократический принцип» был, по утверждению тех же «советологов», чуть ли не в плоти и крови. «Советологи» пытаются спасти свои рассуждения указанием на то, что этот принцип, престиж монархии были подорваны в глазах народа разложением правящей верхушки, так называемой распутинщиной. Но ведь буржуазные лидеры Государственной думы предлагали другого, еще не скомпрометированного, «хорошего» царя.

После того как поздно вечером 2 марта 1917 г. в Пскове Николай II отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича, некоторые буржуазные политики (Гучков, Милюков и др.) приложили немало усилий, чтобы возвести его на трон. Однако революционные массы смели с пути нового кандидата в цари, решительно потребовали уничтожения монархии.

Поставим вопрос в иной плоскости: почему некоторые буржуазные историки так настойчиво обвиняют народные массы России в «демократической незрелости»? По-видимому, потому, что они не поддержали буржуазное Временное правительство, свергли его и, таким образом, уничтожили послефевральский буржуазный режим. Здесь обращает на себя внимание следующее примечательное обстоятельство: послефевральский режим отождествляется обычно с деятельностью Временного правительства. Если верить западным авторам, то оно, являясь своего рода надклассовым органом, утверждало демократические порядки, вводило права и свободы «для всех».

С особой настойчивостью идея о демократичности буржуазной власти в России проводится в упоминавшейся трехтомной публикации документов «Временное правительство России, 1917 г.». Ее составители Р. Браудер и А. Ф. Керенский, утверждая, что в осуществлении программы «политической демократизации и законодательных реформ» Временному правительству была обеспечена «поддержка всех секторов общества», пишут: «Основные гражданские свободы были установлены законом, и множество ограничений, связанных с принадлежностью к определенной нации, классу или полу, были

отменены или ликвидированы другим законодательством»⁵⁷. Конечно, в западной исторической литературе можно найти и более сдержанные оценки Временного правительства. Однако большинство буржуазных авторов все же считает, что это правительство стремилось «демократизировать» страну, проводило «мягкую», даже «идеалистическую» политику, действуя главным образом убеждением и не прибегая к принуждению и насилию. Этот мнимый либерализм, эту «деликатность» Временного правительства многие зарубежные авторы, как мы увидим ниже, считают одной из его главных «роковых ошибок». История могла бы развиваться иначе, уверяет Л. Шапиро, если бы министры буржуазного Временного правительства «меньше руководствовались народническим идеализмом и больше — соображениями практической необходимости»⁵⁸.

В. И. Ленин, как известно, писал, что после Февральской революции Россия стала самой свободной из воюющих стран⁵⁹. Но в противоположность тем, кто связывал и связывает этот факт с существованием и деятельностью Временного правительства, он подчеркивал, что свобода в России была завоевана революционной борьбой масс, во главе с пролетариатом свергнувших царизм и создавших Советы. Конечно, и буржуазная демократия представляла собой определенный шаг вперед по сравнению с царским режимом. Но гораздо более важно то, что революционное движение широких масс вызвало к жизни другую, несравненно более высокую демократию — демократию рабоче-крестьянскую в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов возник как орган народной, рабоче-крестьянской демократии раньше Временного правительства и вначале обладал реальной властью, с которой были вынуждены считаться буржуазные лидеры⁶⁰.

Только после того как меньшевистско-эсеровские руководители Совета согласились на переговоры с Временным комитетом Государственной думы, Временное правительство появилось на свет и смогло начать свою деятельность. Советы были решающей силой, обеспечившей подлинную демократию страны зачастую вопреки политике соглашательских лидеров. Исследования советских историков достаточно широко раскрывают эту огромную

работу Советов по созданию и укреплению демократических порядков в России.

Советы восстанавливали демократические организации, разгромленные царизмом во время войны, создавали профсоюзы, фабзавкомы, активно занимались продовольственным делом, обеспечивали трудящихся хлебом, явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день на предприятиях, боролись с капиталистами-локаутчиками, приступали к установлению рабочего контроля над производством, создавали рабочую милицию, осуществляли демократизацию земств, городских дум, судебных органов и др.⁶¹

Именно наличие и деятельность Советов прежде всего сделали Россию самой свободной из всех воевавших стран. Временное же правительство проводило некоторые реформы либо под прямым давлением революционных масс и большевизирующих Советов, либо *post factum* оформляя то, что уже практически было достигнуто и установлено самим революционным народом (что, кстати, признают и некоторые зарубежные авторы).

Вместе с тем факты показывают, что, едва укрепив свое положение, Временное правительство повело линию на ограничение демократических завоеваний, на вытеснение Советов и установление того, что нарочито неопределенно называли «твердой властью». «На каждом шагу, — писал В. И. Ленин, — ежедневно и даже ежечасно от имени авторитетнейших государственных учреждений и съездов апеллируют к революционности народа и к его демократизму, а в то же время и общая политика правительства и специально его внешняя политика и в особенности его экономическая политика, — все это представляет собой отступление от революционности и нарушение демократизма»⁶².

Попытки некоторых буржуазных историков изобразить Временное правительство в виде надклассового органа и борца на два фронта — против правой и левой «крайностей» — несостоятельны. Эту версию высмеял еще В. И. Ленин, показав, что Временное «бонапартистское правительство является правительством контрреволюционной буржуазии»⁶³.

Временное правительство с нарастающей силой вело борьбу против революционных масс, против большевистской партии, применяя все средства: от клеветы до воору-

женного насилия. В то же время (и это главное) за спиной правительства и при его поддержке зрела и укреплялась буржуазно-монархическая корниловщина, которая вынашивала планы реставрации⁶⁴.

После июльских событий, когда контрреволюция почувствовала себя уверенней, ее деятельность по мобилизации своих сил резко активизировалась. Хотя некоторые «советологи» пытаются поставить под сомнение роль Керенского и кадетов в подготовке корниловского заговора, связь между ними является доказанным фактом. Несмотря на провал корниловщины, контрреволюционные силы не оставили своих планов установления военной диктатуры⁶⁵. Показателен секретный приказ Керенского от 2 сентября 1917 г. о немедленном сосредоточении частей 3-го конного корпуса в районе Павловск — Царское Село — Гатчина — Петергоф якобы для отправки в Финляндию. Командир корпуса генерал Краснов писал впоследствии, что по самой дислокации его частей была ясна истинная цель Керенского — удар по Петрограду. 4 сентября командующий петроградским военным округом генерал Теплов в беседе с Красновым подтвердил, что важнейшей задачей 3-го корпуса является разгром Петроградского Совета⁶⁶.

«...Кто не хочет нарочно закрывать глаз, — подчеркивал В. И. Ленин, — тот не может не видеть, что *после корниловщины правительство Керенского все оставляет по-старому, что оно на деле восстанавливает корниловщину*»⁶⁷. При поддержке и покровительстве Временного правительства разрабатывались планы «второй корниловщины».

Единственное средство спасения демократических завоеваний народа, уже значительно урезанных после июльских дней, от уничтожения российскими кавеньяками (корниловыми) заключалось не в укреплении власти Временного правительства (как утверждают некоторые «советологи»), а в передаче всей власти Советам, т. е. в устранении Временного правительства. Гарантия демократических завоеваний заключалась в дальнейшем развитии революционного движения, в перерастании революции буржуазно-демократической в социалистическую. Вопрос стоял так: либо контрреволюционная, буржуазно-помещичья диктатура, либо диктатура рабочего класса в форме Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

«Как же можно противиться передаче всей власти в государстве в руки этих Советов?—писал В. И. Ленин.— Это означает не что иное, как отречение от демократии! Это означает не больше не меньше, как навязывание народу такого правительства, которое *демократическим* путем, т. е. путем действительно свободных, действительно всенародных выборов ни возникнуть, ни держаться *заведомо* не может»⁶⁸.

Система Советов и солдатских комитетов к осени 1917 г. охватывала подавляющую массу трудящегося населения России и, выражая его волю и интересы, являлась подлинно народной демократией. Полномочным представителем трудящихся стал II Всероссийский съезд Советов, принявший историческое решение о переходе всей власти к Советам.

Таким образом, положение об «антидемократизме» русского народа ни на чем не основано и преследует цель опорочить революционные массы, которые не остановились в борьбе за свое освобождение на буржуазно-демократическом этапе революции, а довели революцию до ликвидации капиталистической системы и создания социалистического государства, т. е. обеспечили себе подлинное экономическое и социальное освобождение.

Характеризуя деятельность большевистской партии в период Великого Октября (о чем подробнее будет сказано ниже), «советологи» также прибегают к грубым искажениям. Ими утверждается, что ленинизм представлял собой отклонение от учения Маркса, что он был более связан с так называемым «русским экстремизмом», представленным М. Бакуниным, С. Нечаевым, т. е. идеологами анархизма, проповедниками волюнтаризма и заговоращичества⁶⁹.

Под углом зрения «немарксизма» политики большевиков и освещаются события марта—октября 1917 г. Ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую трактуется как новое отступление от марксизма, как еще один «поворот» к «перманентной революции», к гражданской войне, развязыванию в стране анархии, при этом повторяются подчас дословно нападки буржуазно-соглашательской прессы на Апрельские тезисы, разоблаченные в свое время В. И. Лениным в статье «Задачи пролетариата в нашей революции», в «Письмах о тактике» и др. Ленинское

положение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, по утверждению ряда «советологов», было лишь «идеологическим оправданием для захвата власти», лозунгом, долженствовавшим прикрыть «расхождение между марксистской теорией и реальной действительностью». Используя анархию и бессилие Временного правительства, большевистская партия, по заявлению ряда буржуазных авторов, насильственным путем захватила власть в Петрограде. Однако, как пишет английский «советолог» Р. Петибридж (как, впрочем, и некоторые другие авторы), то, что «произошло в Петрограде 25 октября, отнюдь не представляло собой революцию общенационального масштаба. Это был лишь петроградский переворот»⁷⁰. Только позднее большевики сумели «наложить» свою власть на всю страну. Но как и почему это им удалось?

Одно из последних по времени толкований находим у того же Петибриджа. В его книге отчетливо видна тенденция, характерная для новейшей буржуазной историографии. В соответствии с ней, с одной стороны, дается высокая оценка организаторской деятельности В. И. Ленина и большевистской партии, а с другой — принижается политически сознательная роль масс в ходе революции. В итоге победа большевиков почти целиком объясняется превосходством их личных качеств как организаторов, пропагандистов, их решительностью, умением приспособиться к обстоятельствам. В то же время объективная основа победы Советской власти, ее глубокие социально-экономические истоки отходят на второй план. Иными словами, «советологи» стремятся оторвать большевистскую партию от масс, от массовой поддержки трудящихся.

Петибридж, например, признает, что большевики «превосходили все другие партии». Но это справедливое признание выглядит у Петибриджа как уже знакомая нам по другим «советологическим» трудам способность В. И. Ленина и большевиков лучше своих политических противников использовать «детскую политическую наивность большинства русских», некие «иррациональные и эмоциональные пристрастия рабочих и солдат». У Р. Петибриджа можно обнаружить своеобразную попытку как-то сблизить взгляды сторонников концепции «случайности» Октября, выдвигающих на первый план субъ-

ективные факторы, с взглядами тех, кто видит в победе Октября историческую обусловленность. Это в целом характерная тенденция современной буржуазной историографии, ведущей поиски «сбалансированных» концепций.

Освещая непосредственно историю «расширения» Октябрьской революции по всей стране, иными словами ее триумфального шествия, Р. Петибридж исходит из некой «централистской теории революционной стратегии», которую в отличие от других политических партий якобы осуществляли большевики. Он утверждает, что, согласно Ленину, «организованная революция должна происходить в особой точке или нескольких особых точках»⁷¹. Захватив власть в этой «точке», т. е. в центре, большевики, используя находившиеся в их руках каналы связи и пропаганды, затем поставили под свой контроль всю страну, население которой перед Октябрем будто бы проявляло апатию и пассивность. Примерно так же характеризует положение на местах в период Октябрьской революции и Дж. Кип. В его изображении большинство населения стремилось уклониться от борьбы, уйти в сторону, «переждать». Такая негативная позиция, пишет он, была общей для сторонников всех борющихся партий, но антибольшевистские силы особенно страдали «параличом воли». При таком положении триумф Октября, с точки зрения Дж. Кипа, объясняется просто: «Октябрьская революция была не столько победой большевиков, сколько поражением их противников»⁷². Эти мысли Дж. Кип развивает в последней работе. Здесь, как во многих работах современных «советологов», есть и признания сильных сторон большевистской партии, ее политики, есть и масса ссылок на советские источники, осторожность в оценках и критика некоторых обветшалых концепций. Но в основных, решающих своих чертах эта книга продолжает генеральную линию «советологической» литературы об Октябре. Кип по существу превращает в центральное событие и 1917 и 1918 гг. поражение корниловского мятежа. В то же время он — и это показательно — всячески избегает даже упоминать о контрреволюционном лагере, как будто угрозы контрреволюции в этот период вообще не существовало. Все его внимание обращено на революционный лагерь, который автор сумел «переинтерпретировать» до неузнаваемости. Если судить по Кипу, рабочему классу отказано быть ведущей силой Октябрьской

революции. Национально-освободительное движение Кип отрывает от борьбы за социально-политические требования. Крестьянство противопоставлено им рабочему классу (дихотомия город — деревня). Солдаты, если верить Кипу, ничего общего не имели с крестьянством, не были «мужиками в шинелях»⁷³. И конечно, он безапелляционно отрицает сплоченность рабочего класса вокруг большевистской партии, наличие союза рабочих и крестьян.

Работы Р. Петибриджа, Дж. Кипа и других авторов отличается использование довольно широкого круга источников. Наряду с характерными для буржуазной историографии эмигрантскими материалами они обращаются к трудам В. И. Ленина (разумеется, в собственной интерпретации), документальным публикациям, вышедшим в СССР, работам советских историков. Сам по себе этот факт показывает, что в современных условиях буржуазная историография уже не может игнорировать марксистский анализ Великого Октября. Однако, оставаясь на позициях буржуазной методологии, «советология» не выходит за рамки буржуазных интерпретаций Октябрьской революции. В сущности и данные авторы повторяют тезис о «заговоре», осуществленном большевистской «элитой» в условиях, когда политические противники были бессильны, а массы индифферентны. Этому тезису лишь придана более разносторонняя, «научнообразная» оснастка.

«Осветив» таким образом причины победы Октября, отмеченные авторы оказываются перед другим нелегким для них вопросом: как же «элитарному меньшинству» удалось удержать власть в огромной стране? Отвечая на него, некоторые из них пытаются представить большевиков «тоталитарной» силой, якобы отвергшей демократические методы управления. В качестве одного из «доказательств» обычно ссылаются на роспуск Учредительного собрания в январе 1918 г. Указывая на то, что большинство в нем принадлежало эсерам, английский публицист Д. Браун утверждает, что этот факт будто бы свидетельствует об истинном «отношении страны к Октябрьской революции»⁷⁴. И, распустив Учредительное собрание, Советская власть, следовательно, пошла против воли большинства населения. Но конечно, ничего не говорится о том, что Учредительное собрание отражало даже не вчерашний, а позавчерашний день революции. Ведь предложенные ему на утверждение первые декреты Советской вла-

сти, которые с энтузиазмом приветствовали трудящиеся массы всей страны, Учредительное собрание отвергло.

Такова в самых общих чертах схема, по которой в изображении современных «советологов» произошла и победила Октябрьская революция, укрепилась Советская власть. Она, как мы видим, «объясняет» Октябрь главным образом экономической неразвитостью России, правда, в сочетании с рядом факторов субъективного характера. Отсюда и должен вытекать главный вывод, имеющий для современных антикоммунистов и ревизионистов первостепенную идеологическую ценность: историческое значение Октябрьской революции ограничено-де «модернизирующей» периферией. Что же касается капиталистически развитых стран, то здесь исторический опыт Октября (гегемония пролетариата, руководящая роль партии, диктатура рабочего класса, пролетарский интернационализм, союз с непролетарскими слоями и др.) вообще неприменим. «То, что произошло в России в октябре 1917 г., — утверждает французский социолог Ж.-Ф. Ревель в вышедшей в 1970 г. работе «Ни Маркс, ни Иисус», — не было началом и не может служить моделью социалистической революции»⁷⁵. «Коммунистическая доктрина не универсальна, — заявляют С. Блэк и Т. Торнтон. — Опыт Октябрьской революции носит локальный характер и неприменим в других условиях»⁷⁶. Иными словами, «советологи» рассматривают Октябрь как преимущественно «русский феномен» или как одну из первых «революций в отсталых странах».

«Модернизированная» советологическая схема истории Великого Октября научно несостоятельна, так же как и отмеченная выше концепция «случайности».

Октябрьская революция — это ярчайшая демонстрация жизненности революционных идей, торжества единственно научной теории общественного развития, марксистско-ленинского учения. Отметим, что основатели марксизма подчеркивали огромный революционный потенциал России. «...Маркс и Энгельс, — писал В. И. Ленин, — были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение»⁷⁷. Маркс постоянно интересовался борьбой русских революционеров против царского самодержавия и был лично связан со многими из них. Он был глубоко убежден в том, что России «предстоит грозная социальная революция»⁷⁸.

Россия, указывал Маркс в 1877 г., «давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели... Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции...»⁷⁹. Энгельс также отмечал в 1878 г., что в России имеются «налицо все элементы русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год... А раз уж дело дойдет до революции в России — изменится лицо всей Европы»⁸⁰. Русская революция, писал Энгельс, «означает такое изменение во всем положении Европы, которое рабочие всех стран должны с радостью приветствовать как гигантский шаг по пути к их общей цели — всеобщему освобождению труда»⁸¹.

Распространение марксизма в России, победа социалистической революции, как уже говорилось, были вызваны не отсталостью страны, а созреванием в ней необходимых социально-экономических и политических предпосылок для революционной замены капитализма социализмом. Несмотря на то что на путь капитализма Россия встала позднее многих западноевропейских стран, ее шествие по этому пути было весьма ускоренным (о чем подробно сказано выше) и переход к империализму был осуществлен одновременно с главными капиталистическими странами на рубеже XIX и XX столетий. В целом российская промышленность была подготовлена к преобразованиям, имевшим целью не подгонку социально-экономической структуры страны под западные капиталистические стандарты, как утверждают «советологи», а строительство нового, социалистического общества. Исторический опыт современной эпохи наглядно и отчетливо показывает, что главную объективную закономерность современного мирового развития составляет переход человечества от капиталистической к коммунистической формации, а не внеклассовый процесс «модернизации».

Одно из центральных звеньев «советологической» схемы истории Октября, как уже отмечалось, — версия о его «немарксистском», «заговорщическом» характере. Эта версия обосновывается посредством, так сказать, двусторонней операции. С одной стороны, из марксизма выхолащивается его революционное содержание, он в сущности отождествляется с вульгарным экономическим материализмом, а с другой — ставится знак равенства между ленинизмом (прежде всего ленинской теорией социали-

стической революции) и троцкизмом (теорией «перманентной революции»).

В таком духе «советологи» и пытаются интерпретировать знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина, приписывая им, как мы уже видели, «волюнтаризм», «игнорирование» марксистской оценки необходимых условий для свершения социалистической революции.

Однако обе операции (отождествление марксизма с реформизмом, а ленинизма с троцкизмом) полностью противоречат фактам. Ибо как К. Маркс никогда не считал, что экономическое развитие общества само по себе приведет к социализму, так и В. И. Ленин никогда не утверждал, что одной благоприятной политической обстановки и одних субъективных факторов достаточно для осуществления социалистической революции. При решении вопроса о борьбе за победу пролетарской революции В. И. Ленин в полном соответствии с духом подлинного марксизма учитывал зрелость как объективных, так и субъективных факторов. «... Никакое восстание, — писал В. И. Ленин, — не создаст социализма, если он не созрел экономически. . .», а также подчеркивал, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его. . .»⁸².

При этом В. И. Ленин решительно отмежевывался от пресловутой теории «перманентной революции», подчеркивая, что нельзя перескакивать через этапы исторического развития, что только завершение буржуазно-демократической революции может открыть путь к революции социалистической.

После возвращения в Россию в апреле 1917 г. В. И. Ленин настойчиво разъяснял, что программа борьбы за победу пролетарской революции, изложенная в Апрельских тезисах, не имеет ничего общего с «перманентной революцией». «Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в *социалистическую*, — подчеркивал он, — а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: «. . . *Не* «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача. . .»⁸³ «Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах, — указывал он в «Письмах о тактике», — от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой *игры* в «за-

хват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры. . .»⁸⁴

Буржуазные историки, утверждая, что русская революция 1917 г. произошла «не по Марксу», пытаются спекулировать даже на том, что победу Октября отделял от Февральской революции короткий 8-месячный период.

Но отнюдь не одна политика большевиков заставила революцию сравнительно быстро выйти за ее буржуазно-демократические рамки. Коренная причина ускоренного развития русской революции, быстрого перерастания ее в социалистическую лежала в том, что она совершилась в иную эпоху по сравнению с буржуазными революциями на Западе. В условиях империализма российская буржуазия стала контрреволюционной силой, опыт революции 1905—1907 гг. показал, что гегемоном подлинно народной революции может быть только пролетариат, наличие в деревне двух социальных войн — как против крепостнической, так и против капиталистической эксплуатации — обеспечивало пролетариату поддержку трудящегося крестьянства, прежде всего беднейшего.

Английские и американские авторы, пытаясь доказать, что Октябрьская социалистическая революция была «верхушечным насильственным переворотом», как правило, абстрагируются от характеристики массового движения, развернувшегося в России перед Октябрем, или извращают характер этого движения, рассматривая его как анархию. Но без конкретного анализа общенационального революционного кризиса 1917 г. в России невозможно понять сущность и характер Октября.

После разгрома корниловского мятежа в стране начался новый революционный подъем. Особенность его заключалась не только в резком увеличении числа рабочих стачек, выступлений крестьян и солдат и усилении национально-освободительного движения. Главное состояло в изменении характера и форм борьбы масс: рабочие все чаще устанавливали свой контроль над предприятиями; крестьяне в ходе восстаний все чаще захватывали помещичьи земли и инвентарь, а беднейшие крестьяне одновременно разворачивали борьбу против кулаков; в армии участились случаи коллективного неповиновения солдат офицерству и братания с противником; в национально-освободительном движении крепло революционно-демократическое направление, смыкавшееся с движе-

нием пролетариата⁸⁵; формы борьбы становились все более решительными.

Короче говоря, в революционном движении осени 1917 г. неуклонно нарастали социалистические тенденции. Своей самоотверженной работой, своим пониманием закономерностей общественного развития большевики объединяли его, сливали все его течения в один поток и направляли к одной цели: свержению власти буржуазии.

Политическая обстановка в стране сложилась так, что осуществить эту цель можно было только путем вооруженного восстания. Заслуга В. И. Ленина и большевиков состояла в том, что они осознали эту необходимость и подготовили это восстание не только в Петрограде, но и в других важнейших центрах и районах страны. Вопреки заявлениям Петибриджа и других «советологов» партия готовила вооруженное восстание как восстание всенародное, восстание всеобщее⁸⁶, и факт триумфального шествия Советской власти со всей очевидностью свидетельствует об этом.

Отнюдь не только одно политическое и организационное превосходство большевиков над своими противниками обеспечило им победу в дни Октября и гражданской войны. Самое это превосходство имело глубокие корни, уходившие в поддержку широчайших масс, шедших за пролетариатом и видевших в большевистской партии выразительницу своих жизненных интересов. И напротив, контрреволюционные партии, не имевшие сколько-нибудь широкой социальной базы, агонизировали.

Октябрьское вооруженное восстание было, таким образом, не волюнтаристским актом, как утверждают буржуазные историки, а высшей точкой революционной борьбы народных масс, шедших за гегемоном революции — пролетариатом и возглавленных большевистской партией.

«Мы, марксисты, — писал В. И. Ленин, — гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра...» Но в октябре, подчеркивал В. И. Ленин, «было дело так, что мы точно учли именно *массовые* силы. Мы не только думали, мы твердо *знали*, на основании опыта *массовых* выборов в Советы, что рабочие и солдаты в сентябре и начале октября в громад-

ном большинстве *уже* перешли на нашу сторону. Мы знали... что и в крестьянстве коалиция провалена — значит, наше дело *уже* выиграло.

Таковы были *объективные* предпосылки октябрьской повстанческой борьбы...»⁸⁷.

Современные буржуазные авторы часто утверждают, что В. И. Ленин рассматривал революцию в России исключительно как «искру» для разжигания социалистических революций на Западе и не верил в возможность победы социализма в одной «отсталой» России. Но эти авторы «забывают», что к выводу о возможности победы социализма в одной стране В. И. Ленин пришел еще в годы первой мировой войны на основе экономического и политического анализа империалистической стадии развития капитализма. В статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.) он писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁸⁸.

В канун Октября Ленин теоретически доказал, что в России имеются все необходимые материально-технические предпосылки для победы социалистической революции⁸⁹. Международное революционное движение он рассматривал как важный фактор, способствующий победе социалистической революции в России, точно так же как русскую пролетарскую революцию считал очень важным звеном в мировом революционном процессе. Но какими бы путями ни развивалось революционное движение на Западе, Ленин не сомневался, что социализм в России может быть и будет построен. В ноябре 1922 г. на пленуме Моссовета он говорил: «...из России; неповской будет Россия социалистическая»⁹⁰.

Таким образом, изображение Октябрьской революции как противоречащей марксистской теории, но соответствующей «русской традиции политического экстремизма», есть не что иное, как результат измышлений антикоммунистов и ревизионистов, измышлений, берущих свое начало в меньшевистско-троцкистских «теориях», давно опровергнутых жизнью.

Противоречия Февраля объективно требовали перехода страны на путь социалистического развития. Эту назревшую необходимость отметил В. И. Ленин, рассма-

тривавший февральскую победу как первый этап начавшейся русской революции. «Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя, не идя к социализму...*»⁹¹ Анализируя исторический опыт Советской власти, В. И. Ленин отмечал: «Верность нашего понимания марксизма в этом пункте (речь идет об отношении буржуазно-демократической революции к революции социалистической. — *Авт.*), нашего учета опыта прежних революций подтвердилась за 4 года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической...»⁹²

Октябрьская революция, пролетарская по своему содержанию, была вместе с тем истинно народной революцией. Наряду с основными социалистическими задачами она радикально решила неотложные задачи демократического развития. Революция создала реальные условия для осуществления народовластия во всех сферах жизни общества. Возникшие в ходе революции Советы по своей природе — самые демократические органы власти, избранные и контролируемые народом. Глубоко демократическое существо нового социалистического государства наглядно раскрылось в первых же декретах и мероприятиях Советской власти, в поддержке этой власти миллионами рабочих и крестьян.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ... БЕЗ ПРОЛЕТАРИАТА

Классовый характер буржуазной историографии с особой очевидностью проявляется в ее подходе к проблеме движущих сил Великой Октябрьской социалистической революции. Какие общественные силы и во имя какой цели совершили Октябрьскую революцию — далеко не академический вопрос. Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», «**в Октябрьской революции глубоко и всесторонне раскрылась великая всемирно-освободительная миссия рабочего класса**»⁹³.

Признание всемирно-исторической роли пролетариата в социалистической революции, того, что пролетариат

был ее ведущей силой, того, наконец, что в результате Октября власть перешла из рук эксплуататоров в руки эксплуатируемых, означало бы в глазах буржузных историков признание исторической обреченности капитализма, неизбежности замены его новым общественным строем.

Поэтому, развивая версию о «немарксистском» характере Октябрьской революции, ряд западных авторов в искаженном свете трактуют и роль в ней рабочего класса. По словам Т. Хэммонда, большевики действовали вопреки Марксу, когда «настояли на проведении пролетарской революции в отсталой стране с очень небольшой долей пролетариата»⁹⁴. По категорическому заявлению Р. Конкуэста, для пролетарской революции «в России не было соответствующих пролетарских сил»⁹⁵. Отрицает пролетарский характер Октября и Дж. Кип.

Другие авторы, например Р. Пайпс⁹⁶, не столь категоричны. Р. Дэниэлс подчеркивал: «Действительная массовая поддержка революционного движения пришла только с убыстрением индустриализации в России в 80-х и 90-х гг. XIX века и с последующим ростом массы неудовлетворенных городских рабочих»⁹⁷.

Однако в тех трудах, где рабочему классу уделяется внимание, неверно освещается вопрос о степени участия пролетариата в революционной перестройке российского общества. В предыдущих разделах мы уже отмечали, что в соответствии с версиями об «отсталости России» и ее «неподготовленности» к социалистической революции буржуазные историки в различных вариантах проводят идею о «незрелости» российского рабочего класса: по их мнению, русский пролетарий был скорее забитым, неграмотным, «полукрестьянином», чем индустриальным рабочим. Так У. Чемберлин писал о «массе неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих», «невежественных и отсталых», «не помышлявших ни о каких политических или социальных идеях»⁹⁸. Р. Петибридж подчеркивал «несознательность» российского пролетариата, неспособного-де активно бороться с самодержавием⁹⁹. За редкими исключениями, в трудах «советологов» игнорируется тот факт, что в России накануне революции существовали сложившиеся кадры промышленных рабочих.

Буржуазные исследователи односторонне характеризуют рабочий класс, затушевывают рост его сознатель-

ности, ставят под вопрос его революционные традиции. Они вульгаризируют формы и особенности рабочего движения в России, изображая его в виде стихийного, полусознательного бунта. «Бесцветность и нищета жизни русского рабочего класса порождали экстремизм», который «должен был выйти на поверхность, как только оковы царизма были сброшены»¹⁰⁰; — заявлял У. Чемберлин. Другой американский «советолог», Л. Хэймсон, частично признав рост революционности российского пролетариата, пытается в то же время объяснить этот рост неким «примитивным стремлением к бунту», а само рабочее движение в России объявляет «незрелым»¹⁰¹.

Показательно, что, рассматривая историю российского рабочего класса в предреволюционные годы, «советологи» стремятся оторвать его от революционной социал-демократии, от большевиков. В работе «История социал-демократического и рабочего движений в Петербурге в 1885—1897 гг.» Р. Пайпс силится доказать, что российские рабочие будто бы безразлично относились к социализму, были политически индифферентны. «Рабочие, — писал Пайпс, — никогда не поддавались на усилия социалистов внести политический смысл в их движение»¹⁰². Выводы Пайпса явно перекликаются с писаниями Р. Абрамовича. Последний упорно подчеркивал, что рабочие России «были настроены аполитично, сторонились существующих партий и партийных вождей»¹⁰³. В вышедшей в 1971 г. работе «Рабочий класс и общество в царской России» американский историк Р. Зельник утверждает, что в 50-е и 70-е годы прошлого века рабочий класс России представлял собой, образно говоря, воск, из которого царское правительство могло бы вылепить что угодно. Буржуазный автор сетует задним числом, что царизм не использовал это обстоятельство, а своей политикой привел к тому, что российские рабочие подпали под влияние революционной интеллигенции¹⁰⁴.

Подобные утверждения в корне противоречат историческим фактам. Они не только тенденциозны, но и свидетельствуют об игнорировании «советологами» многочисленных материалов и исследований по истории рабочего движения России, вышедших в нашей стране¹⁰⁵.

К 1917 г. пролетариат России представлял собой многочисленный класс, достаточно зрелый, организованный и сознательный, чтобы объединиться для решения своих

классовых задач, переплетавшихся с нерешенными задачами буржуазно-демократической революции, чтобы сыграть в освободительной борьбе самостоятельную и решающую роль.

Как подчеркивает советский исследователь А. Г. Рашин, в начале XX в. «в фабрично-заводской, горнозаводской промышленности и на транспорте капиталистической России уже были созданы значительные постоянные, а в ряде случаев и потомственные кадры рабочих со сравнительно продолжительным производственным стажем»¹⁰⁶. В момент свершения Октябрьской революции в составе рабочего класса преобладали кадровые пролетарии с многолетним трудовым стажем. Так, среди квалифицированных рабочих крупного производства Петрограда удельный вес лиц с четырехлетним производственным стажем составлял 56 процентов, с десятилетним стажем — 35,7 процента. Российский пролетариат накануне Октябрьской революции насчитывал около 20 млн. человек¹⁰⁷. Но сила рабочего класса была несравненно больше, чем его удельный вес в численности населения. «Это — потому... — писал В. И. Ленин, — что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»¹⁰⁸. Воздействие пролетариата на трудящиеся массы определяется не столько его численностью, сколько его организованностью, сплоченностью, политической зрелостью, завоеванным авторитетом.

Как отмечалось в предыдущих разделах, характерной чертой российского рабочего класса была высокая степень его концентрации на крупных предприятиях и в промышленных центрах страны. К началу 1917 г. 72,35 процента всех рабочих 31 губернии Европейской России были заняты на предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек на каждом. Накануне Октябрьской революции в стране насчитывалось 878 предприятий с числом рабочих более 500. Значительной степени достигла концентрация на казенных заводах оборонного значения.

Уровень концентрации был особенно высок в крупнейших экономических и политических центрах страны. В Петрограде, например, из имевшихся в 1917 г. 773 предприятий 113 были с числом рабочих свыше 500 человек каждое. На них трудилось около 80 процентов всех рабочих города. На 77 предприятиях с числом рабочих более

тысячи было занято 67 процентов рабочих. На крупнейших предприятиях столицы — Путиловском заводе трудилось 24 449 рабочих, трубочном — 19 046, «Треугольнике» — 15 338, Обуховском — 10 600, Охтинском заводе взрывчатых веществ — 10 200 человек. Большое число рабочих было сосредоточено на крупнейших предприятиях Москвы, Центрально-промышленного района, в Донецком бассейне, на Урале ¹⁰⁹.

Высокая степень концентрации была одним из объективных условий роста классовой сплоченности, сознательности и организованности российского рабочего класса. Она способствовала формированию самого революционного в мире пролетариата, который мог под руководством партии нового типа порвать цепь империализма и возглавить трудящиеся массы в строительстве социалистического общества.

Доктрине «отсталости» российского пролетариата, распространяемой «советологами», противоречат и данные переписи 1897 г.: 59,9 процента российских рабочих и 34,9 процента работниц были грамотными. Еще более показательны сведения по Петербургу — 77,6 процента для рабочих и 40,8 процента для работниц. По данным 1918 г., среди рабочих-мужчин грамотных было 88,9 процента, среди работниц — 64,9 процента ¹¹⁰.

Свою зрелость, сознательность и организованность российский пролетариат продемонстрировал уже в период революции 1905—1907 гг. — первой народной революции эпохи империализма, в борьбе за свержение самодержавия в феврале 1917 г.

О степени политической зрелости и революционной сознательности российского пролетариата свидетельствовало наличие у него своей боевой партии — партии нового типа, которая сумела обеспечить ведущую роль пролетариата в борьбе за демократическое и социалистическое преобразование страны. Сплочение рабочего класса России вокруг большевистской партии стало решающим фактором победы социалистической революции. «Большевики победили, прежде всего, потому, — писал В. И. Ленин, — что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса» ¹¹¹.

Показательно, что и ряд буржуазных исследователей признает сознательность и революционность российского

пролетариата. По словам бельгийского историка М. Либмана, «бесчисленные забастовки показали начиная с 80-х годов», что рабочий класс России «обладает большими потенциальными возможностями, а революция 1905 г. показала, что он не желает покорно и терпеливо сносить ужасные условия жизни». Д. Поспеловский подчеркнул высокий уровень грамотности среди русского рабочего класса. «Это был настоящий фабричный пролетариат»¹¹², — пишет о российском рабочем классе английский «советолог» Л. Кочэн.

Стремясь исказить пролетарский характер Великой Октябрьской социалистической революции, «отлучить» большевистскую партию от рабочего класса, буржуазная историография прибегает к приему дробления революционных сил, к концепции, которую можно условно назвать концепцией «автономных потоков». Д. Кармайкл, указав на размах движения солдат, крестьян, рабочих России накануне Октября, заявляет: «Большевики, конечно, использовали эти три движения максимально искусно и со значительной долей успеха, но по своей сути эти три движения возникли независимо от большевиков и были безразличны к их действительным политическим целям»¹¹³. «Пролетариат, крестьянство и солдаты — все боролись за разные и не всегда совпадавшие цели», — утверждает Т. Улдрикс¹¹⁴. Иными словами, концепция «автономных потоков» отказывает рабочему классу и его революционному авангарду в способности привлечь на свою сторону крестьянство, трудящихся угнетенных национальностей. В обстановке, когда буржуазная историография Октябрьской революции растет вширь, а в круг исследуемых вопросов вовлекаются новые, не рассматривавшиеся ранее вопросы, эта концепция служит оправданным пунктом при освещении революции на местах, в национальных районах и т. д.

Между тем нет никаких ни теоретических, ни фактических оснований обособливать, изображать «автономными» составные части сил социалистической революции. В советских исследованиях показано, что для прочного союза рабочего класса и трудящегося крестьянства России в 1917 г. имелись экономические, социальные и политические предпосылки¹¹⁵. «Партия большевиков, опираясь на союз рабочего класса и крестьянства, смогла объединить и направить к единой цели различные революцион-

ные потоки: социалистическое движение рабочего класса за свержение буржуазии, революционную борьбу крестьянства против помещиков, национально-освободительное движение за равноправие народов, всенародное требование мира и прекращения кровавой империалистической войны»¹¹⁶.

Рассматривая предысторию и историю рабочего движения в России, буржуазные ученые стремятся преуменьшить, свести к минимуму ту революционную роль, которую русский пролетариат сыграл в борьбе за разрушение старого и создание нового мира. Согласно писаниям Г. Маркузе, позиция рабочего класса в октябрьских событиях была «пассивной», а активный элемент в них был представлен «революционной элитой» и крестьянскими массами. С особым усердием проводил эту линию Р. Абрамович, поставивший под вопрос пролетарский характер революции и объявивший, что она совершена в то время, когда «трудящиеся столицы были только пассивными зрителями»¹¹⁷. А. Рабинович писал о «явной летаргии большого числа петроградских рабочих и солдат»¹¹⁸. С. Посони в этой связи задавал риторический вопрос: «А было ли это вообще действительно восстанием? Рабочие оставались на своих местах, не было классовых забастовок. Красная гвардия играла незначительную роль»¹¹⁹. К этому же приему прибегает и А. Улам¹²⁰.

Предвзятость этих утверждений видна уже из того факта, что именно рабочие составляли ядро большевистской партии*, активно участвовали в деятельности Советов. Из 673 депутатов районных Советов Петрограда, о социальном составе которых имеются сведения, 409 (или 60,8 процента) были рабочими¹²¹.

Восстание в Октябре было логическим продолжением уже начавшихся классовых выступлений пролетариата. Стачки и демонстрации готовы были вылиться в вооруженное восстание гораздо раньше, и только партия удерживала массы от преждевременного выступления. «...Повсюду замечается тяга к практическим результатам: резолюции уже не устраивают»¹²², — подчеркивал Н. Скрыпник, говоря о настроениях в фабзавкомх Петрограда.

В «Письме к товарищам», написанном на следующий день после расширенного заседания ЦК РСДРП(б), 17 октября 1917 г., Ленин подчеркивал, что для успеха

* Подробнее об этом см. следующий раздел.

Восстания необходимо сочетание сознательной, твердой и непреклонной решимости передовых рабочих биться до конца с сосредоточенно-отчаянным настроением широких масс, которые «чувствуют, что полумерами ничего теперь спасти нельзя...»¹²³. Такое сочетание в октябре 1917 г. было налицо. Сам ход восстания полностью подтвердил правильность ленинской оценки и не оставил камня на камне от рассуждений о «пассивности и апатии» масс. Об этом говорит активное участие рабочих, солдат, матросов в вооруженном восстании. Начиная восстание в Петрограде, партия пролетариата опиралась на вооруженную силу рабочих, матросов, солдат, которые насчитывали (как отмечалось выше) не менее 300 тыс. бойцов¹²⁴. И это только вооруженных бойцов! Резервы же революции были поистине неисчерпаемы.

Благодаря энергичным и решительным действиям Военно-революционного комитета, ударному натиску Красной гвардии, революционных войсковых частей в Петрограде и отрядов моряков Кронштадта, всей подготовительной работе партии в армии, правильному выбору срока успех восстания был обеспечен.

Как известно, в свершении революции и установлении Советской власти большую роль сыграли вооруженные красногвардейские отряды рабочих. К 20 октября 1917 г. в Красной гвардии Петрограда состояло не менее 23 тыс. человек. К 1 ноября численность Красной гвардии достигла 32 тыс., а к середине ноября — 40 тыс. человек. Основным ядром Красной гвардии были рабочие-металлисты (74,6 процента), среди других профессий заметную прослойку составляли химики (7), деревообделочники (5,3), обувщики и кожевники (3 процента). Около половины красногвардейцев на 1 января 1918 г. были членами РСДРП(б). Члены других партий составляли в петроградской Красной гвардии лишь около 3 процентов (практически это левые эсеры и меньшевики-интернационалисты)¹²⁵. В Москве накануне Октября насчитывалось не менее 12 тыс. красногвардейцев, а в ходе боев в Красную гвардию вступили тысячи новых рабочих (всего было вооружено около 25 тыс. человек)¹²⁶. В целом к осени 1917 г. Красная гвардия насчитывала свыше 200 тыс. человек.

Таким образом, в России наряду с объективными существовали и зрелые субъективные условия революции.

Для победы революции, указывал В. И. Ленин, необходимо, чтобы к объективным причинам присоединилась «способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»»¹²⁷. Эти субъективные условия были налицо в дореволюционной России — они были представлены высокоорганизованным революционным рабочим классом, который возглавляла ленинская партия большевиков, руководствовавшаяся передовой теорией марксизма-ленинизма.

БОЛЬШЕВИКИ В ОКТЯБРЕ И МИФЫ «СОВЕТОЛОГИИ»

В историческом наследии Великого Октября важнейшее место занимает руководящая и направляющая роль большевистской партии. «Великая Октябрьская социалистическая революция одержала победу потому, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — что ее возглавила партия нового типа, созданная великим Лениным, воплотившая в себе революционную энергию самого передового класса современности — рабочего класса»¹²⁸.

Не случайно, что «советология» уделяет самое пристальное внимание истории большевистской партии в период социалистической революции в России.

Общая эволюция буржуазной историографии Октябрьской революции определила различные подходы к истории большевистской партии, ее деятельности по подготовке Великого Октября. В рамках интерпретаций Октябрьской революции, изображающих ее как захват власти группой профессиональных революционеров, связь большевиков с народными массами отрицалась, вопросы тактики, стратегии, организации партии освещались крайне поверхностно, как правило, искаженно. И хотя многие современные «советологические» трактовки роли большевистской партии в Октябрьской революции создают видимость академизма, неверным было бы не видеть глубокого родства старой и новой схем буржуазной историографии.

Преемственность, существующая между отдельными этапами буржуазной историографии большевизма, прослеживается в работах представителей «советологической» историографии, которые в 50-е годы совершали переход от старых концепций к новым (М. Фэнсод, Р. Пайпс, Х. Ситон-Уотсон, Дж. Кип, Г. Робертс и др.). В книгах этих авторов, при преобладании рассуждений о «тоталитаризме», «элитизме», «заговорщической» структуре большевистской партии, уже муссируются тезисы о «склонности» большевиков к анархизму, о «перманентном расколе» в их рядах и т. д., которые были положены в основу «новых» концепций А. Улама, Т. фон Лауэ, Р. Уэйда, Р. Макнила, Д. Гейера и др.

Ныне, как и ранее, буржуазные авторы в искаженном виде преподносят читателям рассматриваемые ими аспекты борьбы большевиков за победу социалистической революции, что является следствием непризнания буржуазной историографией закономерности Великого Октября, его народного характера. Буржуазная историография отрицает тесную связь партии большевиков с рабочим классом, с трудящимися массами, не признает научность марксистско-ленинской политики большевиков, искажает принципы и формы строительства партии, неверно толкует роль В. И. Ленина в достижении победы.

Конечно, определенные изменения в буржуазной историографии большевизма, как и в целом в историографии русских революций, произошли и происходят. Но эти изменения не распространяются на социально-классовое существо концепций. Значительно расширился круг рассматриваемых проблем, более изощренной стала система аргументации, однако в основном за счет «доводов» из арсенала антипартийных элементов. Признавая в ряде случаев (как уже отмечалось) силу и действенность большевистской партии, величие В. И. Ленина как политического деятеля, эффективность лозунгов большевиков, буржуазная историография отнюдь не изменила классового подхода к проблеме роли большевиков в Октябре 1917 г.

Доминирующей в современной буржуазной историографии остается группа «академических», университетских «советологов». Вместе с тем с начала 70-х годов происходит активизация псевдолевых исследователей большевистской партии. Характерным примером может служить статья Т. Улдрикса, опубликованная в одном из

журналов, претендующих быть радикальными. Статья названа «Толпа в русской революции: к переоценке природы революционного руководства». Автор признает значимость опыта Октябрьской революции, указывая, что «теории революции, как правило, базируются на событиях 1917 г.», и предлагает свой «теоретический вклад» в данной связи ¹²⁹.

Однако при ближайшем рассмотрении «радикальные» критические разработки Т. Улдрикса оказываются весьма близкими типично буржуазным концепциям. Автор, не задумываясь, относит большевиков к «элите», заявляет о принципиальной несовместимости интересов народных масс с политикой и целями коммунистов. В сущности его «теория революции» служит целям контрреволюции. Опыт Октябрьской революции показал обратное тому, о чем пишет Улдрикс, — руководство рабочим классом, трудящимися массами со стороны большевистской партии является залогом победы социалистической революции.

Исходя из имеющейся исторической литературы целесообразно выделить ряд вопросов, по которым наиболее интенсивно осуществляются идеологические атаки «советологии» на всемирно-историческую роль партии Ленина в Великом Октябре: тему «партия и массы», вопросы стратегии и тактики большевистской партии в предоктябрьский период, ее организационное построение ¹³⁰.

Уже в своих первых работах, отрицая влияние большевиков в массах рабочего класса, буржуазная историография делала акцент на некую «заговорщицкую деятельность» в вооруженных силах страны, политику «разложения армии». «Большевики, — писал еще в 1919 г. английский историк Г. Уильямс, — быстро осознали, что лучшее их оружие — дезорганизация армии... Дезорганизация армии поэтому определила ход революции» ¹³¹. Фактически на таких же позициях длительное время стояла ревизионистская историография, с первых же дней Октября объявив его «солдатским заговором». О живучести этой легенды говорит тот факт, что 50 лет спустя Р. Абрамович утверждал, будто бы «именно на солдатах вместе с матросами строил Ленин всю свою стратегию» ¹³².

Одним из постоянных атрибутов подобной схемы стали спекуляции относительно происхождения «Приказа № 1», имевшего большое значение для демократизации армии. Еще в 30-е годы буржуазный английский историк Б. Пэрс

писал, будто проект этого приказа был разработан в Германии. «Я слышал позднее от одного служащего архива, — заявлял он, — что подлинник был датирован днем до революции и что его считали пришедшим извне, другими словами, от противника»¹³³.

Можно было бы не упоминать об этой версии, если бы она периодически не пускалась в ход в идеологической борьбе. Упорно старается обнаружить «неувязки» в возникновении этого приказа Дж. Катков¹³⁴. В 1970 г. некий П. Ковалевский вновь объявил: «Знаменитый приказ № 1 отменил всякую дисциплину в армии. Он распространялся в миллионах экземпляров. Его точное происхождение неизвестно, как и обстановка, в которой он возник. Но его эффект был катастрофическим»¹³⁵. Как видим, уже 60 лет упорно игнорируются давно опубликованные достоверные исторические данные.

Этот вопрос (если называть лишь новейшие работы) подробнейшим образом исследован И. И. Минцем, Э. Н. Бурджаловым, В. И. Миллером и др.¹³⁶ Добавим, что и среди буржуазных историков раздаются фактические опровержения вымыслов о «Приказе № 1». Д. Бойд, полемизируя с теми, кто утверждал, будто некие внешние силы приложили руку к «Приказу», писал: «Нет никаких свидетельств, что вмешательство какой-либо политической партии до дебатов в Совете оказало реальное влияние на положения приказа; нет также никаких свидетельств, что общие принципы (содержавшиеся в приказе, утвержденном дебатами в Совете) были позднее скольконибудь существенно изменены»¹³⁷. Ряд версий, распространяемых о большевиках сторонниками «теории заговора», подверг критике американский историк А. Сенн¹³⁸.

И тем не менее английские «советологи» Д. Катков и Г. Шукман в одной из последних работ вновь вытаскивают на свет тезис о «разложении» большевиками армии в целях-де «устранения главного препятствия» на «пути к власти»¹³⁹. «Большевики были намерены разрушить дисциплину в армии», — писал со своей стороны английский автор Д. Лоуренс. «Большевистская пропаганда продолжала разлагать моральное состояние и подрывать дисциплину» в вооруженных силах, утверждал американец А. Мазур¹⁴⁰.

Кто действительно разлагал русскую армию? На этот вопрос советская историческая наука дала ясный ответ.

«Разложение армии, выразившееся в падении дисциплины, в отказе солдат воевать, в бегстве с фронта и т. п., началось задолго до революции, — отмечает на основании тщательного исследования исторического материала И. И. Минц. — Но ни царизм, ни буржуазия ничего не сделали, чтобы остановить этот процесс. Они оставили армию раздетой, разутой, почти безоружной... Именно это и вызывало разложение армии. Элементы разложения армии были заложены в ее классовой основе»¹⁴¹.

Что касается большевиков, то цель и содержание их политической работы в армии заключались в привлечении ее большинства на сторону пролетариата, в сплочении солдатских и матросских масс вокруг рабочего класса в единую политическую силу революции¹⁴². Если при Временном правительстве разложение армии прогрессировало, то главная причина этого заключалась в антинародной сущности внутренней и внешней политики Временного правительства, в кризисе старой армии как орудия эксплуататорских классов. (Характерно, что высокую боеготовность продемонстрировали как раз «большевизированные» части¹⁴³.) Показательно, что отдельные буржуазные авторы в последнее время ревизуют высказывания своих коллег о политике большевиков в отношении вооруженных сил. Так, М. Либман объясняет эффект пропаганды большевиков в армии ее соответствием настроениям солдатских масс¹⁴⁴.

Еще с 20-х годов усилиями эмигрантов в буржуазную историографию был внедрен тезис о политике большевиков в марте — октябре 1917 г. как серии заговоров в бланкистской традиции. До настоящего времени в западной литературе встречаются утверждения о трех политических кризисах периода двоевластия (особенно об июльских событиях) как попытках большевиков заговорщическим путем захватить власть¹⁴⁵.

Выше мы уже говорили о противоположности между марксизмом и бланкизмом. Как подчеркивал В. И. Ленин, «посредством жупела «бланкизм» буржуазия хочет принизить, опорочить, оклеветать борьбу народа за власть»¹⁴⁶. Ленинское определение восстания как искусства в корне отличается от мелкобуржуазного революционаризма. Оно четко указывает совокупность объективных и субъективных предпосылок, необходимых для победоносного восстания. Вместе с тем В. И. Ленин неодно-

кратно отмечал, что отказ от вооруженного восстания в условиях, когда оно вполне созрело, равносителен измене делу рабочего класса ¹⁴⁷.

Говоря о «попытках» большевиков свергнуть правительство в июле 1917 г., современная буржуазная историография в сущности пытается доказать то, что стремилась доказать специальная комиссия Временного правительства. Известно, что сделать это ей не удалось. В. И. Ленин в этой связи указывал: «Несмотря на все усилия буржуазии и правительства, несмотря на аресты сотен большевиков, захват их бумаг, документов, обыски в редакциях и пр., — несмотря на все это не удалось и никогда не удастся доказать ту клевету, будто наша партия ставила какую-нибудь иную цель движению 3—4 июля кроме «мирной и организованной» демонстрации с лозунгом передачи всей власти в государстве Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» ¹⁴⁸.

Важным звеном в рассуждениях сторонников теории «заговорщической ориентации» большевиков выступает их интерпретация корниловщины. Отсюда повышенное внимание к истории корниловщины со стороны буржуазной историографии ¹⁴⁹. В версиях ряда буржуазных авторов корниловщина выступает как основной фактор, «открывший» большевикам путь к власти. «Для большевистского дела неудавшийся путч Корнилова был божьим даром, который более чем компенсировал их июльские потери», — заявлял Д. Шуб. «Мятеж генерала открыл Ленину путь к власти», — писал бывший меньшевик В. Войтинский ¹⁵⁰.

Эта версия, несостоятельная во всех своих звеньях, полностью игнорирует прочную связь большевистской партии с рабочим классом, солдатами и матросами, которая нашла выражение еще до июльских дней в преобладании большевиков во многих районных Советах Петрограда, а также в Советах по всей стране, в рабочих секциях многих Советов, в том числе в столице, в фабрично-заводских комитетах, на Всероссийской конференции профсоюзов и т. д.

Большевистская партия в рассматриваемый период вовсе не исчезла с политической арены, не утратила своего влияния, как это утверждают некоторые буржуазные историки ¹⁵¹. И до корниловщины не прекращался быстрый и устойчивый рост рядов партии, ее влияния в мас-

сах, что подтверждают, в частности, выборы в органы местного самоуправления (думы) в июле—августе 1917 г. На этих выборах число голосов, поданных за большевиков, заметно возросло по сравнению с выборами в местные Советы в мае—июне 1917 г. На выборах в Петроградскую городскую думу большевики получили 33,5 процента голосов, в Риге—44, в городах Московской губернии—20 процентов и т. д.¹⁵² Достаточно посмотреть также выступления делегатов VI съезда большевистской партии, говоривших о положении партийных организаций после июльских событий, познакомиться с анкетами делегатов VI съезда. В этих анкетах, в частности, содержался вопрос о том, как повлияли июльские события на партийные организации. В подавляющем большинстве случаев (из 69 заполненных анкет) делегаты съезда сообщали, что больших негативных последствий для большевиков июльские события не имели. В отдельных организациях (5) имели место случаи выхода из партии незначительного числа членов. Июльские события, по оценке советских историков, вызвали своеобразную «партийную неделю», когда пролетариат, осознав грозящую своей партии опасность, еще теснее сплачивался вокруг нее¹⁵³.

Характерно, что американский историк У. Розенберг, с помощью ЭВМ обработавший данные о результатах местных выборов в июле—августе 1917 г., пришел к неожиданным для себя результатам. Оказалось, что июльские события вопреки распространенной в буржуазной историографии точке зрения отнюдь не отразились негативно на влиянии большевиков в массах. У. Розенберг пишет: «Этот эпизод (июльские события. — Авт.) привел далеко не к уменьшению влияния большевиков, как это принято считать»¹⁵⁴.

Показательно также, что некоторые буржуазные историки ныне выступают против распространенной на Западе тенденции недооценивать влияние большевиков в массах. «Западные исследования революции в основном игнорировали нижние уровни политической власти, существовавшие в 1917 г.»¹⁵⁵, т. е. массы и их организации, сетовал в данной связи американский историк Р. Уэйд. Много пишет о массах, их организациях в своей последней работе Дж. Кип.

Эти частичные признания не меняют существа дела. Буржуазные исследователи рассматривают борьбу трудя-

щихся масс России, большевистской партии за социалистическую революцию с методологически несостоятельных позиций. Об этом свидетельствует широкое использование в новейшей буржуазной историографии терминов и концепций из арсенала сторонников теорий «элиты», «тоталитаризма», которые определяли лицо «советологической» литературы об Октябрьской революции в 40—60-е годы. Так, уже упоминавшийся Т. Улдрикс приписывал большевикам свойства некой элитной организации, а советским историкам — подход с «элитарных позиций» к народному движению в 1917 г.¹⁵⁶ Т. фон Лауэ в оценках большевистской партии 1917 г. неизменно называл ее «тоталитарной» и т. д.¹⁵⁷

Суть «нового» приема буржуазной историографии заключается в следующем: признание некоторых бесспорных исторических фактов используется для того, чтобы дать неверную, искаженную картину общего развития событий. С одной стороны, ряд современных авторов отмечают наличие мощного движения революционных масс, поддержки большевиков со стороны трудящихся, не отрицают того, что в лозунгах большевистской партии были отражены требования народа. С другой — как это ни парадоксально — отстаивание большевиками требований масс буржуазные авторы пытаются истолковывать как конъюнктурный прием с целью захвата власти. Так, Х. Ситон-Уотсон утверждает, будто большевики завоевывали большинство народа на свою сторону с помощью «безграничной демагогии»¹⁵⁸. Р. Уэйд пишет: «...главным желанием районных Советов была не большевистская революция, а энергичные действия, которые могли бы решить проблемы страны путем организации структуры власти советской демократии в столице»¹⁵⁹. Иными словами, буржуазные авторы берут на вооружение лозунг контрреволюции — власть Советам... но без революции, без большевиков¹⁶⁰.

Последовательно отстаивая экономические и политические требования народных масс, большевики не переставали разъяснять, что осуществление этих чаяний может дать только власть Советов, диктатура пролетариата. Так, говоря о способе осуществления лозунга мира, В. И. Ленин указывал: «...надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо... разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кон-

чить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала»¹⁶¹. Аналогичным образом обстояло дело и с выполнением других требований трудящихся. Народные массы на собственном опыте убедились в том, что их насущные проблемы возможно решить только на пути, указываемом большевиками.

Советская историческая наука, которая в последние годы уделяет большое внимание раскрытию причин краха буржуазных и мелкобуржуазных партий России¹⁶², показала, в частности, неправомочность попыток «советологии» утверждать, что эти партии представляли некую альтернативу «демократическому решению» чаяний народных масс. Пришедшая к власти в феврале 1917 г. буржуазия, укрепив свой союз с помещиками, по своей классовой природе не могла замахнуться на интересы крупных собственников, выйти из империалистической войны, ликвидировать эксплуатацию. Соглашательские партии, политика которых определялась экономической неустойчивостью мелкой буржуазии, ее колебаниями между пролетариатом и буржуазией, исходили из тезиса о «революционных возможностях» буржуазии, которая в действительности была контрреволюционной. Своим социал-шовинизмом они привязали себя к империалистам. На этом пути мелкобуржуазные партии не могли не потерять доверие трудящихся масс, разойтись с массами во всех решающих вопросах революции, скатиться на контрреволюционные позиции.

Характерно, что при общей задаче — поиске меньшевистской, эсеровской либо анархистской «альтернативы» большевизму — буржуазные авторы в итоге своих изысканий довольно невысоко оценивают шансы каждой из этих партий. «...Победа большевиков и поражение эсеров были вполне естественными»¹⁶³, — пишет американский «советолог» О. Рэдкли. П. Шайберт, как уже говорилось, замечает: «Возможно, что перед лицом полярностей (читай: острых классовых противоречий. — Авт.) в слабо развитом обществе России при слабости среднего слоя у «умеренных» действительно не было шансов»¹⁶⁴.

Классовая революционная политика, всесторонне обоснованная В. И. Лениным, работа в гуще народа позволяли большевистской партии обращаться к массам с четкими лозунгами, обеспечивавшими поддержку масс, их сплочение вокруг большевистской партии. «Ясность про-

граммных установок и последовательность в их проведении позволили большевикам высвободить из-под влияния соглашательских партий меньшевиков и эсеров значительную часть шедших за ними людей, привлечь на свою сторону большинство трудящихся, сформировать политическую армию социалистической революции»¹⁶⁵, — подчеркивается в тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Характерной чертой буржуазной историографии большевизма является замалчивание многих принципиально важных моментов, без которых стратегию и тактику партии в 1917 г. оценить невозможно. Буржуазная историография стремится конструировать разного рода «разрывы» между взглядами В. И. Ленина до 1917 г. и после Февральской революции, изобразить политическую линию большевиков в 1917 г. в виде «непрерывных поворотов», отрицать строго научный, марксистский характер большевистской политики, приписывая ей разного рода мелкобуржуазные «заимствования» и т. п. При этом, как правило, игнорируются огромная работа В. И. Ленина по развитию теории социалистической революции, проделанная в годы мировой войны¹⁶⁶, коллективные решения партии по вопросам стратегии и тактики, принятые на VII (Апрельской) конференции и VI съезде РСДРП(б), труды В. И. Ленина, написанные в 1917 г.

Так, А. Улам, Р. Макнил, Р. Дэниэлс, касаясь политики большевиков в России в марте 1917 г., по существу ставят знак равенства между ними и соглашателями¹⁶⁷. Чтобы придать этому утверждению сколько-нибудь убедительный вид, они выдают за общепринятую линию большевистских организаций различные оппортунистические «платформы»¹⁶⁸. Особенно активизировались в последние годы попытки противопоставлять позицию В. И. Ленина позиции... ленинской партии.

Эти утверждения буржуазных идеологов абсолютно несостоятельны. Несмотря на определенные трудности в выработке партией политического курса в послефевральских условиях¹⁶⁹, ничего общего между позицией большевистской партии и антиленинскими группировками и соглашательскими партиями не было. Об этом говорят все документы и деятельность большевиков в 1917 г.

Партия была воспитана В. И. Лениным в духе непримиримости к оппортунизму, ревизионизму и соглашательству. Никакого разрыва между большевистскими организациями в России и В. И. Лениным не было и не могло быть. Большевики руководствовались в своей революционной деятельности ленинским учением, ленинской теорией социалистической революции. Партия решительно отклонила антиленинскую позицию оппортунистов.

Хорошо известно, что уже 16 апреля петроградская конференция большевиков подавляющим числом голосов приняла ленинскую резолюцию, в которой конкретизировались положения Апрельских тезисов¹⁷⁰. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) все резолюции, развивавшие ленинскую программу, приняла также подавляющим большинством.

Никакого разрыва между Апрельскими тезисами и другими работами великого теоретика и вождя революции не существует. Сформулированная еще в 1894 г. в первой ленинской крупной работе стратегическая цель — **«победоносная коммунистическая революция»**¹⁷¹ — была закреплена в Программе РСДРП, развита в теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, в учении об империализме, в важнейшем положении о соединении борьбы за социализм с борьбой за демократию, за национальное освобождение и т. д. Пути достижения этой стратегической цели были конкретизированы, связаны с планом создания основ социалистического общества накануне Великой Октябрьской революции.

Несостоятельность буржуазных домыслов об «идейном перевооружении» партии в апреле 1917 г. обнаруживается также и в свете того факта, что основные положения ленинских работ послефевральского периода были сформулированы до Февральской революции. Так, о замене буржуазного парламентаризма Советами, о восстании как искусстве, о непосредственном, практическом характере агитации за социализм и за социалистические преобразования и т. д. В. И. Ленин писал в январе — феврале 1917 г.¹⁷²

Не соответствуют действительности утверждения антикоммунистических авторов о наличии каких-то мелкобуржуазных (в частности, анархистских) заимствований в ленинской теории государства¹⁷³. Хорошо известно, что

В. И. Ленин подвергал резкой критике мелкобуржуазные, анархистские представления о государстве и революции. В книге «Государство и революция» великий вождь рабочего класса развил марксистское учение о государстве, подчеркнул возрастающую роль Коммунистической партии в процессе борьбы рабочего класса за выполнение своей исторической миссии. «Воспитывая рабочую партию, — писал В. И. Ленин, — марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии»¹⁷⁴.

В своих работах (начиная с тезисов «Политическое положение»), написанных с июля до середины сентября 1917 г., В. И. Ленин неоднократно ставил перед партией задачу вооруженного восстания¹⁷⁵. Этот курс был одобрен VI съездом партии. В резолюции «О политическом положении» съезд постановил, что пролетариат «должен направить все усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих — против буржуазии... Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки...»¹⁷⁶

К середине сентября 1917 г. сложились объективные условия для выдвижения задачи непосредственных действий с целью взятия власти вооруженным путем. Налицо был и общенациональный кризис, и глубокий массовый подъем, и поворот бедноты города и деревни к революционному пролетариату и его авангарду, выразившийся в ускоренной большевизации Советов, — все то, о чем писал 10 июля 1917 г. Ленин, что записано в резолюции VI съезда РСДРП(б).

Выводы писем «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» были всесторонне обоснованы В. И. Лениным в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и других трудах. В них показано, что именно с середины сентября 1917 г. стало необходимым сделать лозунг взятия власти путем вооруженного восстания практическим лозунгом дня. Поэтому так реши-

тельно В. И. Ленин поставил задачу подготовки восстания перед партией, ее Центральным Комитетом, приложил максимум сил и энергии для успеха восстания. Ленинский курс был поддержан партией. Однако вопреки фактам истории буржуазные авторы вновь прибегают к тезису о «сопротивлении» партии Ленину — на сей раз на «материале» писем В. И. Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», их обсуждения в ЦК большевиков 15 сентября.

Как буржуазная историография излагает письма В. И. Ленина и их обсуждение в ЦК? О содержании писем говорится, что Ленин будто бы требовал немедленного восстания, в частности требовал арестовать Демократическое совещание¹⁷⁷. Подлинный текст ленинских писем показывает, что это утверждение является грубым искажением. В. И. Ленин писал о сроке восстания: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами*»¹⁷⁸. Не призывал В. И. Ленин и к аресту Демократического совещания. В тексте письма речь идет лишь об окружении Александринского театра, где заседало Демократическое совещание¹⁷⁹. Игнорируя документ — протокольную запись хода заседания ЦК 15 сентября, буржуазные авторы поднимают на щит действия оппортунистов — Каменева, Зиновьева, Троцкого.

К первым дням октября точка зрения В. И. Ленина нашла поддержку большинства членов ЦК. 27—28 сентября 1917 г. Московское областное бюро партии (руководившее работой 13 губернских организаций большевиков) приняло решение о подготовке вооруженного восстания, о чем 3 октября его представитель информировал Центральный Комитет. В резолюции пленума Московского областного бюро РСДРП(б) подчеркивалось, что «ЦК партии должен взять ясную и определенную линию на восстание»¹⁸⁰. 5 октября 1917 г. ЦК принимает решение о бойкоте Предпарламента. Речь шла о подготовке восстания. Таким образом, 5 октября стало ясно, что большинство членов ЦК поддерживают требования В. И. Ленина. В этот же день курс на вооруженное восстание был поддержан Петербургским комитетом партии большевиков¹⁸¹.

Ко времени исторического заседания ЦК 10 октября

1917 г. партия определенно высказалась за проведение вооруженного восстания. Отдельные его противники находились в изоляции. После 10 октября в партии прошло несколько десятков конференций городских, областных, военных и других большевистских организаций. Они голосовали за взятие власти Советами. Таким образом, в решениях ЦК большевиков 10 и 16 октября 1917 г. была четко выражена воля партии. Противники восстания — политические банкроты Каменев и Зиновьев, аргументы которых сейчас повторяет буржуазная историография, оказались разбитыми. Победил ленинский курс на восстание. Он был основан на научном анализе создавшихся объективных и субъективных условий и соответствовал чаяниям народных масс, тесно связанных с большевистской партией. Партия большевиков, руководствуясь ленинским планом, осуществила требования времени, требования народа.

Непременным элементом фальсификации деятельности большевиков в октябре 1917 г. являются, как мы видели, бездоказательные рассуждения об «элитарности» и даже «тоталитарности» партии¹⁸². В последние годы этот фальшивый тезис дополняется новой, «плюралистической» теорией. «Традиционное мнение о большевиках как крепко сколоченном, обладающем железной волей меньшинстве... мало соответствует действительности»¹⁸³, — объявил на конференции «советологов» в Гарвардском университете А. Улам. Как утверждал А. Рабинович: «В период быстрого роста требования к вступающим в партию были практически сняты, чтобы добиться в кратчайшее время воинствующей поддержки масс»¹⁸⁴. С. Коэн изобразил большевистскую партию как «договорную федерацию групп, группировок, фракций и «тенденций»»¹⁸⁵.

Говоря об этих тезисах (которые по сути представляют заимствования из концепций троцкистов и других оппозиционеров), следует отметить, что буржуазная историография не приводит (поскольку не может привести) в их подтверждение никаких вразумительных доводов. Политическое значение терминов «фракция», «группировка» предполагает наличие сформулированной платформы, организационных шагов, особой линии и т. д. Выступления оппортунистов типа Каменева, Зиновьева, Троцкого, маскировавших свой небольшевизм, симптомы

«левизны», что и пытаются выдать за фракции буржуазные авторы, хотя и представляли определенную реальную опасность, были единичными, изолированными явлениями. Так, например, было с попыткой Каменева выставить свою «платформу» в противовес ленинским Апрельским тезисам. В ходе подготовки общепартийной конференции камневская позиция обнаружила полную идейную несостоятельность, и Каменев не осмелился выступить со своей платформой на VII Всероссийской конференции в апреле 1917 г.

Проявления «левизны» в дни апрельского, а затем июльского кризисов партия преодолела как единый, сплоченный коллектив¹⁸⁶. Как уже отмечалось, единство и монолитность партии продемонстрировали VII (Апрельская) Всероссийская конференция и VI съезд РСДРП(б). Так, на VI съезде резолюции по важнейшим вопросам были приняты практически единогласно при единицах воздержавшихся¹⁸⁷. Ленинский курс на вооруженное восстание одержал полную победу в ЦК партии: противники восстания были изолированы, партия поддержала и успешно осуществила ленинский план вооруженного восстания.

Вопреки утверждениям «советологов» о «плюрализме» ленинская партия выступала в Октябре как монолитный коллектив. В партию принимались лучшие представители трудящихся, решение о приеме утверждали на собраниях¹⁸⁸. Партия принимала меры по дальнейшему улучшению состава своих рядов. Сошлемся, например, на решения Бюро ЦК по организационным вопросам, в частности требование двух рекомендаций, введение единого партийного билета и др.¹⁸⁹ Дальнейшее развитие эти принципы и нормы получили в общепартийном Уставе, принятом VI съездом РСДРП(б), в документах по строительству партийных организаций в Петрограде, Москве и других городах¹⁹⁰.

Делегаты Апрельской конференции, VI съезда партии, члены Центрального Комитета РСДРП(б) представляли собой ленинскую партийную гвардию. Так, у делегатов VI съезда РСДРП(б) средний стаж партийной работы составил 10 лет, из которых 8,3 года пришлось на работу в большевистских организациях¹⁹¹. Другими словами, на съезде были представлены партийные кадры, вступившие в партию в годы первой русской революции и прошедшие

большую ленинскую школу руководства борьбой масс. Преемственность, устойчивость ядра партии, как доказала подготовка и проведение Великого Октября, были надежной гарантией от фракционности, групповщины, шатаний и авантюризма.

Важным фактором сплоченности и единства большевиков было постоянное внимание большевиков к классовому составу своих организаций. Опорными пунктами большевистской партии явились крупные промышленные предприятия Петрограда, Москвы, других пролетарских центров. Известно, что большевистская партия в 1917 г. на 60 процентов состояла из рабочих, а в Петрограде рабочие составляли до 80 процентов членов большевистских организаций¹⁹². Практические результаты классового подхода к приему в партию сказались на самых острых, критических поворотах революции. События Октября 1917 г. со всей очевидностью продемонстрировали, что ленинская партия выступала как монолитный коллектив, крепко связанный с рабочим классом, с трудящимися массами.

«СОВЕТОЛОГИЧЕСКИЕ» ЛЕГЕНДЫ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ И ИНТЕРВЕНЦИИ

Отмечая высочайшую организованность, сознательную дисциплину, сплоченность вокруг Коммунистической партии, революционную бдительность рабочего класса, всего трудового народа в борьбе против вооруженного, политического и идеологического сопротивления внутренней и внешней реакции, постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» подчеркивает: «Весь ход борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами показал, что революция может закрепить свою победу только в том случае, если она умеет защищаться»¹⁹³.

Проблеме умения революции защищать свои завоевания буржуазные идеологи уделяют значительное внимание. Это и понятно. По словам А. Улама, «достижения большевиков в 1917 г., как бы велики они ни были, все же бледнеют в сравнении с той огромной задачей, которую они решили в последующие пять лет»¹⁹⁴. Но, признав, что большевики после прихода к власти решили задачи колоссальной трудности, Улам пытается объяснить это...

«отказом от социалистических и коммунистических доктрин», постепенным возвращением к традиционным для России «авторитарным» методам управления. Именно здесь к «советологической» интерпретации истории Октябрьской революции теснейшим образом примыкает фальсификация истории гражданской войны и иностранной интервенции. Важно при этом отметить, что если в событиях кануна 1917 г. буржуазные авторы стремятся отыскать «рецепт» против назревающей революции, то, исследуя непосредственно послеоктябрьский период, они ищут в нем альтернативу факторам «выживания», факторам утверждения и стабильности системы, рожденной Великим Октябрем.

Зарубежная буржуазная литература о гражданской войне и интервенции весьма обширна. Правда, до недавнего времени центральное место в ней отводилось рассмотрению второго аспекта указанной проблемы, а именно истории иностранной интервенции. Но в настоящее время замечается усиление интереса к событиям преимущественно гражданской войны, т. е. борьбы сил пролетарской революции против внутренней контрреволюции. Причина этого очевидна.

Развитие революционного движения и национально-освободительной борьбы в современном мире все чаще приводит к вооруженным классовым столкновениям. В 1972 г. в США вышел сборник статей «Гражданские войны XX в.». Цель сборника заключается в том, чтобы, выявив «типы внутриобщественных конфликтов», попытаться извлечь необходимые социальные и политические выводы для выработки соответствующей стратегии. Отсюда и рост внимания к гражданской войне в России, которая, по словам американского историка Р. Уорса, является «наиболее значительной из всех гражданских войн XX в.»¹⁹⁵.

Есть, впрочем, более конкретные причины усиления интереса буржуазных авторов к истории гражданской войны в нашей стране. Некоторые «советологи» отмечают, что чрезмерное внимание к теме иностранной интервенции может создать впечатление, что победа большевиков была победой не столько над внутренней контрреволюцией, сколько над мировым империализмом, а подобное впечатление может-де способствовать целям советской историографии, так как поддерживает концепцию непобедимо-

сти Советской власти¹⁹⁶. Кроме того, изображая длительную кровопролитную гражданскую войну неизбежным следствием Октября, буржуазная историография продолжает свою тему фальсификации глубоко народного характера социалистической революции в России.

Говоря конкретно о новых «советологических» работах по истории гражданской войны, следует отметить растущий интерес буржуазной историографии к событиям, происходившим в лагере борцов за Советскую власть. Об этом, в частности, свидетельствуют опубликованные на Западе статьи о средствах и методах массовой агитации в Советской республике в годы гражданской войны и интервенции, о строительстве Красной Армии, о ленинском руководстве страной в период гражданской войны и др.

Но все же в центре внимания зарубежной историографии по-прежнему остается антисоветский лагерь. В 1970 г. появилась работа П. Аврича о контрреволюционном кронштадтском мятеже 1921 г.¹⁹⁷ Примечательно, что в ней в целях изображения кронштадтских мятежников некими наследниками традиции «стихийного восстания против бюрократического деспотизма» автор несколько неожиданно предстает перед читателем чуть ли не в роли... «апологета» Октябрьской революции! Так, он пишет о «высоких идеалах революции», «народных идеалах Октября» и т. д. Но все это делается для того, чтобы протащить троцкистскую идейку о «перерождении» большевиков, о превращении их в «административную элиту».

Аврич утверждает, что кронштадтский мятеж был никем не подготовленным «стихийным» выступлением, цель которого заключалась якобы в восстановлении «попраных» демократических лозунгов революции. Но материалы, содержащиеся даже в его собственной книге, опровергают это положение. Аврич, в частности, признает связь мятежников с белоэмигрантскими, антисоветскими центрами, что лишний раз свидетельствует о контрреволюционном характере кронштадтских событий¹⁹⁸.

Тезисы, развитые в книге П. Аврича, весьма примечательны для новейшей буржуазной историографии: антикоммунисты готовы даже «признать» революцию, но революцию не реальную, не ту, которая привела к установлению диктатуры пролетариата, а некую «демократическую», «плюралистическую» революцию, открывающую возможность для «тихой контрреволюции». С таких же

фальшивых позиций поиска «третьего пути» написана книга американского историка О. Рэдки об антоновщине, вышедшая в 1976 г. В. И. Ленин еще в 1921 г. разоблачил классовую суть подобного рода концепций. «Все равно, — писал он, — вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное, — а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним, как делали в Сибири по отношению к Чернову и Майскому, как делали в Венгрии по отношению к венгерским Черновым и Мартовым, как делали в Германии по отношению к Каутскому, в Вене по отношению к Фр. Адлерам и К^о. Этих мещанских Нарциссов — меньшевиков, эсеров, беспартийных — настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать»¹⁹⁹.

В 1971 г. в США и Англии вышли две монографии, посвященные истории гражданской войны в России. Преподаватель Калифорнийского университета П. Кенез написал книгу о Добровольческой армии в 1918 г. Обосновывая тему, Кенез разъясняет, что в 1918 г. юг России явился своего рода «микрокосмосом» гражданской войны в целом, воплотившим в себе все ее характерные черты. Именно поэтому, по его убеждению, рассмотрение истории Добровольческой армии в 1918 г. позволяет сделать некоторые общие выводы, в том числе и относительно причин поражения белогвардейщины. Они, с точки зрения Кенеза, заключались главным образом в том, что белогвардейские лидеры — генералы, хотя и придерживались «высоких идеалов», были плохими политиками, не сумевшими сплотить под знаменем антибольшевизма всех его противников, оказались не в состоянии сформулировать «позитивные цели» войны. Показательно, что большевистское руководство в годы гражданской войны Кенез оценивает как «энергичное и гибкое». Именно поэтому, заключает Кенез, «белое дело, доверенное посредственным лидерам», «не имело хороших шансов»²⁰⁰.

Между тем история белогвардейщины показывает, что политическим вопросам ее лидеры уделяли немало внимания. Суть дела состоит в том, что в обозе Добровольче-

ской армии (как, впрочем, и других белогвардейских войск) находились политические банкроты, чьи реставрационистские «программы» и лозунги были отвергнуты широкими трудящимися массами еще в период подготовки и проведения Октября. Напротив, политика большевистской партии и Советского правительства опиралась на полную поддержку трудящихся классов, что и придавало ей энергию и гибкость, обеспечило ее успех. Но именно это-то и не хотят признать буржуазные авторы.

Автор другой монографии «Белые генералы» Р. Лакетт также абстрагируется от классового характера гражданской войны, по существу, как и Кенез, сводя ее к противоборству двух политических группировок. Поворот масс в ту или иную сторону (а следовательно, и конечный результат борьбы) в его трактовке зависел не столько от их классового сознания, сколько от политического и организационного мастерства «лидеров» этих групп. Именно в этой решающей области, подчеркивает Р. Лакетт, белые генералы уступали советским руководителям. Предпочитая военное решение политическому, они на протяжении гражданской войны «жертвовали политической консолидацией ради соблазна немедленных военных побед», а потому и потерпели поражение²⁰¹.

При всей антинаучности трактовки гражданской войны указанными и некоторыми другими авторами необходимо отметить ряд знаменательных признаний, встречающихся в их работах. Так, например, Р. Лакетт, П. Кенез и другие пишут о политическом гении В. И. Ленина как руководителя. Сила Ленина, подчеркивает Лакетт, заключалась в том, что он обладал способностью «видеть намного дальше военных проблем» и «подчинять военную точку зрения политической». Ленин был бесспорным руководителем в гражданской войне, он координировал решение всех важнейших (в том числе и стратегических) проблем в соответствии с определенной политической целью. Лакетт признает большую роль, которую сыграли в формировании Красной Армии и ее боевых действиях партийные кадры. Он вынужден сделать вывод, что «решающим фактором в войне было существование и организаторская деятельность большевистской партии».

Но, несмотря на эти признания, Лакетт отвергает объективную обреченность российской контрреволюции, отрицает активную поддержку народом строя, рожденного

Октябрем. В конечном счете он рассматривает поражение белых как следствие личных качеств их вождей — носителей, по его словам, «идей Февраля», «Учредительного собрания»²⁰², что не имеет ничего общего с историческими фактами²⁰³.

Конечно, по тактическим соображениям Колчак, Деникин и другие белые деятели размахивали лозунгом Учредительного собрания и твердили о «непредрешении» будущего государственного строя России. На деле, подчеркивал В. И. Ленин, «Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской...»²⁰⁴.

Известно, что после победы Великой Октябрьской революции международный империализм выступил организатором вооруженной борьбы против Советской республики. Империалистическая интервенция США, Германии, Англии, Франции, Японии и других государств принесла неисчислимые бедствия и страдания нашему народу. Именно это вмешательство извне придало гражданской войне длительный, кровопролитный характер. Но атаки международного империализма, выступившего в поддержку свергнутых эксплуататорских классов, были отбиты, дело революции победило.

Буржуазная историография дает весьма тенденциозную интерпретацию действительной картины событий. Так, ряд западных авторов стремится представить контрреволюционное вмешательство в дела Советской России как «бескорыстную помощь», а интервентов-империалистов как «искренних друзей» русского народа. Например, У. Чемберлин в книге «Русская революция» пытался возложить вину за интервенцию на советскую сторону, пространно разглагольствуя о будто бы враждебных действиях Советской республики по отношению к Западу²⁰⁵.

Характерно, что в ряде работ критикуются государственные деятели Запада того времени за то, что им не удалось предотвратить Октябрьскую революцию. Так, Р. Уорс в книге «Союзники и русская революция»²⁰⁶ отмечал, что правительство США недостаточно эффективно поддерживало Временное правительство. В результате этого произошла революция, и власть в России была захвачена радикальными элементами. Сходный тезис можно найти в работах Дж. Кеннана 50-х годов²⁰⁷.

Некоторые буржуазные историки критикуют правящие круги капиталистических стран за то, что они не использовали популярный среди народов России лозунг мира, а «упрямо требовали от правительства Керенского продолжения участия России в войне». «Возникает вопрос, — подчеркивал Кеннан в 1956 г., — не ускорили и не облегчили ли правительство США... и союзники падение Временного правительства тем, что настаивали на продолжении Россией войны и ставили свою поддержку ему в зависимость от этого»²⁰⁸. Об этом писал и Уорс: «В существующих условиях заключение мира было логичным и необходимым. Перед союзниками стоял выбор: с хорошей миной примириться с этим или же бороться против заключения мира и тем самым оттолкнуть от себя русский народ»²⁰⁹. Буржуазные авторы упорно пытались убедить читателя, что Октябрьская революция будто бы «не закономерна» и при достаточно гибкой политике западных правительств ее удалось бы предупредить.

Особые усилия буржуазной историографии направлены на то, чтобы снять с правящих кругов империалистических стран ответственность за развязывание интервенции. Интервенция против Советской России, писал Кеннан, была глупостью от начала до конца. Вместе с тем он утверждал, что интервенция будто бы не представляла собой серьезную попытку со стороны союзников задуть Советскую власть. Ф. Шуман хотя и признал, что западные державы стремились «удушить коммунизм в России», но тут же оговаривался: «угроза коммунизма» для Запада была не мифом, а реальностью. В этом свете позиция западных держав в отношении революционного движения русских рабочих и крестьян, писал он, была вполне «понятна и оправдана», ибо «с самого начала действия комиссаров убедили западных государственных деятелей, что с подобным режимом никакое сосуществование невозможно».

Каковы же эти действия? В подтверждение своей позиции Ф. Шуман упоминает об опубликовании Советским правительством тайных соглашений царского правительства с другими империалистическими державами²¹⁰. Однако Шуман не в состоянии объяснить, каким образом раскрытие агрессивных планов империалистов в советских публикациях могло служить препятствием к миру. Известно, что Советское правительство делало все воз-

можное для нормализации своих отношений с другими странами.

Стремясь затушевать реакционно-классовый характер курса империалистов на уничтожение первого в мире государства рабочих и крестьян, буржуазные историки настойчиво проводят мысль, что основным фактором, определявшим «русскую политику союзников», были-де стратегические соображения, связанные с войной, которую эти державы вели тогда против Германии, а вовсе не контрреволюционные цели. Отметив, что западные правительства встретили Октябрьскую революцию с «беспокойством и негодованием», Дж. Кеннан писал, что если бы мир не находился в разгаре большой войны, которая тогда достигла критического развития, и если бы большевики не начали свои внешнеполитические дела с издания декрета, объявляющего, в сущности, «выход России из рядов антигерманской коалиции, выводы западных политиков были бы возможно иными. Но при тогдашней обстановке революция в Петрограде с самого начала рассматривалась в западных странах главным образом в ее отношении к ходу войны»²¹¹.

Продолжая эту же линию, Кеннан писал, что США и их союзников главным образом беспокоила возможность установления германского господства в России. Сама интервенция выглядит у него не попыткой удушения власти рабочих и крестьян, а военной мерой против... Германии. В трактовке ряда буржуазных авторов империалисты предприняли интервенцию не в целях борьбы против первого в мире социалистического государства и его идей, а в интересах восстановления Восточного фронта²¹². Побудительным мотивом интервенции союзников, утверждает Р. Улмэн, было удержать Россию в состоянии войны с Германией²¹³. Данный тезис повторяется в работе Дж. Бринкли по истории гражданской войны и интервенции и в книге Дж. Томпсона о так называемой русской политике западных держав²¹⁴.

Но что же враждебного западным государствам нашли буржуазные историки в Декрете о мире, ясно предлагавшем «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом и демократическом мире», мире без аннексий и контрибуций?²¹⁵ Только отказ правительств США, Англии, Франции откликнуться на призыв Советской России вынудил Совет-

ское правительство согласиться на переговоры с Германией и заключение тяжелого Брестского мира²¹⁶.

«Именно англо-французская и американская буржуазия, — указывал в своем «Письме к американским рабочим» В. И. Ленин, — не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затила империалистскую бойню!

Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннексионистский и насильственный Брестский мир!»²¹⁷

Утверждение об исключительно антигерманской направленности интервенции настолько фальшиво, что его не принимают всерьез и некоторые буржуазные историки. Так, Р. Уорс без обиняков пишет, что «большинство влиятельных деятелей как в правительстве (США. — *Авт.*), так и вне его считали большевиков гораздо более опасными врагами, чем немецких плутократов, против которых, как предполагалось, шла война»²¹⁸. Знаменательно, что в своей более поздней работе Дж. Кеннан опроверг себя, заметив, что обвинения против капиталистических держав в стремлении уничтожить Советскую власть «не лишены оснований»²¹⁹.

Необходимо, естественно, отличать политику империалистов от позиции прогрессивных кругов капиталистических стран. Противоборство с вооруженными силами империализма и белогвардейщины советские рабочие и крестьяне вели при интернациональной поддержке международного пролетариата, трудящихся всего мира.

Истинное отношение широких народных масс капиталистических стран к Октябрьской революции выразилось в мощном движении поддержки дела рабочих и крестьян Советской России против империалистической политики интервенции. Так в декабре 1917 г. на большом митинге в Сиэтле американские рабочие приняли решение о поддержке российского пролетариата и выражали надежду, что «недалеко то время, когда мы сумеем на деле доказать нашу пролетарскую солидарность». Они обязались «распространять правдивые сведения» об Октябрьской

революции и ее декретах²²⁰. Свое сочувствие народам России трудящиеся других стран выражали в массовых петициях протеста, в демонстрациях солидарности, в отказе грузить оружие для интервентов. Интернациональная солидарность трудящихся прошла историческую проверку в огне социалистической революции. Именно об этом и умалчивают буржуазные историографы.

Остановимся вкратце еще на одном аспекте темы антисоветской интервенции в буржуазной историографии — о причинах краха попыток капиталистических держав задуть молодую Советскую республику. Пытаясь приуменьшить исторический подвиг рабочих и крестьян России, которые под руководством большевиков разгромили внутреннюю и внешнюю контрреволюцию и проложили человечеству пути в новую эру, некоторые буржуазные исследователи писали о недостаточности военных, экономических и политических усилий западных держав как об одной из основных причин неудачи попыток изменить ход русской и мировой истории. Мы уже упоминали о критике Дж. Кеннаном американской политики в «русском вопросе» за недальновидность и неэффективность. Дж. Бринкли также утверждает, что главные причины неудачи борьбы против Советской власти кроются в недостаточной помощи капиталистических держав контрреволюционным силам²²¹. Дж. Томпсон со своей стороны заявлял, что правительство США будто бы отказалось участвовать в «идеологическом крестовом походе» против большевизма, а американские войска в России придерживались-де нейтралитета в гражданской войне²²².

Историческая правда показывает несостоятельность утверждений буржуазной историографии о позиции империалистических кругов по отношению к новому строю, возникшему в России в результате Великой Октябрьской революции. Советские историки на основе большого документального материала доказали, что основной целью интервенции было стремление уничтожить первое в мире государство трудящихся и что империализм приложил немало усилий к этому²²³. О масштабах империалистической интервенции свидетельствуют следующие цифры. Так в феврале 1919 г. численность иностранных войск в России составила 130 тыс. человек. В портах Черного моря присутствовало 3 линкора, 11 крейсеров, 12 миноносцев и значительное число других иностранных военных

кораблей. Интервенты имели в своем распоряжении большое количество военной техники и оружия.

Как отмечал В. И. Ленин, «англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти...»

Англо-японские капиталисты хотят восстановить власть помещиков и капиталистов в России, чтобы вместе делить добычу, награбленную в войне, чтобы закабалить русских рабочих и крестьян англо-французскому капиталу, чтобы содрать с них проценты по многомиллиардным займам, чтобы потушить пожар социалистической революции, начавшийся у нас и все более грозящий перекинуться на весь мир»²²⁴.

Таким образом, факты опровергают «советологические» концепции истории гражданской войны и иностранной интервенции. Главными, решающими факторами победы Советского государства явились его глубокие корни в народных массах, героизм рабочих и крестьян, Красной Армии в защите завоеваний революции, международная пролетарская солидарность, руководящая роль Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным.

В свете исторических фактов очевидна беспочвенность попыток «советологов» трактовать Великий Октябрь как «исключительное», «чисто русское» явление, обвинять большевиков в забвении марксизма и даже в отрыве от масс. Великая Октябрьская социалистическая революция — не случайный, «специфически-локальный» феномен истории. Она явилась ярким выражением как российских, так и общемировых закономерностей исторического процесса. «Великая Октябрьская социалистическая революция, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 года, — явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитализма»²²⁵.

Идеи Октября живут и торжествуют в создании развитого социалистического общества в СССР, в развитии мирового социализма, в широком размахе рабочего движения, в подъеме национально-освободительной борьбы, в реализации ленинской Программы мира. Марксизм-ленинизм стал властителем дум сотен миллионов людей, коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную силу современности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свой 60-летний юбилей Великий Октябрь предстает во всей грандиозности события, открывшего новую эпоху в истории человечества — эпоху перехода от капитализма к социализму. «Шестидесятилетие Октября, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г., — является важной вехой в жизни советского народа, в развитии всего мирового освободительного движения. Наша страна, все прогрессивное человечество встречают эту знаменательную дату под знаком новых побед социализма, учения Маркса, Энгельса, Ленина, идей пролетарского интернационализма, ярко демонстрирующих свою великую революционно-преобразующую силу»¹.

Бурное развитие революционного процесса в России способствовало стремительному ускорению истории, общественного прогресса, темпа происходящих в XX в. перемен. Применительно к Октябрю с особенной очевидностью раскрывается смысл определения Марксом революций как «локомотивов истории».

Главное событие XX в. не могло не породить и действительно породило огромную историческую литературу, поток которой в последнюю четверть столетия не уменьшается, а растет, что является дополнительным свидетельством неувядающей злободневности темы Октября, его предыстории и последствий.

В. И. Ленин писал, что о международном значении Великой Октябрьской социалистической революции можно говорить в двух смыслах: в более широком, относительно «воздействия ее на все страны», на ускорение истории, и в более узком, имея в виду «международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас...»². Раз-

витие мирового революционного процесса, победа социалистических революций в различных странах земного шара подтвердили марксистское положение о наличии общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, начатого Великим Октябрем.

Реальный процесс социальных перемен в динамичную послеоктябрьскую эпоху оказывает воздействие и на буржуазную историографию, чьи негативные оценки Октября как «специфически русского феномена» были до недавнего времени преобладающими. В буржуазной историографии делались и делаются попытки противопоставить революционному процессу в России в начале века какие-либо события из далекого прошлого (например, буржуазные революции XVIII в.), выдать некоторые последствия влияния Октября (например, развитие национально-освободительного движения в колониях и полуколониях) в качестве «самодовлеющего феномена» современной эпохи.

Еще в 1968 г. западногерманский историк Д. Гейер рассуждал о том, что «представление об эпохальном значении 1917 года в последней трети XX века все более и более идет на убыль... русская революция больше не проблема новейшей истории, а процесс, относящийся к проблемам заверченного прошлого»³. Ныне даже коллеги Д. Гейера характеризуют его оценку как безнадежный анахронизм. «Успокаивающие заявления, что «призрак уже не бродит по Европе», — писал западногерманский историк Х. Яблоновский, — несомненно преждевременны. Октябрьская революция и ее последствия все еще являются проблемой, с которой мы должны вести противоборство в наших собственных интересах»⁴.

Интерес к русским революциям XX в., отмечается в предисловии к одному из вышедших в США сборников статей, «еще более значителен и злободневен в связи с тем, что революции происходили и, вероятно, будут происходить в разных частях света, особенно в развивающихся странах»⁵. В этих словах, возможно невольно, высказывается причина, по которой буржуазная общественная мысль вынуждена заниматься историей Октября, — продолжающееся воздействие идей социалистической революции в России на современный мир. Актуальность Октября, его идей и свершений подчеркивают французские историки М. Ферро и Р. Жиро: «После взятия власти

Советами в 1917 г. история СССР непосредственно затрагивает нас, и ничто из истории старой России для нас уже не безразлично. Октябрьская революция, коммунистический режим, рождение нового общества настолько приковывают к себе внимание, что вплоть до сегодняшнего дня их противники и их приверженцы исследуют их истоки, их трансформации, их успехи и неудачи»⁶. Еще более показательным высказыванием Х.-В. Крона в его предисловии к книге В. Леонхарда: «Почти за 60 лет после ленинского революционного переворота в России коммунизм развился в великое мировое движение»⁷. Октябрьская революция — «величайшая из современных революций»⁸, — пишет С. Коэн.

Всемирно-историческое значение Октября вынуждало и вынуждает буржуазную историографию к интенсивным поискам «ответа» на основной идеологический вызов эпохи, ставит перед буржуазными историками задачу соответствующей концептуальной оценки переломных событий XX в. Основная стратегическая цель буржуазных идеологов при подходе к проблеме российских революций, как неоднократно отмечалось в данной работе, исказить смысл воздействия их на всемирно-исторический процесс, преуменьшить их массовый, народный характер, расчленить революционный процесс в нашей стране, противопоставить революции 1905—1907 гг., Февраля 1917 г. Великому Октябрю. При этом идеологические цели буржуазной историографии переплетаются с чисто практическими. «Нет более крупного аспекта в истории XX века, чем вопрос о том, как коммунисты захватывают власть и почему они в некоторых случаях терпят неудачу», — пишет Т. Хэммонд и тут же добавляет, что «революцией, которая все это начала и сделала возможными другие (подобные революции. — Авт.), было, конечно, взятие власти большевиками в России»⁹. Буржуазная наука обращается к опыту истории в попытках выработать сколько-нибудь эффективную стратегию борьбы против мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений.

Великий Ленин предупреждал: «Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»¹⁰. Конечно, сегодняшний империализм уже давно не тот, каким он был в период написания этих чеканных строк. Его

идеологические «мундиры» порядком пообтрепались, а попытки буржуазных апологетов приукрасить фасад обветшавшего здания капитализма не выдерживают испытания временем. Империализм бессилён вернуть утраченную им историческую перспективу, восстановить прежние позиции. Однако терпя неудачи в историческом соревновании с социализмом, империалистические стратегии пытаются организовать идеологическое контрнаступление.

Позитивные сдвиги в международной обстановке, разрядка напряженности создают благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма. Но, с другой стороны, идеологическое противоборство двух систем становится все активнее, империалистическая пропаганда — все изощреннее.

«В борьбе двух мировоззрений, — подчеркивал в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев, — не может быть места нейтрализму и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»¹¹. В постановлении ЦК КПСС указывается на необходимость «вести аргументированную критику буржуазной идеологии, право- и «лево»-ревизионистских концепций, разоблачать различного рода фальсификаторов истории, пытающихся умалить международное значение Октябрьской революции, пути, пройденного нашей партией и народом, давать решительный отпор антикоммунизму и антисоветизму, оппортунизму всех мастей...»¹².

В попытках «научно» опровергнуть марксизм-ленинизм, противостоять растущему идейному влиянию всемирно-исторического опыта советского народа, свершившего Великую Октябрьскую социалистическую революцию и достигшего вершин развитого социализма, особенную активность, как мы видели, проявляет «советологическая» историография.

«Советология» была организована и развивалась на Западе в качестве комплексной области исследований, охватывающей несколько самостоятельных отраслей знания: историю, философию, право, экономическую науку, социологию, искусствоведение и т. п. Причем именно исторические исследования заняли в ней доминирующее место, прежде всего ввиду громадного воздействия успе-

хов, достигнутых советским народом под руководством Коммунистической партии, на все мировое развитие. Буржуазная историография стремится опровергнуть общемировое значение опыта пролетарской революции и строительства социализма в нашей стране. Искажая прошлое, реакционные историки пытаются доказать, будто осуществление марксистско-ленинской теории на практике противоречит «естественному» ходу общественного развития, является якобы насилием над историей, цивилизацией, народами, личностью.

«Советология» возникла и развивалась в эпоху перехода от капитализма к социализму, в обстановке углубления общего кризиса капитализма. Великая Октябрьская социалистическая революция, до основания потрясая старый мир, поколебала основы и буржуазной исторической науки. «Все более и более становится ясным, — признал американский «советолог» Р. Такер, — что коммунизм является по своей сути не локальным явлением, а такой формой общества или цивилизации, которая может распространяться и укрепляться практически в любой части света, когда условия тому благоприятствуют»¹³. От прежней уверенности идеологов буржуазии в незыблемости капиталистических порядков до этих заявлений — дистанция огромного размера. Историческая бесперспективность капитализма вынуждала и вынуждает его защитников к активным поискам контраргументов в борьбе против марксистско-ленинской концепции всемирно-исторического процесса.

Развитие и оснащение идеологического и политического арсенала «советологии» привело к существенному расширению масштабов ее деятельности. Современная «советология» — это обширный политико-академический комплекс с весьма значительными возможностями для распространения своих теорий и концепций. Десятки научно-исследовательских центров и институтов во многих капиталистических странах, десятки периодических изданий, тысячи книг и статей — таков в материальном выражении итог деятельности «советологии». Гораздо труднее определить результат ее влияния. Созданная для обслуживания идеологии и политики антикоммунизма, «советология» оказалась заинтересованной в сохранении породившей ее атмосферы, и ее акции в немалой степени содействуют этому. «Советология» — один из главных по-

ставщиков идей и аргументов для реакционных антисоветских сил за рубежом, стремящихся перечеркнуть позитивные перемены в международных отношениях, вернуть мир к временам «холодной войны». Не случайно, что не только прогрессивные круги, но и реалистически мыслящие буржуазные политики характеризуют деятельность «советологии» как препятствие на пути международной разрядки и сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами.

Свою политико-идеологическую функцию буржуазная историография трех революций в России осуществляет в тесной связи с общей эволюцией буржуазной идеологии, с процессом приспособления ее к реальностям времени. Глубокий кризис буржуазной идеологии вынуждает стратегов антикоммунизма к перестройке всей системы идеологических мифов, чтобы спасти их от полной девальвации. Причем следует отметить, что антикоммунизм проявлял и проявляет значительную изворотливость, умение быстро реагировать на изменения в «этом быстро меняющемся мире».

Западная историография революционного процесса в России в XX в. прошла две фазы в своем развитии, водоразделом которых служат 60-е годы. Первая фаза перекликалась с общей стратегической линией империализма на уничтожение новой социально-экономической формации, возникшей в результате Октября, с помощью силы извне. В этот период доминирующей политико-теоретической основой концептуальных оценок предыстории и истории Октября явилась доктрина «тоталитаризма». Для буржуазной «советологической» литературы данного периода характерны концепции «случайности», «незакономерности» Октябрьской революции, социалистических революций в других странах. Социализм изображался как «монолитно-тоталитарный», «экспортирующий революцию» и угрожающий Западу строй. В исторической литературе делались бесчисленные попытки убедить читателя в «неизменном, иррациональном начале» в истории России и СССР.

Вторая фаза, начавшаяся в обстановке постепенной «эрозии» жесткой конфронтации, развития движения к разрядке, характеризуется универсальным использованием в «советологических» конструкциях теорий «конвергенции» и «модернизации», выдвиганием доктрины «отста-

лости» как условия совершения социалистической революции. Однако четкие временные контуры не прервали воздействие теоретического арсенала, выработанного в первой фазе, на современное развитие буржуазной историографии. Концептуальные структуры, возникшие на основе доктрины «тоталитаризма», не только сосуществуют в нынешней буржуазной историографии с «конверсионистскими» концепциями и с теорией «модернизации», но и образуют вместе с последними некие промежуточные «теоретические модели» революционного процесса в России в XX в.

Процесс приспособления буржуазной историографии к реальностям международной обстановки усилился в последние годы в связи с борьбой прогрессивных сил за мир, разрядку и сотрудничество стран, принадлежащих к различным социально-экономическим системам. Особенно модифицированной тактики буржуазной идеологии является отбор и модернизация старых буржуазных теорий и концепций, в том числе возникших еще в период «холодной войны», а также выдвижение новых, которые на деле часто являются лишь ловкой перелицовкой прежних антикоммунистических положений. Характерно, что ныне в поисках аргументов «советология» гораздо чаще обращается к писаниям не только правых, но и «левых» оппортунистов. Речь идет фактически о создании единого идейно-политического фронта антикоммунизма, реформизма и ревизионизма в борьбе против СССР, социалистического содружества, политики мира и дружбы между народами.

Как мы отмечали в настоящей работе, отрицание всемирной значимости российских революций XX в. в буржуазной историографии опирается на ее общую методологическую посылку — стремление представить эпохальные события начала века в России в качестве специфического, локального, чисто русского явления. В плане этой установки революционная борьба народных масс России, российского пролетариата рассматривается либо как стихийный бунт в «чисто русской традиции», либо как запоздалый вариант западноевропейских революций. При этом часто искажаются как общен исторические, так и конкретные особенности каждой из трех революций. Особые усилия предпринимаются, чтобы перечеркнуть народный характер всех революций, затушевать роль в них рабоче-

го класса и трудящегося крестьянства, громадное значение боевой марксистской партии нового типа. В соответствии с версией о неподготовленности страны к социалистической революции буржуазные историки в различных вариантах проводят идею о «незрелости», «отсталости» российского рабочего класса. Буржуазные исследователи односторонне характеризуют российский рабочий класс, подчеркивают элементы стихийности, затушевывают рост его сознательности, ставят под вопрос его революционные традиции, выкованные под руководством большевиков. Акцентируя мотив «отсталости», они вульгаризируют формы и особенности рабочего движения в России.

Игнорируя гегемонию рабочего класса в революциях 1905—1907 гг. и Феврале 1917 г., буржуазные историки преуменьшают его роль и в Великом Октябре. Некоторые авторы силятся доказывать, будто российский пролетариат «враждебно относился» к социализму, являлся «политически индифферентным». Однако исторические факты, материалы о рабочем движении, имеющиеся в советских публикациях, отвергают тезисы буржуазных «экспертов» о политической пассивности и незрелости российского пролетариата, показывают руководящую роль рабочего класса и его ленинской партии во всех трех революциях в России.

Под давлением реальной действительности, необходимости полемики с марксистской историографией многие буржуазные авторы вносят коррективы в свою позицию. Некоторые западные историки вынуждены признать рабочий класс как активную силу в революциях.

Важное место в идеологических конструкциях западной историографии занимают концепции о «незакономерности» революции 1905—1907 гг. и Великого Октября, об отсутствии историко-логической связи между ними и Февральской революцией 1917 г. В буржуазной литературе бытует тезис о «навязанных» (посредством интенсивной политической агитации) революциях 1905—1907 гг. и Октября 1917 г. Особенно распространен тезис о «случайности», «незакономерности» Октябрьской революции. В связи с этим активно дискутируется вопрос о возможности для России пройти путь экономической и социальной модернизации без революционных взрывов. Реакционные «советологи» заявляют, что Россия вполне могла осуществить начавшуюся после реформ 60-х годов XIX в.

«мирную модернизацию», минуя социалистическую революцию, если бы руководящие деятели страны и «активные социальные элементы» смогли «прийти к соглашению друг с другом».

В соответствии с классово обусловленной логикой сторонников идеи «альтернативы» революционного взрыва не произошло бы, если бы правящие круги страны смогли быстро приспособиться к условиям XX в. Буржуазные идеологи заявляют, что в 1900-е годы в стране имело место движение к конституционному правлению, дальнейший его этап составил 1905 г., развитие событий не предвосхищало Октябрь 1917 г. Смысл этих и подобных приемов буржуазной историографии состоит в том, чтобы объявить революционный процесс в России, завершившийся Великим Октябрем, исторически незакономерным и поэтому «ненужным» для страны.

Однако при «плюралистичности» современной буржуазной историографии в ней можно обнаружить и другие точки зрения. Выступая против концепции «мирной модернизации», ряд авторов отмечали ошибочность мнения, что «во всех основных областях русской жизни между революцией 1905 г. и началом первой мировой войны происходил процесс политической и социальной стабилизации, который, если бы ни чрезвычайные трудности, вызванные войной, спас бы Россию от революции или по крайней мере от перемен, последовавших за завоеванием власти большевиками»¹⁴. Характерно, что в некоторых последних «советологических» работах признается массовая народная поддержка Великой Октябрьской социалистической революции, партии большевиков, возглавляемой Лениным. В вышедшей в 1976 г. книге «Большевики приходят к власти» А. Рабинович отмечает существование «динамического взаимоотношения» между руководством партии, ее членами и массами, соответствие тактики партии преобладающим настроениям масс¹⁵. Со своей стороны Л. Шапиро пишет в рецензии на эту книгу: «...большинство историков в целом согласны, что в Петрограде (и в ряде других городов) большевики имели значительную народную поддержку или, по меньшей мере, благоприятный нейтралитет»¹⁶.

Появление на Западе все большего числа книг по истории Октябрьской революции, разработка наиболее острых, с точки зрения буржуазных идеологов, проблем

революционного движения в России, специальные меры по координации работы (создана и действует особая группа «советологов» Запада по изучению Октябрьской революции)¹⁷ — все это говорит об активизации буржуазной историографии в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Отличительной чертой развертывающейся идеологической кампании являются попытки наиболее реакционных кругов в буржуазной историографии использовать юбилей величайшего события XX в. в целях антисоветской пропаганды. Если брать самые ходовые тезисы самых последних «советологических» работ, то обращает на себя внимание использование давно разоблаченных домыслов, историографических мифов вроде клеветнической выдумки о «пломбированном вагоне». Показательно, что на выход книги М. Пирсона «Пломбированный вагон» журнал «советологов» «Славик ревью» отозвался рецензией М. Хедлина, который дал весьма нелестную оценку научного уровня книги, отметив некритическое использование автором материалов и выдвижение «сомнительных и натянутых» интерпретаций. И тем не менее эта явно фальсификаторская работа рекомендовалась как «популярное введение в 1917 г.»¹⁸.

В концепционном плане некоторые западные авторы новейших работ вновь прибегают к «теории ошибок». Дж. Кип, например, резко нападает на меньшевиков и эсеров за их неспособность к эффективной борьбе против большевиков¹⁹. Вместе с тем он обвиняет Временное правительство в неумении применять достаточно жесткие меры против революционных сил²⁰, хотя известно, что в реальной обстановке 1917 г. оно не раз пыталось прибегать к насилию, но неизменно терпело неудачу. Тот же автор, объявив корниловщину самым главным событием Октябрьской революции²¹, всю свою книгу строит так, что о реальности контрреволюции можно только догадываться. Со своей стороны Л. Шапиро апологетически называет генерала Корнилова «простым солдатом», отнюдь не являвшимся контрреволюционером²².

Характерно, что Дж. Кип, Л. Шапиро и другие авторы вновь пытаются активно пропагандировать «тоталитаризм» в качестве «модели» понимания истории и «природы» революционного движения в России. В данной связи ими подвергается критике теория «модернизации». «Кон-

цепция модернизации, о которой следует сказать ввиду ее растущей популярности, является крайне проблематичной и скорее мешает, чем способствует, пониманию процесса экономических перемен»²³, — считает А. Гершенкрон. Показательна также безудержная реклама наиболее консервативных книг по истории трех революций в России.

В этих и других акциях буржуазной историографии очевиден глубокий кризис буржуазной исторической мысли, ее неспособность понять существо всемирно-исторического значения Октябрьской революции. Данное обстоятельство вынуждены признавать сами «советологи».

Еще в 1929 г. немецкий историк М. Смиг-Бенарио писал: «...вышедшие до сих пор исторические труды (речь идет о работах по истории Октября, изданных в капиталистических странах. — *Авт.*)... или неполны, или... явно политически пристрастны и тенденциозны»²⁴.

Десять лет спустя эмигрантский историк В. Маклаков так оценил западную историографию 1917 г.: «...многое из того, что мы сейчас называем «развесистая клюква», было сфабриковано нами для целей политической борьбы»²⁵.

В 1944 г. Л. Страховский отметил, что большинство вышедших на Западе работ по советской истории «не следовало писать или публиковать»²⁶.

Подобные оценки не изменились и в последние годы. «Полвека спустя исследование русской революции все еще находится в детском возрасте, и ученые не уверены в явлениях, проявившихся в марте 1917 г., стоя в растерянности перед ними»²⁷, — подчеркивает В. Медлин. «У нас все еще нет всестороннего анализа событий 1917 г.»²⁸, — заключает Дж. Кип. Таков итог методологической несостоятельности буржуазной историографии, ее тенденциозной идеологической ориентации.

С первых дней победы Советской власти враги Октября как справа, так и «слева» пытались подорвать влияние его идей. Сотни книг, отравленных клеветой и ненавистью, были написаны с этой целью. Напрасные усилия. Великий Октябрь 1917 г. как яркий маяк продолжает притягивать к себе умы и сердца людей.

Шесть десятилетий, прошедших со времени победы пролетарской революции в России, убедительно продемонстрировали огромное значение Октября для судеб народов нашей страны, трудящихся всего мира. Оно с пре-

дельной четкостью охарактеризовано в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». В нем указывается, что народы России, авангардом которых был рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, свергнув власть буржуазии и помещиков, героически преодолевая неимоверные трудности, построили в своей стране общество развитого социализма. Развитой социализм — это общество реального гуманизма, общество освобожденного труда, подлинной, а не декларируемой демократии, действительной свободы личности, самой передовой науки и культуры, общество социального оптимизма и равноправных отношений между народами. **«Социалистическая организация экономической, политической и духовной жизни, — подчеркивается в постановлении, — показала, что только социализм открывает путь решения самых важных и неотложных общечеловеческих проблем современности»**²⁹.

Величие завоеваний Октября, их всемирно-исторический характер с течением времени раскрываются все глубже и рельефнее. Октябрь дал могучие импульсы всем отрядам международного рабочего движения, открыл новые возможности и перспективы для развертывания национально-освободительной борьбы в колониальных и полуколониальных странах, он стоял у истоков тех глубоких, всеохватывающих социальных изменений, которые произошли, происходят и будут происходить на земном шаре.

Великие революционные свершения, подчеркивал В. И. Ленин, доказывают жизненность и силу своего влияния на человечество тем, что до сих пор возбуждают яростную ненависть реакции³⁰. Что бы ни писали реакционные историографы, им не удастся отвратить массы от идей марксизма-ленинизма, идей Октября, остановить мировой революционный процесс. Поиски *post factum* буржуазной либо ревизионистской «альтернативы» социалистической революции не могут быть успешными, поскольку они противоречат основным объективным закономерностям современной эпохи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 306.

² «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 3.

³ R. Daniels. Ed. The Russian Revolution. Englewood Cliffs, 1972, p. V.

⁴ J. Billington. Six Views of the Russian Revolution. — «World Politics», 1966, April, vol. 18, N 3, p. 452.

⁵ R. Warth. On the Historiography of the Russian Revolution. — «Slavic Review», 1967, vol. 26, N 2, p. 264.

⁶ R. Daniels. Op. cit., p. 1.

⁷ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года, с. 4.

⁸ Среди них: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966; т. 3, кн. 1. М., 1967; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI. М., 1968; т. VII. М., 1967; И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1—3. М., 1967—1973; К. И. Зародов. Три революции в России и наше время. М., 1975; «Революция 1905—1907 годов в России». М., 1977; «Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М., 1975; «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». М., 1970; Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970; Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. М., 1967, 1973; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., 1966, и др.

⁹ Например, В. Nording. Timeless Problems in History. London, 1970, p. 63.

¹⁰ S. Cohen. Politics and the Past: The Importance of Being Historical. — «Soviet Studies», 1977, January, vol. 29, N 1, p. 138. Эта оценка относится к буржуазной литературе о послеоктябрьском периоде, но ее можно по праву применить и к концепциям трех революций.

¹¹ Критику этой «доктрины» см.: Б. И. Марушкин. История и политика. М., 1969, с. 130—143; Б. В. Федотов. Тоталитарное общество: мифы и реальность. М., 1974; работу историка ГДР Г. Лоцека (G. Lozek. Genesis, Wandlung und Wirksamkeit der imperialistischen Totalitarismus — Doktrin. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1966, N 4), и др.

¹² J. Keep. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. London, 1976, p. 468—470.

¹³ «Soviet Studies», 1964, vol. 16, N 1, p. 63.

¹⁴ I. Deutscher. The Unfinished Revolution. Oxford, 1967; M. Brinton. The Bolsheviks and Workers' Control 1917—1921. London, 1970; M. Liebman. Le leninisme sous Lenine. Paris, 1973, etc.

¹⁵ A. Gerschenkron. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge (Mass.), 1962; Th. von Laue. Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia, 1964; L. Kochan. Russia in Revolution. 1890—1918. London, 1967.

¹⁶ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1974, Dezember, Bd. 22, Hf. 4, S. 625—626.

¹⁷ G. Hosking. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma. 1907—1914. Cambridge, 1973.

¹⁸ S. Cohen. Bukharin and the Bolshevik Revolution. New York, 1973, p. 46.

¹⁹ «Slavic Review», 1976, vol. 35, N 1, p. 134.

²⁰ Например, G. Kennan. Russian Revolution. — «Foreign affairs», October, 1967, v. 46, N 1, p. 2.

²¹ J. Neill, T. Collins. Communism. Why it Is and How it Works. New York, 1964, p. 138; «Soviet Studies», October, 1976, vol. 28, N 4.

²² XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I. М., 1976, с. 99.

²³ N. Heer. Politics and the History in the Soviet Union. New York, 1971.

²⁴ О надеждах, возлагаемых на «высокие качества» молодежи, приходящей в «область советских исследований», говорил в своем выступлении в Американской исторической ассоциации М. Шулман (M. Shulman. The Future of Soviet Studies in the United States. — «Slavic Review», 1970, October, vol. 19, N 3, p. 588).

²⁵ В. С. Васюков, В. И. Салов. Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы. — «Критика буржуазной историографии советского общества». М., 1972, с. 43.

²⁶ «Slavonic and East European Review», 1971, vol. 50, N 118, p. 130. Из последних работ, освещающих различные аспекты этого периода, отметим: «Russia Under the Last Tsar». Ed. by Th. Stavrou. Minneapolis, 1969; «Russia in Transition, 1905—1914. Evolution or Revolution?». Ed. by R. McNeal. New York, 1970; «Russia Enters 20th Century». Ed. by G. Katkov, a. o. London, 1971; G. Hosking. The Russian Constitutional Experiment. Cambridge, 1973; A. Ascher. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.), 1972; S. Galai. The Liberation Movement in Russia. 1900—1905. Cambridge (Mass.), 1973; W. Sablinsky. The Road to Bloody Sunday. Father Gapon and the St.-Petersburg Massacre of 1905. Princeton, 1976.

²⁷ J. Keep. October in Provinces. — «Revolutionary Russia». Ed. by R. Pipes. New York, 1968; R. Pethybridge. The Spread of the Russian Revolution. London, 1972; P. Suny. The Baku Commune. Princeton, 1972; P. Kenez. Civil War in South Russia, 1918. Los Angeles, 1971; R. Luckett. The White generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War. London, 1971; J. Bradley. Civil War in Russia 1917—1920. London-Sydney, 1975; R. C. Elwood. Russian Social Democracy in the Underground. A Study of the RSDRP in the Ukraine 1907—1914. Assen. 1974; R. Radkey. The Unknown Civil War in Russia. Stanford, 1976; J. Keep. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization, etc.

²⁸ I. Deutscher. Heretics and Renegades. London, 1969, p. 109—110.

²⁹ «Против буржуазных фальсификаторов истории КПСС и советского общества. Указатель литературы». Л., 1974.

I

¹ S. Lipset. Revolution and Conterrevolution. Change and Persistence in Social Structures. New York, 1968, p. 27.

² H.-W. Hedinger. The orienpluralismus in der Geschichtswissenschaft. — «Der Methoden- und Theorienpluralismus in den Wissenschaften». Meisenheim a. Glan, 1971.

³ P. Conkin, R. Stromberg. The Heritage and Challenge of History. New York, 1971.

⁴ G. F. Kennan. Russian Revolution. Fifty Years after. Its Nature and Consequences. — «Foreign Affairs», 1967, vol. 46, N 1, p. 2.

⁵ H. Carrere d'Encausse. Une revolution, une victoire. L'Union Soviétique de Lénine à Staline 1917—1953. Paris, 1972, p. 7.

⁶ Эти вопросы нашли весьма подробное освещение в новой монографии В. И. Салова «Историзм и современная буржуазная историография» (М., 1977).

⁷ «Soviet Studies», 1968, vol. 19, N 3, p. 315.

⁸ J. Gregor. A Survey of Marxism. New York, 1965, p. 282.

⁹ R. Nisbet. The Social Philosophers. New York, 1973, p. 292.

¹⁰ H. Drucker. The Political Uses of Ideology. London, 1974, p. 97.

¹¹ J. Lewis. The Marxism of Marx. London, 1972, p. 8, 9.

¹² G. Lichtheim. Marxism: A Historical and Critical Study. New York, 1961.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 49.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40, 43.

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 411.

¹⁶ H. Schleier. Zum Verhältnis von Historismus, Strukturgeschichte und sozialwissenschaftlichen Methoden in der gegenwärtigen Geschichtsschreibung der BDR. — «Probleme der Geschichtsmethodologie». Berlin, 1972.

¹⁷ Критику буржуазной «марксологии» см.: Г. Л. Белкина. Философия марксизма и буржуазная «марксология». Критика западногерманских марксологических концепций генезиса марксистской философии. М., 1972.

¹⁸ J.-L. Dumas. La philosophie d'histoire de Renan. — «Revue de métaphysique et de morale», 1972, N 1.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

²¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 17.

²² R. Bendix. Tradition and Modernity Reconsidered. — «Studies in Society and History», April, 1967, p. 241.

²³ W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960, p. 150, 152.

²⁴ R. Kann. The Problem of Restoration. Berkeley, 1968, p. 139. Еще категоричнее высказывался Р. Такер: «Обобщив исторический опыт Европы и Северной Америки, Маркс выдал его за всемирный процесс» (R. Tucker. The Marxian Revolutionary Idea. London, 1969, p. 111).

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 9.

²⁶ I. Horowitz. Three Worlds of Development. New York, 1966, p. 3.

- ²⁷ «Pattern of Development in Nature, Man and Knowledge. Evolution — Revolution». New York, 1971, p. 111.
- ²⁸ L. Feuer. The Conflict of Generations. New York, 1970, p. 512, 527.
- ²⁹ «Policy and Planning in Higher Education». St. Lucia, 1973, p. 172.
- ³⁰ «The Russian Revolution». Ed. by R. Daniels. Englewood Cliffs, 1972, p. 1.
- ³¹ В. С. Капырин. Процесс общественного развития и «теория стадий» Уолта Ростоу. М., 1967; С. И. Попов. Социал-реформизм: теория и политика. М., 1971; Т. Д. Крупина. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX — начала XX в. — «История СССР», 1971, № 1.
- ³² D. Apter. The Politics of Modernization. Chicago, 1966, p. VII, 1.
- ³³ W. Rostow. The Stages of Economic Growth, p. 1.
- ³⁴ Idem. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971.
- ³⁵ Th. Schieder. Grundfragen der neueren deutschen Geschichte. — «Historische Zeitschrift», 1961, Bd. 192, S. 3—4.
- ³⁶ W. Rostow. The Stages of Economic Growth, p. 10—11; D. Apter. Op. cit., p. 427.
- ³⁷ C. Black. The Dynamics of Modernization. New York, 1966.
- ³⁸ Ibid., p. 67—68.
- ³⁹ Ibid., p. 90—92.
- ⁴⁰ D. Tipps. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective. — «Comparative Studies in soc. a. history», 1973, vol. 15, N 2.
- ⁴¹ «The Transformation of Russian society». Cambridge (Mass.), 1960, p. 661.
- ⁴² Н. Трубецкой. Европа и человечество. София, 1920; Н. Толь. Скифы и гунны. Прага, 1927; Г. Вернадский. Опыт истории Евразии с половины 6-го века до нашего времени. Берлин, 1924; его же. Начертание русской истории. Прага, 1927.
- ⁴³ G. Vernadsky. The Mongols and Russia. New Haven; Idem. The Origins of Russia. Oxford, 1959.
- ⁴⁴ «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». София, 1921, с. 94—95.
- ⁴⁵ H. Kohn. The Mind of Modern Russia. New York, 1955; Idem. Pan Slavism. Notre Dame, 1953.
- ⁴⁶ D. Tomasic. The Impact of Russian Culture on Soviet Communism. Glencoe (Ill.), 1953.
- ⁴⁷ S. Tompkins. Triumph of Bolshevism: Revolution or Reaction? Norman, 1967.
- ⁴⁸ «Survey», 1964, January, p. 154—155.
- ⁴⁹ K. Wittfogel. Oriental Despotism. New Haven, 1957; Idem. Russia and the East: Comparison and Contrast. — «The Development of the USSR». Ed. by D. Treadgold. Seattle, 1964, p. 329.
- ⁵⁰ H. Kohn. Reflection on Colonialism. — «The Idea of Colonialism». New York, 1958, p. 8.
- ⁵¹ R. Daniels. The Nature of Communism. New York, 1962, p. 211.
- ⁵² R. Tucker. Russia, the West and World Order. — «World Politics», 1956, October, p. 6.
- ⁵³ H. Roberts. Russia and the West. — «The Development of the USSR», p. 363; M. Wren. The Western Impact upon Tsarist Russia. Chicago, 1971, etc.

- ⁵⁴ P. Dukes. Russia and the Eighteenth Century Revolution. — «History», vol. 56, N 188, p. 371—386.
- ⁵⁵ A. Gerschenkron. On the Concept of Continuity in History. — «Proceedings of the American Philosophical Society», 1962, June, p. 195, 205.
- ⁵⁶ E. Carr. A History of Soviet Russia, vol. I. London, 1958, p. 3.
- ⁵⁷ M. Wren. The Course of Russian History. New York, 1958, p. VIII.
- ⁵⁸ «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought». Cambridge (Mass.), 1955, p. 101.
- ⁵⁹ R. Pipes. Russia under the Old Regime. London, 1974, p. XXI.
- ⁶⁰ R. Daniels. Russia. Englewood Cliffs, 1964, p. 53—55.
- ⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, с. 119, 122.
- ⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.
- ⁶³ H. Swartz. Ties that Bind Bolsheviks to Romanovs. — «The New York Times» (Int.), 1967, p. 4.
- ⁶⁴ E. Carr. A History of Soviet Russia, vol. I, p. 6.
- ⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 20.
- ⁶⁶ Там же, с. 222.
- ⁶⁷ «Slavic Review», 1967, vol. 26, N 1, p. V.

II

- ¹ См. «КПСС в резолюциях...», т. 10, с. 144.
- ² «The Cambridge Modern History», vol. 12. The latest age. Cambridge, 1910, p. V.
- ³ B. Pares. The Reform Movement in Russia. — «The Cambridge modern history», vol. 12, chapter 13.
- ⁴ A. Thompson, R. Hart. The Uncertain Crusade. America and the Russian Revolution of 1905. Amherst, (Mass.), 1970, p. 55.
- ⁵ Е. Б. Черняк. Английская и американская историография революции 1905—1907 гг. — «Вопросы истории», 1955, № 12, с. 131.
- ⁶ Критику этой «теории» см.: И. М. Краснов. Некоторые вопросы истории Октябрьской революции в освещении американской буржуазной историографии. — «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961, с. 139; И. Минц, Л. Черепнин, Е. Дружинина. Лживая интерпретация истории. — «Коммунист», 1954, № 11, и др.
- ⁷ O. Anweiler. Die russische Revolution von 1905. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1955, Bd. 3, Hf. 2, S. 161.
- ⁸ «Soviet Studies», 1969, vol. 20, N 4, p. 558; см. также: «Slavonic and East European Review», 1968, N 107, p. 532—534. Недалеко от книги Шварца ушли и другие работы англо-американских историков, такие, как: S. Harcave. First Blood. The Russian Revolution of 1905. New York, 1964; J. Spector. The First Russian Revolution; Its Impact on Asia. Englewood Cliffs. New York, 1962; W. Sablinsky. The All-Russian Railroad Union and the Beginning of the General Strike in October 1905. — «Revolution and Politics in Russia». Bloomington — London, 1972, etc.
- ⁹ Примером являются книга Д. Лейна и статья М. Перри: D. Lane. The roots of Russian communism. A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898—1907. Assen, 1969; M. Perrie. The Russian Peasant Movement of 1905—1907. — «Past and Present», 1972, N 57, p. 123—155.

¹⁰ G. Stephenson. Russia from 1812 to 1945. A History. New York, 1970, p. 180.

¹¹ G. von Rauch. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969, S. 21.

¹² H. Seton-Watson. The Russian Empire 1801—1917. Oxford, 1967, p. IX.

¹³ G. Fischer. Russian Liberalism. From Gentry to Intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958, p. 159.

¹⁴ R. Pipes. Struve: Liberal on the Left, 1870—1905. Cambridge, (Mass.), 1970, p. 371; см. также: L. Schapiro. The communist party of the Soviet Union. London, 1970, p. 67; S. Galai. The Liberation Movement in Russia 1900—1905. Cambridge, 1973, p. 236, 240, etc.

¹⁵ Подробно об этом см.: Е. Д. Черменский. Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг. — «История СССР», 1965, № 5, с. 41—60; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI. М., 1968, с. 80—81, а также К. Ф. Шацлло. Русский либерализм на рубеже двух веков. — «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970, с. 160—192, и др.

¹⁶ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1975, Bd. 23, Hf. 1, S. 128.

¹⁷ S. Harcave. First Blood. The Russian Revolution of 1905, p. 242—243.

¹⁸ G. Stephenson. Russia from 1812 to 1945, p. 209.

¹⁹ «The New Cambridge Modern History», vol. 12. Cambridge, 1960, p. 386.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 87.

²¹ J. S. Reshetar. A Concise History of the CPSU. New York, 1960, p. 53; M. T. Florinsky. The End of the Russian Empire. New Haven—London, 1931, p. 12, 15; H. Ellison. History of Russia. New York, 1964, p. 259; H. Seton-Watson. The Decline of Imperial Russia. London, 1952, p. X, 220; E. Thaden. Russia since 1801. The Making of a New Society. New York, e. a., 1971, p. 322, etc.

²² B. Pares. The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1939, p. 76; Idem. A History of Russia. New York, 1926, p. 430. Аналогичной была позиция профессора Йельского университета в США С. А. Корфа (S. A. Korff. Autocracy and Revolution in Russia. New York, 1923, p. VII, 20), etc.

²³ B. Sumner. A Short History of Russia. New York, 1943, p. 59.

²⁴ M. T. Florinsky. The End of the Russian Empire, p. 2.

²⁵ S. R. Tompkins. Russia through the Ages. From the Scythians to the Soviets. New York, 1940, p. 503.

²⁶ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 261.

²⁷ S. P. Tompkins. Russia through the Ages, p. 503; G. Vernadsky. A History of Russia, p. 264; M. T. Florinsky. The End of the Russian Empire, p. 24.

²⁸ «Slavonic and East European Review», 1972, vol. 49, N 118, p. 172.

²⁹ S. G. Pushkarev. The Emergence of Modern Russia, 1801—1917. New York, e. a., 1963, p. 220—222.

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 201.

³¹ S. G. Pushkarev. The Emergence of Modern Russia, p. 239, 230, 233.

³² J. Walkin. The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia.

Political and Social Institutions under the Last Three Czars. New York, 1963, p. 24, 185—186.

³³ *H. Seton-Watson*. The Decline of Imperial Russia, p. 378; *S. Harcave*. Years of the Golden Cockerel; the Last Romanov Tsars, 1814—1917. New York, 1968, etc.

³⁴ *S. Harcave*. First Blood. The Russian Revolution of 1905, p. 20—26, 28.

³⁵ Критику этих концепций см. также: *П. Н. Зырянов, В. В. Шелохаев*. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976, с. 16—44.

³⁶ См., например, «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI, с. 17—27; *В. И. Бовыкин*. Революция 1905—1907 гг. М., 1965; *Н. Н. Демочкин, Л. К. Ерман, Е. Д. Черменский*. Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1965; «Революция 1905—1907 гг. в России». М., 1975, с. 8—18, и др.

³⁷ «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 62.

³⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 283.

³⁹ Об этом подробнее см.: *И. И. Минц*. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию. — «Из истории социально-политических идей». М., 1955; *К. И. Суворов*. Перемещение центра мирового революционного движения в Россию. М., 1966; *его же*. Перемещение центра мирового революционного движения в Россию. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 1.

⁴⁰ *B. Pares*. A History of Russia. New York, 1926, p. 428. Это же положение содержится и в 9-м (1949 г.), последнем, издании его книги.

⁴¹ *B. Pares*. A History of Russia, p. 430, 431; см. также: *S. R. Tompkins*. Russia through the Ages, p. 505; *I. Spector*. An Introduction to Russian History and Culture. New York, e. a., 1949, p. 161, etc.

⁴² *J. Walkin*. The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia, p. 24; см. также: *O. Stephenson*. Russia from 1812 to 1945, p. 205.

⁴³ *S. Harcave*. First Blood, p. 26—29.

⁴⁴ *S. Galai*. The Role of the Union of Unions in the Revolution of 1905. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1976, Bd. 24, Hf. 4, S. 512—525.

⁴⁵ *S. Harcave*. First Blood, p. 226.

⁴⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 21, с. 102—103; см. также: *Е. Д. Черменский*. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 152—164; «Революция 1905—1907 гг. в России», с. 227—232, и др.

⁴⁷ *G. Hosking*. The Russian Constitutional Experiment, Government and Duma, 1907—1914. Cambridge, 1973, p. 3; см. также: *O. Anweiler*. Die russische Revolution von 1905. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1955, Bd. 3, Hf. 2, S. 162, 165; *R. Hough*. The Potemkin Mutiny. New York, 1961, p. 46; *W. Sablinsky*. The All Russian railroad Union and the Beginning of the General Strike in October, 1905. — «Revolution and Politics in Russia», p. 113, etc.

⁴⁸ *S. Pushkarev*. The Emergence of Modern Russia, p. 232.

⁴⁹ *G. Fischer*. Russian Liberalism, p. 159.

⁵⁰ *S. M. Schwarz*. The Russian Revolution of 1905. The Workers' Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago—London, 1967; *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963; *I. Getzler*. Martov: a Political Biography of a Russian Social Democrat. Melbourne, e. a., 1967.

- ⁵¹ A. Ascher. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.), 1972, p. 231; O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Leiden, 1958, S. 41, etc.
- ⁵² H. Seton-Watson. The Decline of Imperial Russia, p. 233; см. также: L. Menashe. Industrialists in Politics, Russia in 1905. — «Government and Opposition». London, 1968, vol. 3, N 3, p. 353.
- ⁵³ G. E. Snow. The Kokovtsov Commission: an Abortive Attempt at Labor Reform in Russia in 1905. — «Slavic review», 1972, vol. 31, N 4, p. 780—796; G. Rimlinger. The Management of Labour Protest in Tsarist Russia, 1870—1905. — «International Review of Social History», 1960, vol. 5, part 2, p. 226—247, etc.
- ⁵⁴ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, с. 10.
- ⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 172.
- ⁵⁶ А. М. Панкратова. Первая народная революция эпохи империализма. — «Коммунист», 1955, № 1; А. Ф. Костин. Первая народная революция в России 1905—1907 гг. М., 1955; Н. Н. Яковлев. Народ и партия в первой русской революции. М., 1965; А. В. Пасковский. Революция 1905—1907 гг. в России. М., 1966; «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)». М., 1975; «Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М., 1975, и др.
- ⁵⁷ См. подробно: В. С. Кириллов. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907). М., 1976; его же. Большевики во главе массовых политических стачек в период подъема революции 1905—1907 гг. М., 1961; Н. А. Иванова. В. И. Ленин о революционной массовой стачке в России. М., 1976, и др.
- ⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 201.
- ⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 200—201.
- ⁶⁰ «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции» (1905 — февраль 1917 г.), с. 85.
- ⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 358—359.
- ⁶² См. там же, с. 387, 394.
- ⁶³ Там же, с. 394—395.
- ⁶⁴ J. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 252, 257; M. Fainsod. How Russia in Ruled. Cambridge (Mass.), 1964, p. 44; A. Ulam. Lenin and the Bolsheviks. London, 1965, p. 308, etc.
- ⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 369.
- ⁶⁶ Об этом подробно см.: Н. Н. Яковлев. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М., 1957; А. Д. Клюева. Московские большевики во главе Декабрьского вооруженного восстания 1905 года. М., 1960; «Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903—1917». М., 1974; Л. Т. Сенчакова. Боевая роль революции. Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг. М., 1975, и др.
- ⁶⁷ O. Anweiler. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921. Leiden, 1958; «Les soviets en Russie (1905—1921)». Paris, 1972; «The Soviets: the Russian Workers, Peasants, and Soldiers Councils, 1905—1921». New York, 1974; A. Tovaglieri. Lenin e i soviet nella rivoluzione russa del 1905. Milano, 1975; см. рецензию Е. А. Беляева на книгу О. Анвайлера. — «История СССР», 1959, № 5, с. 210—213, а также Н. Н. Демочкин. Под флагом меньшевистских идей (Заметки о современной буржуазной историографии Советов 1905 года). — «История СССР»,

- 1966, № 5, с. 164—182; *П. Н. Зырянов, В. В. Шелохаев*. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии, с. 66—75 (Происхождение и историческое значение Советов).
- ⁶⁸ *L. Kochan*. Russia in Revolution. London, 1966, p. 96; *B. Sumner*. A Short History of Russia, p. 358; *O. Anweiler*. Die Rätebewegung in Russland 1905—1921, S. 43.
- ⁶⁹ *B. Pares*. The Fall of the Russian Monarchy, p. 85.
- ⁷⁰ *H. Shukman*. Lenin and the Russian Revolution. New York, 1967, p. 55, 79.
- ⁷¹ *M. T. Florinsky*. Twilight of Absolutism. 1905. — «Russian Review», 1949, vol. 8, N 4, p. 327, etc.
- ⁷² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, с. 403.
- ⁷³ *G. Robinson*. Rural Russia under the Old Regime. A History of the Landlord-peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. London, 1932; *L. A. Owen*. The Russian Peasant Movement 1906—1917, London, 1937.
- ⁷⁴ *S. R. Tompkins*. Russia through the Ages. From Scythians to the Soviets, p. 503.
- ⁷⁵ *B. Pares*. A History of Russia, p. 433; *I. Spector*. An Introduction to Russian History and Culture, p. 162.
- ⁷⁶ *M. T. Florinsky*. The Twilight of Absolutism, 1905. — «Russian Review», 1949, vol. 8, N 4, p. 331.
- ⁷⁷ *S. Pushkarev*. The Emergence of Modern Russia, p. 206—222.
- ⁷⁸ *S. Harcave*. First Blood, p. 136, 137.
- ⁷⁹ *J. Walkin*. The Rise of Democracy in Prerevolutionary Russia, p. 208.
- ⁸⁰ *M. Perrie*. The Russian Peasant Movement of 1905—1907. — «Past and Present», 1972, N 57, p. 134.
- ⁸¹ См. подробнее: *П. Н. Зырянов, В. В. Шелохаев*. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии, с. 84—104.
- ⁸² *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 268.
- ⁸³ *С. М. Дубровский*. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, с. 65.
- ⁸⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, с. 425—426.
- ⁸⁵ *Л. И. Емельях*. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976, с. 41—44.
- ⁸⁶ Об этой крестьянской организации см.: *Е. И. Кирюхина*. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. — «Исторические записки», т. 50.
- ⁸⁷ Наиболее активно этот тезис проводит ряд английских авторов: *T. Shanin*. The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing society: Russia 1900—1925. Oxford, 1972; *J. Male*. Russian Peasant Organisation before Collectivisation. Cambridge, 1971, etc.
- ⁸⁸ *Е. Б. Черняк*. Английская и американская историография революции 1905—1907 гг. — «Вопросы истории», 1955, № 12, с. 137.
- ⁸⁹ *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 159, 207, 267; *R. C. Elwood*. The Russian Social Democracy in the Underground. A Study of the RSDRP in the Ukraine, 1907—1914. Assen, 1974, p. 1, 276, etc.
- ⁹⁰ *Я. П. Крастынь*. Революция 1905—1907 гг. в Латвии. М., 1952; *З. Ибрагимов*. Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. Баку, 1955; *А. В. Пясковский*. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958;

Х. Х. Хасанов. Революция 1905—1907 гг. в Татарии. М., 1965; А. М. Арутюнян. Революционное движение в Армении 1905—1907 гг. Ереван, 1970; «Революция 1905—1907 гг. в Грузии». Сборник статей. Тбилиси, 1975; П. М. Шморгул. Большевистские организации Украины в революции 1905—1907 годов. Киев, 1975 (на укр. яз.), и др.

⁹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 313.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.

⁹³ R. A. Pierce. Russian Central Asia, 1867—1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley — Los Angeles, 1960, p. 249.

⁹⁴ Цит. по: Х. Иноятов. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1976, с. 132.

⁹⁵ B. Pares. The Fall of the Russian Monarchy. New York, 1939; B. Maklakov. On the Fall of Tsardom. — «Slavonic and East European Review», 1939, vol. 18, N 52, p. 87.

⁹⁶ G. Vernadsky. A History of Russia, 1954, p. 266—267, etc.

⁹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 242.

⁹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, с. 309.

⁹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 412.

¹⁰⁰ A. Levin. The Third Duma, Election and Profile. Hamden (Conn.), 1973; G. Hosking. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907—1914; E. Birth. Die Oktobristen (1905—1913). Zielvorstellungen und Struktur. Stuttgart, 1974; B.-C. Pinchuk. The Oktobrists in the Third Duma, 1907—1912. Seattle — London, 1974, etc.

¹⁰¹ G. Mehlinger, J. M. Thompson. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Bloomington — London, 1972, p. 327.

¹⁰² Ibid., p. 329.

¹⁰³ «Russia under the Last Tsar». Ed. by T. G. Stavrou. Minneapolis, 1969, p. 19.

¹⁰⁴ M. Wren. The Western Impact upon Tsarist Russia. Chicago, e. a., 1971, p. 220, 221.

¹⁰⁵ S. Pushkarev. The Emergence of Modern Russia, p. 142; B. Sumner. A Short History of Russia, p. 61; G. Vernadsky. A History of Russia, p. 211; A. Prechac. Histoire de la Russie avant 1917. Paris, e. a., 1974, p. 223, etc.

¹⁰⁶ Об этом подробно см.: Н. П. Ерошкин. Самодержавие накануне краха. М., 1975; Н. И. Васильев, Г. В. Гальперин, А. И. Королев. Первая российская революция и самодержавие (Государственно-правовые проблемы). Л., 1975; А. М. Давидович. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М., 1975, и др.

¹⁰⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 145.

¹⁰⁸ A. Ulam. Stalin. The Man and His Era. New York, 1973, p. 50.

¹⁰⁹ L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union, p. 64; L. Haimson. Preface to: S. Schwarz. The Russian Revolution of 1905. The workers' movement and the formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago — London, 1967, p. VII; S. Schwarz. The Russian Revolution of 1905, p. 1, etc.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

¹¹¹ «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, с. 380.

- ¹¹² *L. Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union, p. 72.
- ¹¹³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 176.
- ¹¹⁴ Подробно см.: «Большевизм и реформизм». М., 1973, с. 121—160; «На два фронта. В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм?». М., 1973, с. 40—54, и др.
- ¹¹⁵ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 56.
- ¹¹⁶ *D. Liversidge*. Lenin. Genius of revolution. New York, 1969, p. 74.
- ¹¹⁷ *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 183; *A. Ulam*. Lenin and the Bolsheviks, p. 294, etc.
- ¹¹⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 86.
- ¹¹⁹ *J. N. Westwood*. Endurance and Endeavour. Russian History 1812—1971. London, 1973, p. 159.
- ¹²⁰ *B. Wolfe*. Three Who Made a Revolution. A Biographical History. New York, 1948, p. 300; *D. Treadgold*. Twentieth Century Russia. Chicago, 1959, p. 10—11; *R. Hingley*. Russian Revolution. London, e. a., 1970, p. 43; *H. M. Pachter*. The Fall and Rise of Europe. New York, 1975, p. 46; *R. C. Elwood*. Russian Social Democracy in the Underground, p. 17, etc.
- ¹²¹ Эту оценку см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, с. 251.
- ¹²² *С. М. Дубровский*. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг., с. 38.
- ¹²³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8—9.
- ¹²⁴ См. подробнее: *А. С. Халипов*. Борьба В. И. Ленина за выход из партийного кризиса после II съезда РСДРП. Минск, 1971; *А. Ф. Костин*. Боевой орган революции. К 70-летию газеты «Вперед». М., 1975, и др.
- ¹²⁵ «Былое», 1907, № 4 (16), с. 31. Цит. по: *Т. П. Бондаревская*. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975, с. 60.
- ¹²⁶ «The Impact of the Russian Revolution 1917—1967». New York—London, 1967, p. 191; «Fifty Years of Communism in Russia». University Park. London, 1968, p. 29; *L. Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union, p. 78—79, etc.
- ¹²⁷ *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 193; *A. Ulam*. Lenin and the Bolsheviks, p. 323—324; *I. Deutscher*. The Prophet Armed. Trotsky 1879—1921. New York, 1954, p. 292, etc.
- ¹²⁸ См. «КПСС в резолюциях...», т. 3, с. 143.
- ¹²⁹ См., например, *С. Л. Титаренко*. Разоблачение Лениным мелкобуржуазной сущности троцкизма в дооктябрьский период. — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 5; *В. М. Иванов*, *А. Н. Шмелев*. Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970, с. 111—157; «Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма». М., 1975, с. 43—58; *Н. А. Слапихин*. Разоблачение В. И. Лениным теории и практики троцкизма (1917—1924 гг.). М., 1977, с. 65—78, и др.
- ¹³⁰ *D. W. Treadgold*. Lenin and His Rivals. The Struggle for Russia's Future, 1898—1906. New York, 1955, p. 74—75; *M. Perrie*. The SRs on Permanent Revolution. — «Soviet Studies», 1973, vol. 24, N 3, p. 411—413.
- ¹³¹ «Soviet studies», 1973, vol. 25, N 1, p. 153—155.
- ¹³² *M. Fainsod*. How Russia is Ruled. Cambridge (Mass.), 1964, p. 37.

¹³³ *L. Derfler*. Socialism since Marx. A Century of the European Left. London — Basingstoke, 1973, p. 76.

¹³⁴ *A. Meyer*. Leninism. Cambridge (Mass.), 1957, p. 126—127. Подобные высказывания встречаются и у других «советологов»: *A. Ulam*. Lenin and the Bolsheviks. p. 280; *L. Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union, p. 79; *P. Pomper*. The Russian Revolutionary Intelligentsia. New York, 1970, p. 187; *M. Wren*. The Western Impact upon Tsarist Russia, p. 217.

¹³⁵ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Собр. соч., т. 7, с. 85—86; т. 8, с. 211, 607 (Примечание); т. 22, с. 458, и др. Подробно об этом см.: *С. П. Трапезников*. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1974, с. 75—81.

¹³⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 4.

¹³⁷ *L. Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union, p. 68; см. также: *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 231—232; *W. Sablinsky*. The All-Russian Railroad Union and the Beginning of General Strike in October, 1905. — «Revolution and Politics in Russia», p. 144; *J. Westwood*. Endurance and Endeavour. Russian history 1812—1971, p. 152, etc.

¹³⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, с. 420—421.

¹³⁹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, с. 103.

¹⁴⁰ *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 175, 177; *H. Shukman*. Lenin and the Russian Revolution, p. 95; *S. Schwarz*. The Russian Revolution of 1905, p. 192, 194; *P. Pomper*. The Russian Revolutionary Intelligentsia, p. 185, 186, etc.

¹⁴¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, с. 139.

¹⁴² «Очерки истории Ивановской организации КПСС», ч. 1. Иваново, 1963, с. 125—126.

¹⁴³ «Гегемония пролетариата в трех русских революциях», с. 88.

¹⁴⁴ См. подробно: *Л. Т. Сенчакова*. Боевая рать революции. Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг., с. 12—19.

¹⁴⁵ *В. В. Воровский*. Первые шаги профессионального движения. — «Первые большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий»». Вып. 4. М., 1925, с. 67.

¹⁴⁶ *L. Schapiro*. The Communist Party of the Soviet Union, p. 58; *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 165; *H. Shukman*. Lenin and the Russian Revolution, p. 102; *A. Ulam*. Lenin and the Bolsheviks, p. 288.

¹⁴⁷ См. «III съезд РСДРП. Протоколы». М., 1959, с. 520—648.

¹⁴⁸ «Партийная жизнь», 1973, № 14, с. 9.

¹⁴⁹ Цит. по: «Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС». Челябинск, 1973, с. 46.

¹⁵⁰ *J. Westwood*. Endurance and Endeavour. Russian History 1812—1971, p. 158; см. также: *S. Schwarz*. The Russian Revolution of 1905, p. 165, etc.

¹⁵¹ *S. Galai*. The Liberation Movement in Russia 1900—1905, p. 241; *J. Keep*. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 156—158, etc.

¹⁵² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 9, с. 217.

¹⁵³ «Революция 1905—1907 годов в России». М., 1975, с. 41.

¹⁵⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 24; см. также: *У. А. Шустер*. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976, с. 59—95.

- ¹⁵⁵ S. Schwarz. The Russian Revolution of 1905, p. 120.
- ¹⁵⁶ Подробно см.: «История рабочих Ленинграда», т. I. 1703 — февраль 1917. Л., 1972, с. 274; Л. М. Крейдлина. Петербургский комитет РСДРП и выборы в комиссию Шидловского. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 2, с. 116—120; У. А. Шустер. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг., с. 101—111, и др.
- ¹⁵⁷ Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с С. И. Гусевым. — «Пролетарская революция», 1925, № 2, (37), с. 46.
- ¹⁵⁸ W. Sablinsky. The All-Russian Railroad Union and the Beginning of the General Strike in October, 1905. — «Revolution and Politics in Russia». Bloomington — London, 1972, p. 113—144.
- ¹⁵⁹ И. М. Пушкарёва. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, с. 136.
- ¹⁶⁰ М. Васильев-Южин. В огне первой революции. М., 1934, с. 105.
- ¹⁶¹ И. М. Пушкарёва. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях, с. 148, и др.
- ¹⁶² Там же, с. 194.
- ¹⁶³ D. S. Lane. The Roots of Russian Communism. A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898—1907, p. 15.
- ¹⁶⁴ Ibid., p. 25, 35, 39, 52, 57.
- ¹⁶⁵ J. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 271.
- ¹⁶⁶ M. Fainsod. How Russia is Ruled, p. 49.
- ¹⁶⁷ П. И. Климов. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960; Х. Аргун. Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции. Сухуми, 1960; З. Духанова. Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 году. Рига, 1961; И. П. Шмыгин. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1962; Ю. С. Савельев. Московская окружная партийная организация большевиков — руководитель рабочего класса и трудового крестьянства Подмоскovie в годы трех революций (1905—1917). М., 1964; В. И. Тропин. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970, и др.
- ¹⁶⁸ Цит. по: «Очерки истории Рязанской организации КПСС». М., 1974, с. 48.
- ¹⁶⁹ Об этом подробно см.: С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос (в двух томах), т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1976.
- ¹⁷⁰ J. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia, p. 207.
- ¹⁷¹ D. Lane. The Roots of Russian Communism, p. 159.
- ¹⁷² R. C. Elwood. Russian Social Democracy in the Underground, p. 81 note.
- ¹⁷³ R. G. Suny. The Baku Commune 1917—1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, 1972, p. 44 note.
- ¹⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 71.
- ¹⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 371.
- ¹⁷⁶ «Постановление ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России». — «Коммунист», 1975, № 2, с. 5.

III

¹ «Soviet Studies», 1975, vol. 27, N 1, p. 138.

² «Russia Under the Last Tsar». Ed. by Th. Stavrou. Minneapolis, 1969, p. 14.

³ L. Haimson. The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905—1917. — «Slavic Review», 1964, vol. 23, N 4, p. 620; см. также: «Essays on Russian Liberalism». Ed. by Ch. Timberlake. New York, 1972, p. 165—166.

⁴ Критику этой концепции см. подробнее: И. Ф. Гиндин. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ. — «История СССР», 1971, № 4; П. Н. Зырянов, В. В. Шелохаев. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976, с. 21—25.

⁵ Подробнее см.: Ю. И. Кирьянов, М. Г. Панкратова. Новые тенденции в американской историографии пред истории революций 1917 г. в России. — «История СССР», 1967, № 1.

⁶ «Revolutionary Russia». Ed. by R. Pipes. New York, 1968, p. 198.

⁷ Ibid., p. 204.

⁸ Ibid., p. 205.

⁹ Ibidem.

¹⁰ «Slavic Review», 1970, vol. 29, N 1, p. 108.

¹¹ «Russia Enters the 20-th Century». Ed. by G. Katkov, e. a. London, 1971.

¹² «Slavonic and East European Review», 1972, vol. 50, N 118, p. 130—132.

¹³ «Slavic Review», 1972, vol. 31, N 2, p. 422. Вопрос о возможности «мирного обновления» царской России или неизбежности революции получил отражение еще в одном сборнике — антологии. Это изданная Р. Макнилом книга «Россия в переходный период: 1905—1914 гг. Эволюция или революция?» («Russia in Transition, 1905—1914. Evolution or Revolution?»). Ed. by R. McNeal. New York, 1970).

¹⁴ D. Pospelovsky. Russian Police Trade Unionism. Experiment or Provocation? London, 1971. Предисловие к книге написал известный антикоммунист Л. Шапиро, вполне солидаризировавшийся с «концепцией» Поспеловского.

¹⁵ Ibid., p. 163.

¹⁶ На это, в частности, указывалось в рецензии на книгу С. Харкейва (S. Harcave. Years of the Golden Cockerel. New York — London, 1969), напечатанной журналом «Slavic Review» (1970, vol. 29, N 1, p. 107).

¹⁷ А. Я. Аврех. Столыпин и 3-я Дума. М., 1968; А. М. Давидович. Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975; Н. П. Ерошкин. Самодержавие накануне краха. М., 1975; Е. Д. Черменский. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

¹⁸ G. Hosking. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907—1914. Cambridge, 1973, p. 72.

¹⁹ Ibid., p. 181.

²⁰ «Revolutionary Russia», p. 21.

²¹ «Slavic Review», 1965, vol. 24, N 1, p. 34.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 13.

²³ «The Letters of the Tsaritsa to the Tsar, 1914—1916». Stanford, 1973, p. IX (Introduction).

²⁴ «The Letters of the Tsar to the Tsaritsa, 1914—1917». Stanford, 1973, p. X (Introduction).

²⁵ Некоторые буржуазные авторы приписывают «роковую» роль в гибели царизма Распутину, подчеркивая его влияние на принятие политических решений в последние годы царствования Николая II (см. например: C. Wilson. Rasputin and the Fall of the Romanovs.

New York, 1964; *R. Minney. Rasputin.* London, 1972). На самом деле это явное преувеличение. Скорее всего не императрица и тем более не царь были орудиями в руках Распутина, а, напротив, Распутин использовался придворной камарильей для осуществления ее планов (см. об этом: *Л. М. Спириг. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.).* М., 1977, с. 221—224).

²⁶ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 196.

²⁷ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 347.

²⁸ *P. Dukes. A History of Russia.* London, 1973, p. 177.

²⁹ См. «Ленинский сборник», XI, с. 397.

³⁰ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 417.

³¹ См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 378.

³² «Ленинский сборник», XI, с. 397.

³³ См., например: *П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР*, ч. II. М., 1956; *А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России.* М., 1959; *А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917).* М., 1960; «Об особенностях империализма в России». М., 1963; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI. М., 1968, и др.

³⁴ *А. М. Анфимов. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 — февраля 1917).* М., 1962; *С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа.* М., 1963.

³⁵ Подробнее см.: *И. И. Минц. История Великого Октября*, т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967.

³⁶ «Soviet Studies», 1968, vol. XIX, N 3, p. 430.

³⁷ *A. Kerensky. Russia and History's Turning Point.* New York, 1965, p. 218.

³⁸ *A. Ulam. Lenin and the Bolsheviks.* London, 1965, p. 318.

³⁹ *M. Pearson. The Sealed Train.* New York, 1975, p. 141.

⁴⁰ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 276—277.

⁴¹ Критику этого тезиса см.: *П. Н. Зырянов, В. В. Шелохаев. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии*, с. 45—75; *Б. И. Марушкин. Советология: расчеты и prospects.* М., 1976, с. 63—69, и др.

⁴² *L. Haimson. The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905—1917.* — «Slavic Review», 1965, vol. 24, N 1, p. 1—10.

⁴³ «Spectator», 1967, N 7235, 24 February, p. 238.

⁴⁴ «Survey», 1967, N 65, October, p. 112.

⁴⁵ «Постоянный отказ русского самодержавия, — пишет Л. Шапиро, — оказать поддержку десяткам тысяч умеренных реформистов, которые были готовы сотрудничать с ним, предотвратил создание в России прогрессивной системы, обеспечивающей такие условия, при которых триумф большевиков оказался бы невозможным» (*L. Schapiro. The Origin of the Communist Autocracy.* London, 1956, p. 9).

⁴⁶ *J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia.* London, 1963, p. 224.

⁴⁷ *G. Katkov. Russia, 1917. The February Revolution.* London, 1967, p. 442.

⁴⁸ Ibid., p. 424.

⁴⁹ *Е. Д. Черменский. IV Государственная дума и свержение царизма в России*, с. 7—9.

⁵⁰ *N. Smith. The Role of Russian Freemasonry in February Revolution.* — «Slavic Review», 1968, vol. 27, N 7, p. 607.

- ⁵¹ «Revolutionary Russia». Ed. by R. Pipes. New York, 1968, p. 14.
- ⁵² «Russia Under the Last Tsar», p. 37.
- ⁵³ А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958; П. В. Волобуев. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; Л. С. Гапоненко. Рабочий класс в 1917 году. М., 1970; Э. Крузе. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976, и др.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Л. С. Гапоненко. Рабочий класс в 1917 году.
- ⁵⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 13.
- ⁵⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 225.
- ⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 175. Подробнее см.: «Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М., 1975.
- ⁵⁸ A. Mendel. Peasant and Worker on the Eve of the First World War. — «Slavic Review», 1965, vol. 24, N 1, p. 29.
- ⁵⁹ И. Лейберов. О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции. — «Вопросы истории», 1964, № 2, с. 65.
- ⁶⁰ «История рабочего класса Ленинграда». Вып. II. Л., 1963, с. 183.
- ⁶¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, с. 582.
- ⁶² Подробнее см.: «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VI, с. 617—621.
- ⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 280.
- ⁶⁴ См. об этом: В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967; Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. М., 1967; Е. Д. Черменский. IV Государственная дума и свержение царизма в России; А. Г. Слонимский. Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975; Л. М. Спирин. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.).
- ⁶⁵ В. Шульгин. Дни. Л., 1925, с. 85.
- ⁶⁶ М. В. Родзянко. Государственная дума и Февральская 1917 года революция. — «Февральская революция». Мемуары. М., 1925, с. 33—34.
- ⁶⁷ П. Н. Милюков. История второй русской революции, т. I. Вып. I. София, 1921, с. 36—37.
- ⁶⁸ Цит. по: Н. Г. Думова. Современная англо-американская историография о крахе кадетской партии в 1917 г. — «История СССР», 1969, № 4, с. 195.
- ⁶⁹ В. Б. Станкевич. Воспоминания. — «Февральская революция». Мемуары. М.—Л., 1927, с. 400.
- ⁷⁰ Б. Граве. Буржуазия накануне Февральской революции. М., 1927, с. 23.
- ⁷¹ Там же, с. 82.
- ⁷² «Русские ведомости», 25 сентября 1915 г.
- ⁷³ G. Katkov. Russia, 1917. The February Revolution, p. 174.
- ⁷⁴ Ibid., p. 176.
- ⁷⁵ Е. Д. Черменский пишет, что многие буржуазные деятели не только считали дворцовый переворот преждевременным, но полностью отвергали идею такого акта (Е. Д. Черменский. IV Государственная дума и свержение царизма в России, с. 244). Сходную точку зрения высказывают В. С. Дякин, Л. М. Спирин и др.
- ⁷⁶ В. С. Дякин. Указ. соч., с. 298—304; Э. Н. Бурджалов. Указ. соч., с. 77—80.

- ⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 28.
- ⁷⁸ P. Dukes. A History of Russia, p. 209.
- ⁷⁹ Подробнее см.: Л. М. Спирин. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.).
- ⁸⁰ E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, 1917—1923, vol. I. London, 1954, p. 70.
- ⁸¹ R. Abramovitch. The Soviet Revolution, 1917—1939. London, 1962, p. 12.
- ⁸² J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-revolutionary Russia, p. 235.
- ⁸³ См., например, A. Wildman. The February Revolution in the Russian Army. — «Soviet Studies», 1970, vol. 21, N 1, p. 7.
- ⁸⁴ E. Crankshaw. Fifty Years Ago. The Coup that Changed the World. — «New York Times Magazine», 1967, 19 February, p. 150.
- ⁸⁵ L. Kochan. Russia in Revolution, 1890—1918. New York, 1966, p. 185.
- ⁸⁶ «Russia Under the Last Tsar», p. 72.
- ⁸⁷ Подробнее см.: Н. Н. Демочкин, Ю. И. Иглицкий. Советы 1917 г. в современной буржуазной историографии. — «Против буржуазной фальсификации истории и политики КПСС». Сборник статей. М., 1970.
- ⁸⁸ L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960, p. 154, 155.
- ⁸⁹ G. Katkov. Russia, 1917. The February Revolution, p. 357.
- ⁹⁰ D. Longley. The Divisions in the Bolshevik Party in March 1917. — «Soviet Studies», 1972, vol. 28, N 1, p. 63.
- ⁹¹ Ts. Hasegawa. The Bolshevik and the Formation of the Petrograd Soviet in the February Revolution. — «Soviet Studies», 1977, vol. 29, N 1, p. 105.
- ⁹² И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. I. Париж, 1963, с. 23.
- ⁹³ A. Ulat. Op. cit., p. 319—320.
- ⁹⁴ «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1956, с. 3, 4.
- ⁹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 299.
- ⁹⁶ «Биржевые ведомости», 10 марта 1917 г.
- ⁹⁷ «Былое», 1918, № 1 (29), с. 156.
- ⁹⁸ А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1946, с. 236. Подробнее см.: И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия; В. И. Миллер. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974, и др.
- ⁹⁹ Цит. по: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 551—553.
- ¹⁰⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 8.
- ¹⁰¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 6.
- ¹⁰² Н. Свешников. Отрывки из воспоминаний. — «Петроградская правда», 14 марта 1923 г.
- ¹⁰³ Н. Суханов. Записки о революции, кн. I. Пг., 1919, с. 28. (Книга была издана в Лондоне на английском языке в 1955 г.).
- ¹⁰⁴ «Былое», 1918, № 1 (29), с. 174, 175.
- ¹⁰⁵ «Революционное движение после свержения самодержавия», с. 4, 5.
- ¹⁰⁶ E. Vanderwelde. Three Aspects of the Russian Revolution. New York, 1918, p. 12. О деятельности Совета в первый период революци-

онных событий 1917 г. см.: Ю. Токарев. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976.

¹⁰⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 64.

¹⁰⁸ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», с. 429—430.

¹⁰⁹ См., например, R. Goldston. The Russian Revolution. London, 1967, p. 112.

¹¹⁰ «The Russian Provisional Government, 1917. Documents», vol. I, p. 22.

¹¹¹ P. Miliukov. Political Memoirs, 1905—1917. Ann Arbor, 1967, p. XIV (Introduction by A. Mendel).

¹¹² «Revolutionary Russia», p. 103.

¹¹³ «Russia Under the Last Tsar», p. 37.

¹¹⁴ S. Puskharev. The Emergence of Modern Russia. New York — London, 1962, p. 407.

¹¹⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 16.

¹¹⁶ Тезис об изоляции царского правительства накануне Февральской революции подвергнут критике Е. Д. Черменским в книге «IV Государственная дума и свержение царизма в России» (с. 238—245).

¹¹⁷ П. Н. Миллюков. Воспоминания, т. 2. Нью-Йорк, 1955, с. 287.

¹¹⁸ А. Лукомский. Из воспоминаний. — «Февральская революция. Мемуары». М.—Л., 1927.

¹¹⁹ С. Мельгунов. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1961, с. 143.

¹²⁰ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», с. 402.

¹²¹ И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия, с. 592.

¹²² «Красный архив», 1930, т. 4—5 (41—42), с. 101—102.

¹²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 46.

¹²⁴ «Если бы Дума не присоединилась к революции, — писал Родзянко, — она была бы арестована и перебита в полном составе бунтующими войсками» (М. В. Родзянко. Государственная Дума и Февральская 1917 г. революция. Ростов-на-Дону, 1919, с. 41).

¹²⁵ В. Б. Станкевич. Указ. соч., с. 404.

¹²⁶ Ts. Hasegawa. The Problem of Power in the February Revolution of 1917 in Russia. — «Canadian Slavonic Papers», 1972, vol. XIV, N 4, p. 632.

¹²⁷ Idem. Rodzianko and the Grand Dukes' Manifesto of 1 March 1917. — «Canadian Slavonic Papers», 1976, vol. 18, N 2, p. 167.

¹²⁸ H. Wada. The Russian February Revolution of 1917. — «Annals of the Institute of Social Science. University of Tokyo», 1974, N 15, p. 73.

¹²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 16.

¹³⁰ Там же, с. 73.

¹³¹ R. Daniels. Red October. The Bolshevik Revolution. New York, 1967, p. 15.

¹³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 248—249.

¹³³ «Былое», 1918, № 1 (29), с. 174—175.

¹³⁴ Э. Н. Бурджалов. Указ. соч., с. 281—282, 307.

¹³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 36.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2. Свержение Вре-

менного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1968, с. 240.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же, с. 156.

¹⁴⁰ И. И. Минц. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия, с. 851; Т. В. Осипова. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.

¹⁴¹ Подробнее об этом см.: В. И. Миллер. Солдатские комитеты русской армии в 1917 году. М., 1974.

¹⁴² П. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, с. 21—42.

¹⁴³ R. Goldston. The Russian Revolution. London, 1967, p. 100, 101.

¹⁴⁴ Ts. Hasegawa. The Problem of Power in the February Revolution of 1917 in Russia. — «Canadian Slavonic Papers», 1972, vol. XIV, N 4, p. 613, 615—616. В другой статье — «Большевики и создание Петроградского Совета в Февральской революции» — Хасегава использует другой термин: вместо «субэлита» он говорит об «активистах среднего эшелона», что в общем не меняет его точку зрения (Ts. Hasegawa. The Bolshevik and the Formation of the Petrograd Soviet in the February Revolution. — «Soviet Studies», 1977, vol. 29, N 1).

¹⁴⁵ P. Dukes. A History of Russia. Medieval, Modern, Contemporary. London, 1974, p. 209.

¹⁴⁶ «The Russian Revolution and the Soviet State, 1917—1921. Documents. Selected and edited by M. McCauley». London, 1975, p. 1, 21.

¹⁴⁷ L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union, p. 160—161.

¹⁴⁸ Th. von Laue. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900—1930. Philadelphia, 1964, p. 114—115.

¹⁴⁹ L. Haimson. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917. — «Slavic Review», 1964, vol. 23, N 1, p. 624.

¹⁵⁰ G. Katkov. Russia, 1917. The February Revolution, p. 28. Подобные высказывания находим и у Г. Шукмана (H. Shukman. Lenin and the Russian Revolution. New York, 1967, p. 159).

¹⁵¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 325.

¹⁵² Подробнее об этом см. там же, с. 456—462.

¹⁵³ Там же, с. 456.

¹⁵⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 346; т. 27, с. 42.

¹⁵⁵ L. Haimson. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917, p. 632.

¹⁵⁶ Ibid., p. 638.

¹⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, с. 155.

¹⁵⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 135—139, 198.

¹⁵⁹ «Владимир Ильич Ленин». Биография. М., 1963, с. 213.

¹⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 37.

¹⁶¹ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 547.

¹⁶² И. М. Дажина. О нелегальной большевистской печати в годы первой мировой войны. — «Вопросы истории КПСС», 1961, № 2, с. 118.

¹⁶³ Большевистское влияние на матросов Балтики признают в последнее время и некоторые зарубежные «советологи», например англичанка Д. Лонгли в статье «Офицеры и матросы. Исследование развития политических тенденций в среде моряков Балтийского флота в 1917 г.» («Soviet Studies», 1973, vol. 25, N 1).

- 164 Подробнее о деятельности партии в канун Февраля см.: «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года». М., 1971, с. 21—127.
- 165 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 48.
- 166 М. Pearson. The Sealed Train, p. 20, 45.
- 167 Н. К. Крупская. Ленин и партия. М., 1963, с. 56.
- 168 Об этом подробно см.: Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., 1968, с. 499—500, 501; И. Е. Королев. Ленин и международное рабочее движение. М., 1968; А. П. Якушина. Ленин и Заграничная организация РСДРП. 1905—1917. М., 1972, и др.
- 169 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 13.
- 170 «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. 549; см. также: Я. Г. Темкин. Указ. соч., с. 532; А. П. Якушина. Указ. соч., с. 259, 265, 266, 270—275, и др.
- 171 «Исторический архив», 1959, № 3.
- 172 «Исторический архив», 1958, № 1, с. 219.
- 173 И. Кузнецов, С. Матвиенко. Газета «Социал-демократ». М., 1960, с. 122.
- 174 А. Шляпников. Канун 17 года, ч. II. М., 1923, с. 38.
- 175 Я. Г. Темкин. Бернская конференция заграничных секций РСДРП (1915 г.). М., 1961, с. 103; «Пролетарская революция», 1930, № 7—8, с. 194—195.
- 176 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 12—15, 20—22, 63—65, 106—107, 148—150 и др.
- 177 Там же, с. 390.
- 178 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 328.
- 179 R. Pethybridge. Witnesses to the Russian Revolution. London, 1964, Ch. 2.
- 180 R. Daniels. The Red October, p. 207; см. также: М. Pearson. Op. cit., p. 19, etc.
- 181 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 127.
- 182 Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 285.
- 183 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 218.
- 184 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 399.
- 185 Там же, с. 421.
- 186 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.
- 187 Там же, с. 221.
- 188 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 310, 312.
- 189 Там же, с. 327.
- 190 R. Payne. Op. cit., p. 280; G. Katkov. Op. cit., p. XXVII, etc.
- 191 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 16, 17.
- 192 R. Abramovitch. The Soviet Revolution, 1917—1939, p. 33.
- 193 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 26.
- 194 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 149.
- 195 L. Schapiro. The Origin of the Communist Autocracy, p. 25.
- 196 «The Russian Provisional Government, 1917. Documents». Ed. by R. Browder and A. Kerensky. Stanford, 1961, vol. I, p. 22.
- 197 И. Юренев. Борьба за единство партии (Очерк возникновения и деятельности Петроградского межрайонного комитета). Пг., 1917, с. 13.
- 198 См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков)». Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 49. О действительной роли Межрайонного комитета в канун и в ходе февральских событий см.: Э. Н. Бурджалов.

- Вторая русская революция. М., 1967, с. 103, 119, 180; *И. И. Минц*. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия, с. 481, 489.
- ¹⁹⁹ *А. Шляпников*. 17 год, кн. I. Пг., 1923, с. 53.
- ²⁰⁰ *И. И. Минц*. История Великого Октября, т. 1. Свержение самодержавия, с. 544.
- ²⁰¹ См., например: «Партия большевиков в Февральской революции 1917 года». М., 1971; *В. А. Лаврин*. Большевицкая партия в начале первой мировой войны (1914—1915 гг.). М., 1972; *В. А. Кувшинов*. Партия большевиков после свержения самодержавия. М., 1975, и др.
- ²⁰² *G. Katkov*. Russia, 1917. The February Revolution, p. 32—33.
- ²⁰³ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 36, с. 458.
- ²⁰⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, с. IX.
- ²⁰⁵ Подробнее см.: *К. Зародов*. Демократизм Великого Октября.— «Коммунист», 1977, № 5.

IV

- ¹ *P. Dukes*. The Emergence of the Super-Powers: A Short Comparative History of the USA and the USSR. London, 1970, p. 102.
- ² «Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia», vol. 5. New York, 1973, p. 342.
- ³ *T. Rex*. Sociology and the Demystification of the Modern World. London, 1974, p. 160.
- ⁴ «Imperial Russia after 1861». Ed. by A. Adams. Boston, 1965, p. XIV.
- ⁵ *J. Billington*. Six Views of the Russian Revolution. — «World Politics», 1966, April, p. 452.
- ⁶ *M. Karpovich*. A Lecture on Russian History. New York, 1958, p. 42—44.
- ⁷ *G. Vernadsky*. A History of Russia. Philadelphia, 1954, p. 232.
- ⁸ *R. Warth*. On the Historiography of the Russian Revolution. — «Slavic Review», 1967, June, p. 252.
- ⁹ «Soviet Studies», 1967, January, p. 379.
- ¹⁰ *W. Foster*. The Russian Revolution. Chicago, 1921, p. 8.
- ¹¹ *У. Фостер*. Октябрьская революция и Соединенные Штаты Америки. — «Великая Октябрьская революция и мировое освободительное движение», т. 2. М., 1958, с. 431, 441.
- ¹² «The Russian Provisional Government, 1917». Documents, vol. 1. Stanford, 1961, p. IX.
- ¹³ *R. Abramovitch*. The Soviet Revolution 1917—1939. New York, 1962, p. 84.
- ¹⁴ *R. Daniels*. Red October. New York, 1967, p. 215, 216; *idem*. The Bolshevik Gamble. — «Russian Review», 1967, October, vol. 26, N 4, p. 335, 337, 338, 339, 340.
- ¹⁵ *R. Daniels*. The Bolshevik Gamble. — «Russian Review», 1967, October, vol. 26, N 4, p. 340.
- ¹⁶ «Times Literary Supplement», 16 May 1968, p. 498.
- ¹⁷ *A. Ulam*. Lenin and the Bolsheviks. London, 1965, p. 314.
- ¹⁸ *J. Lucacs*. A Dissenting View on the Day that Shook the World. — «New York Times Magazine», 22 October 1967, p. 33.
- ¹⁹ *H. Raupach*. Geschichte der Sowjetwirtschaft. Hamburg, 1964, S. 8.

²⁰ F. Schuman. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957, p. 13.

²¹ K. Ruffman. Sowjetrußland. Struktur und Entfaltung einer Weltmacht. München, 1969, S. 30—31.

²² P. Nettl. The Soviet Achievement. London, 1967, p. 48.

²³ R. C. Hunt. A Guide to Communist Jargon. New York, 1957, p. 164; H. Marcuse. Soviet Marxism. New York, 1958, p. 31.

²⁴ H. B. Наумов. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975, с. 46—47.

²⁵ A. Sutton. Wall Street and the Bolshevik Revolution. New York, 1974, p. 11, 19.

²⁶ A. Williams. Lenin. The Man and His Work. New York, 1919, p. 12.

²⁷ E. Ross. The Russian Bolshevik Revolution. New York, 1921, p. V.

²⁸ Более подробно критику этой «концепции» см.: В. С. Васюков, В. И. Салов. Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы. — «Критика буржуазной историографии Советского общества». М., 1972, с. 14—63; Ю. И. Изгицкий. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.

²⁹ W. Foster. The Russian Revolution. Chicago, 1921, p. 27.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 150.

³¹ Подробнее см. главу III.

³² Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, с. 90, 94.

³³ А. И. Вдовин, В. З. Дробижев. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. М., 1976, с. 71.

³⁴ Подробнее см.: С. Г. Струмилин. Проблема промышленного капитала в СССР. М., 1925, с. 210; А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 180; И. И. Минц. История Великого Октября, т. I. Свержение самодержавия. М., 1967, с. 159.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 459.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 246.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 282.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 457.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 304.

⁴¹ И. Ф. Петров. Коммунистическая партия — авангард рабочего класса в Октябрьской революции. — «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции». М., 1976, с. 25.

⁴² Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году, с. 467.

⁴³ Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 303—304.

⁴⁴ J. Billington. Six Views of the Russian Revolution. — «World Politics», 1966, April.

⁴⁵ H. von Rimscha. Probleme der russischen Revolution. — «Neue politische Literatur», 1961, N 3, S. 209—211.

⁴⁶ S. Cohen. Bukharin and the Bolshevik Revolution. New York, 1973, p. 46.

⁴⁷ G. Kennan. The Russian Revolution. Fifty Years After. — «Foreign Affairs», 1967, October.

- ⁴⁸ «Imperial Russia after 1861», p. 95.
- ⁴⁹ W. Mosse. The February Regime. Prerequisites of Success. — «Soviet Studies», 1967, vol. 19, N 1, p. 108.
- ⁵⁰ W. Chamberlin. The First Russian Revolution. — «Russian Review», 1967, vol. 26, N 1, January, p. 12.
- ⁵¹ R. Miel. Lenin and the Revolution. — «Problems of Communism», 1967, vol. 16, N 6, p. 75; J. Keep. The Russian Revolution, p. IX.
- ⁵² W. Rosenberg. Liberals in the Russian Revolution. New York, 1974, p. 24.
- ⁵³ T. Riha. 1917 — A Year of Illusions. — «Soviet Studies», 1967, vol. 19, N 1, p. 121.
- ⁵⁴ P. Miliukov. Political Memoirs, 1905—1917. Ann Arbor, 1967, Introduction by A. Mendel.
- ⁵⁵ S. Tompkins. The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction? Norman, 1967, p. 295, 298.
- ⁵⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 163.
- ⁵⁷ «The Russian Provisional Government, 1917». Documents, vol. I. Stanford, 1961, p. 154.
- ⁵⁸ «Revolutionary Russia». Ed by R. Pipes. New York, 1968, p. 136.
- ⁵⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.
- ⁶⁰ Подробнее см.: Г. И. Злоказов. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. М., 1969; Ю. Токарев. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976.
- ⁶¹ Ю. Токарев. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., 1965; А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967, и др.
- ⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 409.
- ⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 82.
- ⁶⁴ Н. Я. Иванов. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; М. И. Капустин. Заговор генералов. М., 1968; В. Д. Поликарпов. Пролог гражданской войны в России. М., 1976.
- ⁶⁵ См. об этом подробно в монографии Н. Я. Иванова «Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром». М., 1977.
- ⁶⁶ Н. Я. Иванов. Указ. соч., с. 221.
- ⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 205.
- ⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 408.
- ⁶⁹ Критику этих концепций см., в частности: А. И. Володин и др. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50—60-х гг. XIX в. М., 1976.
- ⁷⁰ R. Pethybridge. The Spread of the Russian Revolution. London, 1972, p. 179.
- ⁷¹ Ibid., p. 170, 196.
- ⁷² J. Keep. October in Province. — «Revolutionary Russia». Ed. by R. Pipes, p. 190.
- ⁷³ J. Keep. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. London, 1976, p. 469, XIV, 233.
- ⁷⁴ D. Brown. Doomsday 1917. The Destruction of Russia's Ruling Class. London, 1975, p. 159.
- ⁷⁵ J.-F. Revel. Ni Marx, ni Jesus. Paris, 1970, p. 28.
- ⁷⁶ C. Black, T. Thornton. Communism and Revolution. Princeton, 1964, p. 48.
- ⁷⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, с. 247.
- ⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 364.

- 79 «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 76.
- 80 Там же, с. 80.
- 81 Там же, с. 84.
- 82 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.
- 83 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 142.
- 84 Там же, с. 138.
- 85 И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1968, с. 819—895.
- 86 Там же, с. 946.
- 87 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 348—349.
- 88 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.
- 89 См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.
- 90 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309.
- 91 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.
- 92 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 144—145.
- 93 «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 4.
- 94 T. Hammond. Lenin on Trade Unions and Revolution. 1893—1917, London, 1959, p. 25.
- 95 R. Conquest. Where Marx Went Wrong. London, 1970, p. 51.
- 96 R. Pipes. Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement. 1885—1897. Cambridge (Mass.), 1963, p. VIII—IX.
- 97 R. Daniels (ed.). The Russian Revolution. Englewood Cliffs, 1972, p. 2.
- 98 W. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921, vol. 1. New York, 1935, p. 260—263; подобные высказывания имеются и у Р. Вессона (R. Wesson. The Soviet Russian State. New York, 1972, p. 42).
- 99 R. Pethybridge. The Spread of the Russian Revolution, p. 114.
- 100 W. Chamberlin. Op. cit., p. 261, 263—264.
- 101 «Slavic Review», 1964, December, vol. 23, N 4, p. 629, 636; 1965, March, vol. 24, N 1, p. 16, 52.
- 102 R. Pipes. Social Democracy and the St. Petersburg Labor Movement. 1885—1897, p. 117.
- 103 R. Abramovitch. The Soviet Revolution, p. 16.
- 104 R. E. Zelnik. Labor and Society in Tsarist Russia. The Factory Workers in St. Petersburg 1855—1870. Stanford, 1971.
- 105 «Рабочий класс и рабочее движение в России, 1861—1917 гг.». М., 1966; Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970; «Гегемония пролетариата в трех русских революциях». М., 1975; Г. А. Трукан. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975; С. С. Хесин. Становление пролетарской диктатуры в России. М., 1975; А. П. Гриценко. Рабочий класс Украины в Октябрьской революции. М., 1975; А. М. Андреев. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975; «Исторический опыт Великого Октября». К 80-летию академика И. И. Минца. М., 1976; Ю. С. Токарев. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г.; «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции». М., 1976.
- 106 А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, с. 577.

- ¹⁰⁷ Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, с. 72; А. И. Вдовин, В. З. Дробижев. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг., с. 68, 72—73.
- ¹⁰⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 23.
- ¹⁰⁹ Е. Ф. Ерыкалов. Рабочий класс накануне социалистической революции. — «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции». М., 1976, с. 34, 35.
- ¹¹⁰ «История рабочих Ленинграда», т. I. 1703 — февраль 1917. Л., 1972, с. 184, 185, 459; т. II. 1917—1965. Л., 1972, с. 16.
- ¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 5.
- ¹¹² М. Liebman. Le revolution russe. Vervier, 1967, p. 29. Dm. Pospelovski. Russian Police Trade-Unionism. Experiment or Provocation? London, 1971, p. 23, 28; L. Kochan. Russia in Revolution, 1890—1918. New York, 1966.
- ¹¹³ J. Carmichael. A Short History of the Russian Revolution. New York, 1964.
- ¹¹⁴ T. Uldricks. The «Crowd» in the Russian Revolution. — «Politics and Society», 1974, vol. 4, N 3, p. 405.
- ¹¹⁵ Из массы работ на эту тему выделим лишь специальные монографии последних лет, материал которых наиболее ярко разоблачает данную концепцию «советологов»: Н. А. Кравчук. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971; Т. В. Осипова. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; В. И. Кострикин. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975; А. С. Смирнов. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. М., 1976; П. Н. Соболев. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977.
- ¹¹⁶ «КПСС в резолюциях...», т. 9, с. 290.
- ¹¹⁷ R. Abramovitch. The Soviet Revolution 1917—1939, p. 88, 89.
- ¹¹⁸ A. Rabinowitch. The Petrograd Garrison and the Bolshevik Seizure of Power. — «Revolution and Politics in Russia». Bloomington, 1972, p. 184.
- ¹¹⁹ S. Possony. Lenin. Chicago, 1964, p. 253—254.
- ¹²⁰ A. Ulam. Lenin and the Bolsheviks, p. 365.
- ¹²¹ А. М. Андреев. Российский пролетариат и Советы в 1917 г. — «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции», с. 114.
- ¹²² «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958, с. 95—96.
- ¹²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 413.
- ¹²⁴ Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 302—303.
- ¹²⁵ Е. Ф. Ерыкалов. Рабочий класс накануне социалистической революции. — «Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции», с. 54—55; см. также: «От Октября к строительству коммунизма». М., 1967, с. 38—39.
- ¹²⁶ «Вопросы истории», 1967, № 11, с. 45; В. П. Верховь. Красная гвардия в Октябрьской революции. М., 1976, с. 78, 80.
- ¹²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.
- ¹²⁸ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года, с. 14.
- ¹²⁹ T. Uldricks. The «Crowd» in the Russian Revolution: Towards

Reassessing the Nature of Revolutionary Leadership. — «Politics and Society». 1974, vol. 4, N 3, p. 400, 413.

¹³⁰ Отметим, что советские историки уже подвергли критике ряд буржуазных концепций, связанных с указанными вопросами. См., например: Ю. А. Красин. Социология революции против революции. М., 1966; Л. Е. Тарасевич. Критика буржуазной фальсификации народного характера Великой Октябрьской социалистической революции. — «Борьба большевистской партии за создание политической армии социалистической революции». М., 1967; И. Т. Якушевский. Ленинизм, революция и «советология». Л., 1968; Б. И. Марушкин. История в современной идеологической борьбе. М., 1972; Ю. И. Иглицкий. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции; Л. Ф. Малафеев. Свет Октября и тени антикоммунизма. Свердловск, 1975; «Критика антикоммунистической фальсификации ленинской теории социалистической революции». М., 1975, и др.

¹³¹ H. Williams. The Spirit of the Russian Revolution. London, 1919, p. 14.

¹³² R. Abramovitch. The Soviet revolution 1917—1939, p. 83.

¹³³ B. Pares. My Russian Memoirs. London, 1931, p. 417.

¹³⁴ G. Katkov. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967, p. 367—374.

¹³⁵ P. Kovalevsky. Histoire de Russie et de l'URSS. Paris, 1970, p. 352.

¹³⁶ В. И. Миллер. Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции. — «История СССР», 1966, № 6; Э. Н. Бурджалов. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 288—301; И. И. Минц. История Великого Октября, т. I. Свержение самодержавия. М., 1967, с. 586—591, и др.

¹³⁷ J. Boyd. The Origins of Order N 1. — «Soviet Studies», 1968, vol. 19, N 3, p. 372.

¹³⁸ A. E. Senn. The Myth of German Money During the World War I. — «Soviet Studies», vol. 28, 1976, N 1, p. 83—90.

¹³⁹ G. Katkov, H. Shukman. Lenin's Path to Power. Bolshevism and the Destiny of Russia. London, 1971, p. 60.

¹⁴⁰ J. Lawrence. A History of Russia. New York, 1960, p. 244; A. Mazour. Russia Tsarist and Communist. New York, 1962, p. 565.

¹⁴¹ И. И. Минц. История Великого Октября, т. I. Свержение самодержавия, с. 415—416.

¹⁴² П. А. Голуб. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. М., 1967; «Борьба большевиков за армию в трех революциях». М., 1969; «Военные организации российского пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1903—1917». М., 1974, и др.

¹⁴³ См., например, «История латышских стрелков. 1915—1920». Рига, 1972.

¹⁴⁴ M. Liebman. La revolution russe, p. 183.

¹⁴⁵ R. Abramovitch. The Soviet Revolution 1917—1939, p. 58—59; A. Rabinowitch. Prelude to Revolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington — London, 1968; E. Thaden. Russia Since 1801. The Making of a New Society. New York, 1971, p. 440; D. Liversidge. Lenin. Genius of Revolution. New York, 1969, p. 121.

Критику этих концепций см. подробно: Л. Е. Тарасевич. Критика

буржуазной фальсификации народного характера Великой Октябрьской социалистической революции; *Н. В. Романовский*. Июльские события в современной буржуазной историографии. — «История СССР», 1971, № 3, с. 209—224, и др.

¹⁴⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 13, с. 76—77.

¹⁴⁷ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 34, с. 243.

¹⁴⁸ Там же, с. 145.

¹⁴⁹ Так, журнал английских «советологов» за довольно короткий срок опубликовал целый ряд статей о Корнилове и его заговоре («Soviet Studies», 1968, vol. XX, N 2, p. 181—205; 1973, vol. 25, N 2, p. 283—298; 1974, vol. 26, N 2, p. 274—275).

Основные положения английской буржуазной историографии корниловщины, аналогичные концепциям «советологов» других стран, подвергнуты критике в статье Г. Т. Косых «Корниловский мятеж в освещении английской буржуазной историографии». — «Вопросы истории КПСС», 1974, № 7.

¹⁵⁰ *D. Shub. Lenin. A Biography*. New York, 1948, p. 226; *W. S. Woytinsky. Stormy Passage*. New York, 1961, p. 355.

¹⁵¹ Например, *N. Saul. Lenin's Decision to Seize Power*. — «Soviet Studies», 1973, vol. 24, N 4, p. 49; *R. Abramovitch. The Soviet Revolution 1917—1939*, p. 60; *R. V. Daniels. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917*, p. 43; *L. Kochan. Russia in Revolution*, p. 247, etc.

¹⁵² Подробнее см.: *И. И. Минц*. История Великого Октября. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата, т. 2, с. 649—654.

¹⁵³ См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, с. 46—47, 58, 81, 91 и др. Подсчеты произведены автором (с. 319—390).

¹⁵⁴ *W. Rosenberg. The Russian Municipal Duma Elections of 1917: a Preliminary Computation of Returns*. — «Soviet Studies», 1969, vol. 21, N 2, p. 241.

¹⁵⁵ *R. Wade. The Rajonnyye Sovety of Petrograd*. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1972, Bd. 20, Hf. 2, S. 226.

¹⁵⁶ «Politics and Society», 1974, vol. 4, N 3, p. 398.

¹⁵⁷ *T. von Laue. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900—1930*. Philadelphia—New York, 1964, p. 127, 137.

¹⁵⁸ *H. Seton-Watson. From Lenin to Khrushchev. The Pattern of Communist Revolution. A Historical Analysis*. London, 1960, p. 30.

¹⁵⁹ *R. A. Wade. The Rajonnyye Sovety of Petrograd*, p. 240.

¹⁶⁰ *P. Avrich. The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry*. — «Slavic Review», 1963, vol. 22, N 1; *Idem. Russian Factory Committees in 1917*. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1963, Bd. 11, Hf. 2; *T. Hasegawa. The Formation of the Militia in the February Revolution*. — «Slavic review», 1973, vol. 32, N 2; *D. Longley. Officers and Men. A Study of the Development of Political Attitudes among the Sailors of the Baltic Fleet in 1917*. — «Soviet Studies», 1973, vol. 25, N 1.

¹⁶¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.

¹⁶² *В. В. Комин*. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; *Н. В. Рубан*. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; *Х. М. Астрахан*. Большевики

и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973; С. Н. Канев. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974; К. В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контр-революции. Исторический очерк. М., 1975; Л. М. Спирин. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. Начало XX в. — 1920 г. М., 1977, и др.

¹⁶³ О. Н. Radkey. The Sickie under the Hammer. The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. New York, 1963, p. 493.

¹⁶⁴ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1974, Bd. 22, Hf. 4, S. 625—626.

¹⁶⁵ «КПСС в резолюциях...», т. 10, с. 153.

¹⁶⁶ Поверхностность подхода «советологов» к историческим данным иногда поразительна. Д. Фрэнкел, взявшись описывать теоретические предпосылки Октября, умудрился ни словом не упомянуть ленинские работы об империализме и вообще работы 1914 — февраля 1917 гг. (J. Frankel. Lenin's Doctrinal Revolution of 1917. — «Journal of Contemporary History», 1969, vol. 4, N 2, p. 117—142).

¹⁶⁷ R. Daniels. Red October, p. 29; R. McNeal. The Bolshevik Tradition. Englewood Cliffs. New York, 1964, p. 30—31; A. Ulam. Lenin and the Bolsheviks, p. 324.

¹⁶⁸ В. А. Кувшинов. Партия большевиков после свержения самодержавия. М., 1975, с. 242—243.

¹⁶⁹ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. I. М., 1967, с. 29—40; В. А. Кувшинов. Партия большевиков после свержения самодержавия, и др.

¹⁷⁰ См. «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы». М., 1958, с. 37.

¹⁷¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 312.

¹⁷² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 279, а также сделанные в январе — феврале выписки в процессе подготовки книги «Государство и революция» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 304—307).

¹⁷³ Например, A. Ulam. Lenin and the Bolsheviks, p. 462; «Fifty Years of Communism in Russia». Ed. by M. Drachkovitch. London, 1968, p. XIII, 36; R. Payne. The Life and Death of Lenin. New York, 1964, p. 336, etc.

¹⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 26.

¹⁷⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 2, 5, 13, 15, 29, 77—78 и др.

¹⁷⁶ «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы». М., 1958, с. 257.

¹⁷⁷ A. Ulam. Lenin and the Bolsheviks, p. 360; J. Reshetar. A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960, p. 134.

¹⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 240.

¹⁷⁹ См. там же, с. 247.

¹⁸⁰ «Пролетарская революция», 1928, № 10, с. 183.

¹⁸¹ «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». Сборник материалов и протоколов. М.—Л., 1927, с. 292—303.

¹⁸² N. Riasanovsky. A History of Russia. New York, 1963, p. 518; T. Anderson. Masters of Russian Marxism. New York, 1963, p. 48;

W. Gurian. *Bolshevism. An Introduction to Soviet Communism*. Notre Dame, 1963, p. 14, etc.

¹⁸³ «Revolutionary Russia». Ed. by R. Pipes, p. 139.

¹⁸⁴ A. Rabinowitch. *Prelude to Revolution*, p. 231.

¹⁸⁵ S. Cohen. *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, p. 5; D. Longley. *Some Historiographical Problems of Bolshevik Party History* (The Kronstadt Bolsheviks in March 1917). — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1975, Bd. 22, Hf. 4, p. 511.

¹⁸⁶ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 67—68, 149—150; И. В. Ильина. Борьба партии большевиков против проявлений «левизны» в период подготовки Октябрьской революции. М., 1967, с. 80, 76, и др.

¹⁸⁷ См. таблицу голосования резолюций на VI съезде в работе И. И. Минца «История Великого Октября», т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата, с. 695.

¹⁸⁸ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, с. 191—192, 243—249; О. Г. Обичкин. Устав большевистской партии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. — «Вестник Московского университета», серия IX. История, 1967, № 6, с. 3—18 и др.; И. С. Терехов. В. И. Ленин и строительство партии в период от Февраля к Октябрю (1917 г.). Саратов, 1969, с. 102—114; X. М. Астрахан. О росте Петроградской организации РСДРП(б) в 1917 г. — «В. И. Ленин и местные партийные организации России». Пермь, 1970.

¹⁸⁹ См. «Протоколы Русского Бюро ЦК РСДРП(б)». — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, с. 152 (О членстве в партии).

¹⁹⁰ «Устав Петербургской организации РСДРП». — VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), с. 30—31; «Проект Устава военной организации», «Устав Российской социал-демократической рабочей партии». — «КПСС в резолюциях...», т. 1, с. 478—479, 496—498, и др.

¹⁹¹ См. «Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы», с. 296—297.

¹⁹² X. М. Астрахан. О росте Петроградской организации РСДРП(б), с. 703.

¹⁹³ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года, с. 5.

¹⁹⁴ A. Ulam. *Lenin and the Bolsheviks*. London, 1965, p. 314.

¹⁹⁵ «Civil Wars in the Twentieth Century». Ed. by R. Higham. Lexington, 1972, p. 80.

¹⁹⁶ P. Kenz. *Civil War in South Russia*, 1918. Los Angeles, 1971, p. 3.

¹⁹⁷ P. Aurich. *Kronstadt*, 1921. Princeton, 1970.

¹⁹⁸ Подробнее об этом см.: С. Н. Семанов. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа. М., 1973, с. 122—136.

¹⁹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 239.

²⁰⁰ P. Kenz. *Civil War in South Russia*, 1918, p. 284.

²⁰¹ R. Luckett. *The White Generals*. London, 1971, p. 338.

²⁰² Ibid., p. 387.

²⁰³ Подробнее критику современной буржуазной историографии гражданской войны см.: В. И. Салов, В. С. Рыкалов. К критике антимарксистской историографии гражданской войны и иностранной интервенции. — «Критика буржуазной историографии Советского общества». М., 1972; В. П. Наумов, А. А. Косаковский. История граждан-

ской войны и интервенции в СССР. Современная буржуазная историография. М., 1976, и др.

²⁰⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 397.

²⁰⁵ Q. Chamberlin. The Russian Revolution, p. 406; см. также: G. Brinkley. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. Notre Dame, 1966, p. 73.

²⁰⁶ R. Warth. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 30—31, 93, 100, 106, 139, 147.

²⁰⁷ G. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 12, 22, 26, 38.

²⁰⁸ G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 23.

²⁰⁹ R. Warth. The Allies and the Russian Revolution, p. 188.

²¹⁰ F. Schuman. Russia since 1917. New York, 1957, p. 94.

²¹¹ G. Kennan. Russia Leaves the War, p. 76.

²¹² G. Kennan. American Troops in Russia. The True Record. — «The Atlantic», 1959, January, p. 37, 42.

²¹³ R. Ullman. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921, vol. 1. Intervention and War. Princeton, 1961.

²¹⁴ G. Brinkley. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921, p. X; J. Thompson. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1967.

²¹⁵ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, с. 11.

²¹⁶ Подробнее см.: А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964.

²¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 53.

²¹⁸ R. Warth. The Allies and the Russian Revolution, p. 175.

²¹⁹ G. Kennan. The Russian Revolution, p. 16.

²²⁰ Подробно см.: С. Ю. Выгодский. Первые отклики в прогрессивных изданиях США на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. — «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961, с. 111.

²²¹ G. Brinkley. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921, p. X.

²²² J. Thompson. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1967.

²²³ Г. Селезнев. Крах заговора. М., 1963; А. Березкин. Октябрьская революция и США. 1917—1922 гг. М., 1967; В. С. Васюков. Предыстория интервенции. Февраль 1917 — март 1918. М., 1968; Л. А. Гавишани. Советская Россия и США (1917—1920). М., 1970, и др.

²²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 38—39.

²²⁵ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года, с. 3—4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., 1977, с. 3.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3.

³ G. Geyer. Die russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven. Stuttgart u. a., 1968, S. 135.

⁴ H. Jablonowski. Russland, Polen und Deutschland. Köln — Wien, 1972, S. 172.

⁵ «Russia under the Last Tsar». Minneapolis, 1970, p. 1.

⁶ *M. Ferro, R. Girault.* De la Russie a l'URSS. L'histoire de la Russie de 1850 a nos jours. Paris, 1974, p. 3.

⁷ *H.-W. Krohn.* Einleitung. — *W. Leonhard.* Was ist Kommunismus. Wandlungen einer Ideologie. München, 1976, S. 7.

⁸ «Soviet Studies», 1977, vol. 29, N 1, p. 137.

⁹ «The Anatomy of Communist Takeovers». Ed by T. T. Hammond. New Haven — London, 1975, p. 1, 2.

¹⁰ *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 269.

¹¹ «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. М., 1976, т. 1, с. 99.

¹² «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 29.

¹³ *R. Tucker.* On the Comparative Study of Communism. — «World Politics», 1967, January, p. 242.

¹⁴ *L. Haimson.* The Problem of Social Stability in Urban Russia. — «Slavic Review», 1964, December, p. 622.

¹⁵ *A. Rabinowitch.* The Bolsheviks Come to Power: the Revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976, p. 312, 313.

¹⁶ «The New York Review of Books», 31 March, 1977, p. 3.

¹⁷ «Journal of Modern History», 1976, vol. 48, N 3, p. 573.

¹⁸ «Slavic Review», 1976, vol. 35, N 2, p. 334.

¹⁹ *J. Keep.* The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. London, 1976, p. 310.

²⁰ «The Anatomy of Communist Takeovers», p. 52.

²¹ *J. Keep.* The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization, p. 469.

²² «The New York Book Review», 31 March, 1977, p. 3.

²³ «Comparative Studies in Society and History», 1977, vol. 19, N 1, p. 111.

²⁴ *M. Smilg-Benario.* Von Kerenski zu Lenin. Die Geschichte der zweiten Russischen Revolution. Zürich u. a., 1929, S. 7.

²⁵ *B. Maklakov.* On the Fall of Tsardom. — «The Slavonic and East European Review», 1939, vol. 18, N 52, p. 73.

²⁶ «The American Slavic and East European Review», 1944, vol. 22, N 60, p. 133.

²⁷ «The Russian Revolution: Democracy or Deference?». Hinsdale, 1974, p. 9.

²⁸ *J. Keep.* The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization, p. VII.

²⁹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 23.

³⁰ *См. В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 25.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович, Р. Р. (1880—1963) — бундовец, белоэмигрант 117, 146, 158, 187, 191, 195, 247, 250, 251, 254—257
- Аврех, А. Я. — советский историк 244
- Аврич, Поль (Avrich, Paul), род. 1931 г. — профессор Куинз колледжа, Нью-Йорк 166, 210, 257, 259
- Адамс, Артур (Adams, Arthur), род. 1917 г. — профессор ун-та штата Огайо, США 251
- Адлер, Фридрих (Adler, Friedrich) (1879—1960) — один из лидеров австрийской социал-демократии и теоретиков «австромарксизма» 211
- Аксельрод, П. Б. (1850—1928) — один из лидеров меньшевизма 79
- Александра Федоровна, российская императрица 100, 125
- Анвайлер, Оскар (Anweiler, Oskar), род. 1925 г. — профессор Бохумского ун-та, ФРГ 45, 61, 95, 235, 237, 238
- Андреев, А. М. — советский историк 253, 254, 255
- Анфимов, А. Н. — советский историк 245
- Аргун, Х. — советский историк 243
- Арманд, И. Ф. (1874—1920) — деятель большевистской партии и международного коммунистического и рабочего движения 143, 144
- Арон, Раймон (Aron, Raymond), род. 1905 г. — французский социолог, профессор Сорбонны 19
- Арутюнян, А. М. — советский историк 240
- Астрахан, Х. М. — советский историк 257, 259
- Бакунин, М. А. (1814—1876) — русский революционер, один из идеологов анархизма и народничества 175
- Белкина, Г. Л. — советский философ 233
- Беляев, Е. А. — советский историк 238
- Бендикс, Рейнхард (Bendix, Reinhard), род. 1916 г. — профессор Калифорнийского ун-та, г. Беркли, США 23, 233
- Березкин, А. В. — советский историк 260
- Берендт, Рихард Фриц (Behrendt, Richard Fritz) — профессор социологии «Свободного университета», Зап. Берлин 29
- Биллингтон, Джеймс (Billington, James), род. 1929 г. — профессор Принстонского ун-та, США 4, 156, 167, 231, 251, 252
- Бирт, Эрнст (Birth, Ernst) — сотрудник Кильского ун-та, ФРГ 240
- Блэк, Сирил (Black, Cyril) — профессор Принстонского

- ун-та, США 30—32, 168, 179, 234, 253
- Бовыкин, В. И. — советский историк 237
- Бойд, Джон (Boyd, John) (1938—1967) — канадский историк 196, 256
- Бондаревская, Т. П. — советский историк 241
- Брайденаух, Карл (Bridenbaugh, Carl), род. 1903 г. — профессор, президент Американской исторической ассоциации в 1962 г. 16
- Браудер, Роберт (Browder, Robert), род. 1921 г. — профессор ун-та штата Аризона, США 124, 148, 158, 171, 250, 251
- Браун, Дуглас (Brown, Douglas) — английский журналист, зам. гл. редактора газеты «Санди телеграф» 178, 253
- Брежнев, Л. И. — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР 8, 222
- Бринкли, Джордж (Brinkley, George), род. 1931 г. — профессор Нотрдеймского ун-та, США 215, 217, 259, 260
- Бринтон, Морис (Brinton, Maurice) — английский публицист 7, 232
- Брусилов, А. А. (1853—1926) — русский генерал, в 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом, в мае — июле 1917 — верховный главнокомандующий 121, 247
- Брэдли, Джон (Bradley, John), род. 1930 г. — преподаватель Манчестерского ун-та, Англия 232
- Бурджалов, Э. Н. — советский историк 127, 196, 231, 246, 248, 250, 256
- Бьюкенен, Джордж (Buchanan, George) (1854—1924) — английский посол в России в 1910—1918 гг. 146
- Вагенленер, Гюнтер (Wagenlehner, Günther), род. 1923 г. — западногерманский «советолог» 29
- Вада, Харуки — профессор Токйского ун-та, Япония 128, 248
- Вандервельде, Эмиль (Vanderwelde, Emil), (1866—1938) — председатель МСБ II Интернационала, оппортунист 247
- Васильев, Н. И. — советский историк 240
- Васильев-Южин, М. И. (1876—1937) — советский государственный и партийный работник, публицист, в 1905 г. — член МК РСДРП 243
- Васюков, В. С. — советский историк 10, 232, 252, 260
- Вдовин, А. И. — советский историк 252, 255
- Вернадский, Джордж (Vernadsky, George V.), (1887—1973) — профессор Йельского ун-та, США 34, 50, 68, 91, 157, 234, 236, 240, 251
- Верхось, В. П. — советский историк 255
- Вессон, Роберт (Wesson, Robert), род. 1920 г. — профессор Калифорнийского ун-та, г. Санта-Барбара, США 254
- Вествуд, Д. (Westwood, J. N.), сотрудник Центра русских и восточно-европейских исследований Бирмингемского ун-та, Англия 75, 82, 241, 242
- Вильсон, Колин (Wilson, Colin) — английский автор книги о Распутине 244
- Вильтон, Роберт (Wilton, Robert) — в 1917 г. корреспондент английской консервативной газеты «Таймс» в Петрограде 147
- Вильямс, Альберт Рис (Williams, Albert Rhys) (1883—1962) — американский публицист и журналист, очеви-

- дец и участник Октябрьской революции 157, 162, 252
- Витте, С. Ю. (1849—1915) — государственный деятель царской России, председатель Совета министров 55, 68, 69, 96
- Витфогель, Карл (Wittfogel, Karl), род. 1896 г. — профессор штата Вашингтон, г. Сизтл, США 36, 234
- Войтинский, В. С. (1885—1960) — в период 1905—1907 гг. примыкал к большевикам, после Февраля 1917 г. — меньшевик, белоэмигрант 135, 198, 257
- Волобуев, П. В. — советский историк 246
- Володин, А. И. — советский философ 253
- Вольф, Бертрам (Wolfe, Bertgam), род. 1896 г. — ст. научный сотрудник Института войны, революции и мира, г. Стэнфорд, США 7, 95, 108, 169, 241
- Воровский, В. В. (1871—1923) — видный деятель большевистской партии, публицист и литературный критик 81, 242
- Вулфенштайн, Виктор (Wolfenstein Victor E.) 26
- Выгодский, С. Ю. — советский историк 260
- Вырубова, А. А. — фрейлина императрицы 156
- Галай, Шмуль (Galai, Shmuel) — преподаватель ун-та г. Негев, Израиль 48, 55, 66, 68, 82, 232, 236, 237, 242
- Галилей, Галилео (1564—1642) — великий итальянский ученый 99
- Гальперин, Г. В. — советский историк 240
- Ганецкий, Я. С. (Фюрстенберг) (1879—1937) — видный деятель польского и русского революционного движения 144
- Гапон, Георгий (1870—1906) — священник, агент царской охраны 232
- Гапоненко, Л. С. — советский историк 231, 246, 252, 255
- Гвишиани, Л. А. — советский историк 260
- Гейер, Дитрих (Geyer, Dietrich), род. 1928 г. — профессор Тюбингенского ун-та, ФРГ 8, 194, 220, 260
- Гершенкрон, Александр (Gerschenkron, Alexander), род. 1904 г. — профессор Гарвардского ун-та, США 38, 39, 229, 232, 235
- Гетцлер, Израэль (Getzler, Israel) — австралийский «советолог» 56, 237
- Гиндин, И. Ф. — советский историк 244
- Голдстон, Роберт (Goldston, Robert) — американский журналист 134, 248, 249
- Голуб, П. А. — советский историк 249, 256
- Горемыкин, И. Л. (1839—1917) — государственный деятель царской России, председатель Совета министров, ярый монархист 95
- Горовиц, Ирвинг Луис (Hogowitz, Irving Louis), род. 1929 г. — американский социолог, профессор 23, 233
- Городецкий, Е. Н. — советский историк 231
- Горький, А. М. (1868—1936) — великий пролетарский писатель 137, 138
- Граве, Б. Б. — советский историк 246
- Грамиши, Антонио (1891—1937) — основатель и руководитель Коммунистической партии Италии 157
- Грегор, Джеймс (Gregor, James A.), род. 1929 г. — преподаватель Калифорнийского ун-та, г. Беркли, США 19, 233
- Гриценко, А. П. — советский историк 254
- Гурьян (Лурье), Вальдемар

- (Gurian, Waldemar) (1902—1954) — профессор Нотр-деймского ун-та, США 258
- Гусев, К. В. — советский историк 257
- Гусев (Драбкин), С. И. (1874—1933) — советский партийный и государственный деятель. С декабря 1904 по май 1905 г. — секретарь Петербургского комитета партии 82, 83, 243
- Гучков, А. И. (1862—1936) — русский капиталист, основатель и лидер партии октябристов 55, 100, 123, 126, 146, 171
- Давидович, А. М. — советский историк 240, 244
- Дажина, И. М. — советский историк 249
- Демочкин, Н. Н. — советский историк 237, 238, 247
- Деникин, А. И. (1872—1947) — царский генерал, главнокомандующий белогвардейскими силами на юге России в 1918—1920 гг. 213
- Дерфлер, Лесли (Derfler, Leslie) — профессор Атлантического ун-та, штат Флорида, США 78, 242
- Дестлер, Честер (Destler, Chester), род. 1904 г. — американский историк 17
- Джил, А. — английский историк 24
- Дойчер, Исаак (Deutscher, Isak) (1900—1967) — в 1931 г. исключен из компартии Польши. Английский «советолог» 7, 11, 16, 48
- Достоевский, Ф. М. (1822—1881) — великий русский писатель 100
- Дракер, Г. (Drucker, H. M.), род. 1942 г. — преподаватель Эдинбургского ун-та, Англия 19, 233
- Драчкович, Милорад (Drachkovitch, Milorad) — сотрудник Института войны, революции и мира, г. Стэнфорд, США 258
- Дробижев, В. З. — советский историк 252, 255
- Дружинина, Е. И. — советский историк 235
- Дубровский, С. М. — советский историк 239, 241, 246
- Думова, Н. Г. — советский историк 246
- Дунк, Германн фон дер (Dunk, Hermann von der) — голландский историк, профессор 8
- Духанова, З. В. — советский историк 243
- Дьюн, Горейс (Dewey, Horace), род. 1920 г. — профессор Мичиганского ун-та, г. Эн-Арбор, США 161
- Дьюкс, Поль (Dukes, Paul) — преподаватель истории Абердинского ун-та, Англия 37, 100, 102, 116, 134, 154, 235, 245, 247, 249, 251
- Дьюхерст, Мартин (Dewhirst, Martin) — английский историк 160
- Дэниэлс, Роберт (Daniels, Robert V.), род. 1926 г. — профессор Вермонтского ун-та, США 4, 7, 26, 37, 128, 159, 160, 166, 186, 202, 231, 234, 235, 248, 250, 251, 254, 257, 258
- Дюма, Жан-Луи (Dumas, Jean-Louis) — французский философ 21, 233
- Дякин, В. С. — советский историк 246
- Ейни, Джордж (Yaney, George), род. 1930 г. — преподаватель Мерилендского ун-та, США 95
- Елизарова (Ульянова), А. И. (1864—1935) — видный деятель Коммунистической партии, старшая сестра В. И. Ленина 142
- Емелях, Л. И. — советский историк 239
- Ерман, Л. К. — советский историк 237

- Ерошкин, Н. П. — советский историк 240, 244
- Ерыкалов, Е. Ф. — советский историк 252, 255
- Ефремов, И. Н. — крупный помещик, депутат I, III, IV Дум, в 1917 г. — член Временного правительства 114
- Жарков, М. Г. — советский историк 15
- Жиро, Рене (Girault, Rene) — французский историк 220, 260
- Занкевич, М. И. — в феврале 1917 г. помощник ген. Хабалова, командующего войсками Петроградского военного округа 126
- Зародов, К. И. — советский историк 231, 251
- Зельник, Реджинальд (Zelnik, Reginald), род. 1936 г. — преподаватель Калифорнийского ун-та, г. Беркли, США 187, 254
- Зензинов, В. М. (1881—1953) — один из руководителей партии эсеров, член ее ЦК 148
- Зиновьев (Радомысльский), Г. Е. (1883—1936) — в РСДРП с 1901 г., примиренец; после Февраля 1917 г. проявлял колебания, был против вооруженного восстания. Исключен из партии за антипартийную деятельность 205, 206
- Злоказов, Г. И. — советский историк 253
- Зубатов, С. В. (1864—1917) — жандармский полковник, вдохновитель и организатор «полицейского социализма» 96
- Зырянов, П. Н. — советский историк 14, 237, 239, 244, 245
- Ибрагимов, З. — советский историк 239
- Иванов, В. М. — советский историк 241
- Иванов, Н. Я. — советский историк 253
- Иванова, Н. А. — советский историк 238
- Игрицкий, Ю. И. — советский историк 14, 15, 247, 252, 256
- Ильина, И. В. — советский историк 259
- Иноятов, Х. Ш. — советский историк 240
- Иоффе, Г. З. — советский историк 14
- Каменев (Розенфельд), Л. Б. (1883—1936) — в РСДРП с 1904 г., примиренец; после Февраля 1917 г. выступал против курса на социалистическую революцию и вооруженное восстание. Исключен из партии за антипартийную деятельность 205, 206
- Кан, Роберт (Kann, Robert), род. 1906 г. — профессор ун-та Рутгерса, США 23, 233
- Канев, С. Н. — советский историк 257
- Капустин, М. И. — советский историк 253
- Капырин, В. С. — советский философ 234
- Кармайкл, Джоуэл (Carmichael, Joel) — американский «советолог» 190, 255
- Карпович М. М. (1888—1958) — эмигрант, профессор Гарвардского ун-та, США 91, 157, 251
- Карр, Эдвард (Carr, Edward H.), род. 1892 г. — профессор, сотрудник Кембриджского ун-та, Англия 38, 117, 235, 247
- Каррер д'Анкосс, Элен (Carrere d'Encausse, Helen) — профессор Национального центра политических наук, Париж 17, 233
- Каспаров, В. М. (1883—1917) — член большевистской партии с 1904 г., член комите-

- та Заграничной организации РСДРП, во время первой мировой войны жил в Берне 142
- Катков, Джордж, род. 1903 г. — английский историк, сотрудник Оксфордского ун-та 7, 95, 100, 108, 109, 115, 116, 118, 133, 135, 136, 148, 161, 196, 232, 244, 247, 249—251, 256
- Каутский (Kautsky), Карл (1854—1938) — один из лидеров II Интернационала, идеолог центризма 211
- Кашен, Марсель (1869—1958) — видный деятель французского и международного рабочего движения 157
- Кенез, Питер (Kenez, Peter), род. 1937 г. — преподаватель Калифорнийского ун-та, г. Санта-Барбара, США 211, 212, 232, 259
- Кеннан, Джордж (Kennan, George), род. 1904 г. — научный сотрудник Института высших исследований в Принстоне, США, профессор, быв. дипломат 17, 92—94, 109, 152, 167, 213—217, 232, 233, 252, 260
- Керенский, А. Ф. (1881—1970) — эсер, премьер-министр буржуазного Временного правительства, белоэмигрант 105, 109, 124, 147, 148, 156—159, 169, 171, 174, 245, 250
- Керр, Кларк (Kerr, Clark) — профессор экономики, сотрудник корпорации Карнеги 126
- Кип, Джон (Keer, John H. L.) — профессор ун-та г. Торонто, Канада 7, 56, 64, 66, 74, 82, 85—87, 157, 177, 194, 199, 228, 229, 231, 232, 237—239, 241—243, 253, 261
- Кириллов, В. С. — советский историк 238
- Климов, П. И. — советский историк 243
- Клюева, А. Д. — советский историк 238
- Ковалевский, П. — французский историк, эмигрант 196, 256
- Коковцов, В. Н. (1853—1943) — министр финансов царского правительства в 1904—1911 гг. 70
- Коллинз, Т. (Collins, T.) — американский «советолог» 232
- Колчак, А. В. (1873—1920) — в 1918—1919 гг. — один из главных руководителей российской контрреволюции 213
- Комин, В. В. — советский историк 257
- Кон, Ганс (Kohn, Hans) (1891—1971) — профессор ун-та, г. Нью-Йорк, США 35, 36, 234
- Конкин, Поль (Conkin, Paul), род. 1929 г. — профессор Висконсинского ун-та, г. Мэдисон, США 17, 233
- Конкуэст, Роберт (Conquest, Robert) — английский «советолог» 186, 254
- Коповалов, А. И. — министр Временного правительства; в 1915—1916 гг. — зам. председателя Центрального военно-промышленного комитета, депутат IV Думы 114
- Корнилов, Л. Г. (1870—1918) — царский генерал, в июле — августе 1917 г. верховный главнокомандующий; возглавлял контрреволюционный мятеж 198, 228, 257
- Королев, А. И. — советский историк 240
- Королев, И. Е. — советский историк 250
- Корф, С. А. (Korff, S. A.) — эмигрант, в 20-х годах преподавал в ун-тах США 236
- Косаковский, А. А. — советский историк 259
- Костин, А. Ф. — советский историк 241
- Кострикин, В. И. — советский историк 255
- Косых, Г. Т. — советский историк 257
- Кочэн, Лайонел (Kochan, Lio-

- nel), род. 1922 г. — преподаватель Эдинбургского ун-та, Англия 7, 50, 64, 117, 148, 190, 232, 239, 247, 255, 257
- Коэн, Стивен (Cohen, Stephen), род. 1938 г. — преподаватель Принстонского ун-та, США 6, 8, 21, 167, 206, 221, 231, 252, 258
- Кравчук, Н. А. — советский историк 255
- Красин, Ю. А. — советский философ 256
- Краснов, И. М. — советский историк 235
- Краснов, П. Н. (1869—1947) — царский генерал, активный участник корниловского мятежа в августе 1917 г. 174
- Крастьинь, Я. П. — советский историк 239
- Крейдлинка, Л. М. — советский историк 243
- Кириянов, Ю. И. — советский историк 244
- Кирюхина, Е. И. — советский историк 239
- Кларксон, Джесс (Clarkson, Jesse) (1897—1973) — профессор Бруклинского колледжа, Нью-Йорк 37, 64
- Крон, Х.-В. (Krohn, H.-W.) — западноберлинский автор 221, 260
- Крузе, Э. Э. — советский историк 246
- Крупина, Т. Д. — советский историк 234
- Крупская, Н. К. (1869—1939) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства 140, 142, 144, 243, 250
- Крэнкшоу, Эдвард (Crankshaw, Edward) — английский журналист 117, 161, 247
- Кузнецов, И. В. — советский историк 250
- Кускова, Е. Д. (1869—1958) — буржуазная общественная деятельница и публицист 109
- Лаврин, В. А. — советский историк 251
- Лаккетт, Ричард (Luckett, Richard), род. 1945 г. — английский историк 212, 259
- Лауэ, Теодор фон (Laue, Theodore von), род. 1916 г. — профессор Кларкского ун-та штат Массачусетс, США 7, 50, 91, 92, 95, 96, 103, 135, 194, 200
- Левенталь, Рихард (Löwenthal, Richard), род. 1908 г. — профессор «Свободного университета» в Зап. Берлине 23
- Левин, Альфред (Levin, Alfred), род. 1908 г. — профессор ун-та, г. Кент, США 240
- Лейберов, И. П. — советский историк 246
- Лейн, Дэвид (Lane, David), род. 1933 г. — сотрудник Кембриджского ун-та, Англия 85—87, 235, 243
- Ленин, В. И. (1870—1924) 3, 5, 7, 9, 12, 15, 19—23, 37, 41, 42, 44, 49, 53, 55, 57—60, 62, 65—69, 72—76, 78—83, 86—88, 99, 101—103, 106, 107, 110—113, 116, 120—122, 126, 128—130, 135, 137, 138, 140—147, 151, 152, 158, 160, 161, 163—165, 169, 170, 172—176, 178, 179, 181, 183—185, 188, 189, 191, 193—195, 197, 198, 200—206, 211—213, 216, 218, 219, 221, 227, 230—231, 233, 235—255, 257—261
- Леонхард, Вальтер (Leonhard, Walter), род. 1921 г. — западногерманский «советолог» 221
- Либман, Марсель (Liebman, Marcel), род. 1929 г. — профессор Брюссельского ун-та, Бельгия 7, 190, 197, 232, 255, 256
- Ливерсидж, Дуглас (Liversidge, Douglas) — американский журналист 74, 241, 256
- Лимберг, Уэйн (Limberg, Wayne) — сотрудник Джордж-

- таунского ун-та, г. Вашингтон, США 77—78
- Липсет, Сеймур (Lipset, Seymour), род. 1922 г. — профессор социологии Гарвардского ун-та, США 17, 233
- Лихтгейм, Джордж (Lichtheim, George) (1912—1973) — профессор Стэнфордского ун-та, США 20, 233
- Ломтатидзе, В. Б. (1879—1915) — меньшевик, делегат IV съезда РСДРП под псевдонимом Воробьев 72
- Лонгли, Дэвид (Longley, David) — преподаватель Абердинского ун-та, Англия 118, 247, 249, 257, 258
- Лоуренс, Джон (Lawrence, John) — английский журналист, работавший в СССР 196, 256
- Лоцек, Герхард (Lozek, Gerhard), род. 1923 г. — историк ГДР 231
- Лукас, Джон (Lucacs, John) — профессор истории в колледжах Честерхилл и Лассалль, штат Филадельфия, США 160, 251
- Лукомский, А. С. — в феврале 1917 г. генерал-квартирмейстер царской Ставки 125, 126, 248
- Львов, Г. Е. (1861—1925) — после Февральской революции 1917 г. глава Временного правительства до июльского кризиса 131
- Льюис, Джерри (Lewis, Jerry) — английский философ-марксист 20, 233
- Люксембург, Роза (1871—1919) — выдающийся деятель польского и немецкого рабочего движения 157
- Лященко, П. И. — советский историк 245
- Мазур, Анатолий (Mazour, Anatole), род. 1900 г. — профессор Стэнфордского ун-та, США 196, 256
- Майкосен, Альфред — польский журналист, в апреле 1914 г. беседовал с В. И. Лениным 138
- Майский И. М. (1884—1975) — в 1918 г. был в составе эсеро-меньшевистского Комитета Учредительного собрания. Порвал с меньшевизмом; в 1921 г. вступил в РКП(б). Советский дипломат, историк, академик 211
- Макколи, Мартин (McCauley, Martin), род. 1934 г. — преподаватель Лондонского ун-та 249
- Маклаков, В. А. — правый кадет; помещик; депутат II—IV Дум, белэмигрант 115, 229, 240, 261
- Макнил, Роберт (McNeal, Robert), род. 1930 г. — профессор Массачусетского ун-та, г. Амхерст, США 154, 194, 202
- Малафеев, Л. Ф. — советский философ 256
- Мандельштам, М. Л. — член ЦК кадетской партии 114
- Марков, Н. Е. (Марков 2-й) — крупный помещик, черносотенец, депутат III и IV Дум 170
- Маркс, Карл (1818—1883) 12, 19, 22, 23, 28, 40, 77, 78, 161, 175, 179, 182, 186, 219, 233, 235, 242, 253
- Маркузе, Герберт (Marcuse, Herbert), род. 1898 г. — профессор философии ун-та г. Сан-Диего, США 19, 161, 191, 252
- Мартов, Л. (Ю. О. Цедербаум) (1873—1923) — один из лидеров меньшевизма 137, 211, 237
- Марушкин, Б. И. — советский историк 14, 231, 245, 256
- Матвиенко, С. С. — советский историк 250
- Медлин, Вирджил (Medlin, Virgil), род. 1943 г. — преподаватель ун-та, г. Оклахома, США 229

- Мейер, Альфред (Meyer, Alfred G.), род. 1920 г. — профессор Мичиганского ун-та, США 19, 78, 242
- Мейл, Дональд (Male, Donald J.) — английский историк 239
- Мелинджер, Говард (Mehlinger, Howard), род. 1931 г. — преподаватель Индианского ун-та, г. Блумингтон, США 69, 70, 240
- Мельгунов, С. П. (1879—1956) — народный социалист, историк, белоэмигрант 126, 248
- Менаш, Луис (Menashe, Louis), род. 1935 г. — преподаватель Нью-Йоркского политехнического института 238
- Миллер, В. И. — советский историк 196, 247, 249, 256
- Милюков, П. Н. (1859—1943) — лидер партии кадетов, белоэмигрант 55, 91, 100, 109, 114, 115, 123, 146, 156, 171, 211, 246, 248, 253
- Минни, Руби Джеймс (Minney, Rubeigh James) — английский журналист 245
- Мишц, И. И. — советский историк, академик 131, 196, 197, 231, 235, 238, 245, 247—249, 251, 252, 254, 256, 257, 259
- Михаил Александрович (Романов) — великий князь, брат Николая II 115, 126, 127, 171
- Миэли, Ренато (Mieli, Renato) — итальянский социолог, директор Миланского центра исследования социально-экономических проблем 169, 253
- Моргентау, Ганс (Morgenthau, Hans), род. 1904 г. — американский политолог, профессор Чикагского ун-та 8, 41, 42
- Мосс, Вернер (Mosse, Werner), род. 1918 г. — профессор ун-та, г. Норвич, Англия 11, 50, 95, 105, 168, 253
- Мур, Баррингтон (Moore, Bar-
 ington) — профессор Гарвардского ун-та, США 27
- Мэндел, Артур (Mendel, Arthur), род. 1927 г. — профессор Мичиганского ун-та, г. Эн-Арбор, США 70, 89, 110, 111, 124, 170, 246, 248, 253
- Наумов, В. П. — советский историк 259
- Наумов, Н. В. — советский историк 14, 252
- Невинс, Аллан (Nevins, Allan) — историк, профессор Колумбийского ун-та, США 21
- Нейл, Дж. (Neill, J.) — американский «советолог» 232
- Некрасов, Н. В. — кадет, в 1917 г. — министр Временного правительства, депутат IV Думы 114
- Нетл, Питер Дж. (Nettl, Peter John) (1926—1968) — английский социолог 161
- Нечаев, С. Г. (1847—1882) — русский революционер, заговорщик анархистского толка 175
- Николай II (Романов) (1868—1918) — последний русский император 50, 52, 69, 94, 95, 100, 101, 115, 116, 125, 126, 138, 171, 244
- Нисбет, Роберт (Nisbet, Robert), род. 1913 г. — профессор социологии Калифорнийского ун-та, г. Риверсайд, США 19, 233
- Нординг, Б. (Nording, B.) — английский историк 231
- Оберлендер, Эрвин (Oberländer, Erwin), род. 1937 г. — западногерманский историк, сотрудник Федерального института восточных и международных исследований, г. Кельн 95, 96
- Обичкин, О. Г. — советский историк 259
- Оболенский, В. А. — член ЦК кадетской партии 109

- Овермэн, Ли С. (Overman, Lee S.) — сенатор от штата Сев. Каролина, конгресс США 65-го состава 162
- Осипова, Т. В. — советский историк 249, 255
- Оуэн, Ланселот (Owen, Lancelot) — австралийский историк 62, 239
- Пайпс, Ричард (Pipes, Richard), род. 1923 г. — профессор Гарвардского ун-та, США 7, 39, 41, 47, 95, 187, 194, 232, 235, 236, 244, 246, 253, 254, 258
- Панкратова, А. М. — советский ученый, академик 238
- Панкратова, М. Г. — советский историк 244
- Парвус (Гельфанд), А. Л. (1869—1924) — в начале 900-х годов работал в германской социал-демократии, примыкал к меньшевикам. В годы мировой войны — социал-шовинист, агент германского империализма 77
- Пахтер, Генри (Pachter, Henry), род. 1907 г. — профессор городского колледжа, Нью-Йорк, США 241
- Пейн, Роберт (Payne, Robert), род. 1911 г. — американский журналист 250, 258
- Перри, Морин (Perrie, Maureen), род. 1940 г. — английский историк 63, 235, 239, 241
- Петибридж, Роджер (Pethybridge, Roger) — английский «советолог», колледж г. Суонси, Уэльс 143, 176—178, 186, 232, 250, 253, 254
- Петров, А. П. — советский историк 15
- Петров, И. Ф. — советский историк 252
- Пинчук, Бен-Цион (Pinchuk, Ben-Cion) — сотрудник Тельавивского ун-та, Израиль 240
- Пирс, Ричард (Pierce, Richard), род. 1918 г. — профессор Куинз колледжа, Канада 67, 186, 240
- Пирсон, Майкл (Pearson, Michael) — американский журналист 140, 161, 228, 245, 250
- Плеве, В. К. (1846—1904) — реакционный государственный деятель царской России, в 1902—1904 гг. — министр внутренних дел 47
- Плеханов, Г. В. (1856—1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России. После II съезда РСДРП — меньшевик 78, 111
- Погребинский, А. П. — советский историк 245
- Поликарпов, В. Д. — советский историк 253
- Помпер, Филипп (Pomper, Philip), род. 1936 г. — преподаватель ун-та в г. Мидлтон, США 242
- Попов, С. И. — советский философ 234
- Поспеловский, Дмитрий (Pospielovsky, Dimitry), род. 1935 г. — преподаватель ун-та провинции Зап. Онтарио, Канада 96, 190, 244, 255
- Поссони, Стефан (Possony, Stephan T.), род. 1913 г. — профессор Института войны, революции и мира, г. Стэнфорд, США 26, 161, 191, 255
- Потресов, А. Н. (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма 137
- Прешак, Ален (Prechas, Alain) — французский историк 240
- Пушкарев, С. Г., род. 1888 г. — профессор в отставке, США 51, 63, 124, 236, 237, 239, 240, 248
- Пушкарева, И. М. — советский историк 85, 243
- Пэрс, Бернард (Pares, Bernard) (1867—1949) — профессор

- Лондонского ун-та 54, 62, 68, 135, 195, 235, 237, 239, 240, 256
- Пясковский, А. В. — советский историк 238, 239
- Рабинович, Александр (Rabinowitch, Alexander), род. 1934 г. — профессор Индианского ун-та, г. Блумингтон, США 191, 206, 227, 255, 256, 258, 261
- Радищев, А. Н. (1749—1802) — выдающийся русский революционный мыслитель, писатель 41
- Распутин (Новых), Г. Е. (1872—1916) — авантюрист, пользовавшийся большим влиянием при дворе Николая II 100, 244, 245
- Раупах, Ганс (Raupach, Hans), род. 1903 г. — профессор Мюнхенского ун-та, ФРГ 160, 251
- Раух, Георг фон (Rauch, Georg von), род. 1904 г. — профессор Кильского ун-та, ФРГ 7, 47, 236
- Рашин, А. Г. — советский историк 188, 246, 254
- Ревель, Жан-Франсуа (Revel, Jean-François) — французский социолог 179, 253
- Рекс, Джон (Rex, John), род. 1925 г. — английский социолог, профессор 154, 251
- Рен, Мелвин (Wren, Melvin), род. 1910 г. — профессор ун-та штата Монтана, г. Толидо, США 39, 70, 234, 235, 240, 242
- Решетар, Джон (Reshetar, John S. jr.), род. 1924 г. — профессор Вашингтонского ун-та, США 236, 258
- Рид, Джон (Reed, John) (1887—1920) — видный деятель американского рабочего движения, писатель и публицист 157
- Римлингер, Гастон (Rimlinger, Gaston), род. 1926 г. — профессор экономики ун-та Райс, г. Хьюстон, США 57, 238
- Римша, Ганс (Rimscha, Hans von), род. 1899 г. — профессор Эрлангенского ун-та, ФРГ 167, 252
- Риха, Томас (Riha, Thomas), (1929—1969) — преподаватель Колорадского ун-та, США 95, 169, 253
- Ричардс, Гай (Richards, Guy) — американский журналист 100
- Робертс, Генри (Roberts, Henry L.) (1916—1972) — профессор Колумбийского ун-та, США 37, 43, 194, 234
- Робинсон, Джероид (Robinson, Geroid T.) (1892—1971) — профессор Колумбийского ун-та, США 62, 64, 239
- Роггер, Ганс (Rogger, Hans), род. 1923 г. — профессор ун-та, г. Лос-Анджелес, США 95, 166
- Родзянко, М. В. (1859—1924) — один из лидеров партии октябристов, монархист, председатель IV Думы 114, 125—127, 156, 246, 248
- Розенберг, Уильям (Rosenberg, William) — преподаватель Мичиганского ун-та, г. Эн-Арбор, США 169, 199, 253, 257
- Романов, Алексей — сын последнего русского императора 100, 126
- Романовский, Н. В. — советский историк 15, 256
- Романовы — династия русских царей и императоров 41, 100, 125, 146
- Росс, Эдвард (Ross, Edward) (1866—1951) — американский социолог, публицист 162, 252
- Ростов, Уолтер (Rostow, Walter), род. 1916 г. — профессор Массачусетского технологического института, США 23, 28—31, 233, 234
- Рубан, Н. В. — советский историк 257

- Руфман, Карл Хайнц (Ruffman, Karl Heinz), род. 1922 г. — преподаватель Эрлангенского ун-та, ФРГ 161
- Рыкалов, В. С. — советский историк 259
- Рэдки, Оливер (Radkey, Oliver H.), род. 1909 г. — профессор Техасского ун-та, г. Остин, США 201, 211, 232, 258
- Рязановский, Николай (Riasanovsky, Nicholas), род. 1923 г. — профессор Калифорнийского ун-та, г. Беркли, США 258
- Саблинский, Уолтер (Sablinsky, Walter), род. 1929 г. — преподаватель Вирджинского ун-та, г. Шарлотсвилл, США 84, 232, 235, 237, 242, 243
- Савельев, Ю. С. — советский историк 243
- Садуль, Жак (Sadoul, Jaques) (1881—1956) — офицер французской армии; под влиянием Октябрьской революции стал сторонником коммунистических идей, публицист 157
- Сазонов, С. Д. (1860—1927) — дипломат, с 1910 по 1916 г. министр иностранных дел царского правительства, белоэмигрант 156
- Салов, В. И. — советский историк 10, 14, 15, 232, 233, 252, 259
- Саломон, Жан-Жак (Salomon, Jean-Jaques), род. 1929 г. — французский социолог 8
- Самнер, Бенедикт (Sumner, Benedict) (1893—1951) — английский историк, профессор Оксфордского ун-та 49, 236, 239, 240
- Саттон, Антони (Sutton, Antony) — сотрудник Института войны, революции и мира, г. Стэнфорд, США 161, 252
- Свешников, Н. Ф., род. 1888 г. — в конце 1916 — начале 1917 г. — член Выборгского райкома большевистской партии 121, 247
- Селезнев, Г. К. — советский историк 260
- Семанов, С. Н. — советский историк 259
- Сенн, Альфред (Senn, Alfred), род. 1932 г. — профессор Висконсинского ун-та, г. Мэдисон, США 196, 256
- Сенчакова, Л. Т. — советский историк 238, 242
- Сидоров, А. Л. — советский историк 245, 252
- Сиссон, Эдгар (Sisson, Edgar) — американский журналист, очевидец Октябрьской революции, антисоветчик 162
- Ситон-Уотсон, Хью (Seton-Watson, G. Hughes N.), род. 1916 г. — профессор Лондонского ун-та 47, 52, 57, 66, 94, 95, 194, 200, 236—238, 257
- Скобелев, М. И. (1885—1939) — меньшевик, депутат IV Думы 130
- Скрыпник, Н. А. (1872—1933) — в 1917 г. секретарь Центрального совета ФЗК Петрограда, активный участник Октябрьской революции 191
- Слаухин, Н. А. — советский историк 241
- Слонимский, А. Г. — советский историк 246
- Смилг-Бенарио, Михаил (Smilg-Benario, Michael) — очевидец революций 1917 г., германский публицист 229, 261
- Смирнов, А. С. — советский историк 322
- Смит, Натан (Smith, Nathan), род. 1930 г. — профессор колледжа, г. Честертаун, США 109, 245
- Сноу, Джордж (Snow, George E.), род. 1939 г. — профессор Шиппенсбергского колледжа, США 57, 238
- Соболев, П. Н. — советский историк 255
- Соколов, Н. Д. (1870—1928) —

- социал-демократ, адвокат 149
- Сол, Норман (Saul, Norman), род. 1932 г. — преподаватель Канзасского ун-та, США 257
- Сомов, С. И. (И. М. Пескин) — глава петербургских меньшевиков в канун революции 1905—1907 гг. 76
- Спектор, Айвар (Spector, Ivar), род. 1898 г. — профессор Вашингтонского ун-та, США 235, 237, 239
- Спирин, Л. М. — советский историк 245, 246, 247
- Ставру, Теофанис (Stavrou, Theophanis), род. 1934 г. — профессор Миннесотского ун-та, г. Миннеаполис, США 232, 240, 243
- Станкевич, В. Б. — член партии народных социалистов; в 1917 г. — комиссар Временного правительства 114, 127, 246, 248
- Стеффенс, Линкольн (Steffens, Lincoln) (1886—1936) — американский журналист, очевидец Октябрьской революции 157
- Стифенсон, Грэм (Stephenson, Graham) — профессор одного из английских колледжей 46, 48, 236, 237
- Столыпин, П. А. (1862—1911) — государственный деятель царской России, крупный помещик; в 1906—1911 гг. — председатель Совета министров, министр внутренних дел 96, 99
- Страховский, Л. И. (1898—1963) — эмигрант, преподавал в ун-тах США и Канады 229
- Стромберг, Роланд (Stromberg, Roland), род. 1916 г. — профессор Висконсинского ун-та, г. Милуоки, США 17
- Струве, П. Б. (1870—1944) — буржуазный экономист и публицист, один из лидеров партии кадетов 100
- Струмилин, С. Г. (1877—1974) — советский экономист, академик 252
- Суворов, К. И. — советский историк 237
- Сунни, Рональд (Sunny, Ronald), род. 1938 г. — преподаватель Оберлинского колледжа, штат Огайо, США 87, 232, 243
- Суханов Н. (Гиммер, Н. Н.) (1882—1940) — в 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета; сотрудничал в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» 122, 125, 247
- Такер, Роберт (Tucker, Robert), род. 1918 г. — профессор Принстонского ун-та, США 19, 37, 223, 233, 234, 261
- Тарасевич, Л. Е. — советский историк 256
- Темкин, Я. Г. — советский историк 250
- Теплов — генерал, командующий Петроградским военным округом в августе 1917 г. 174
- Терехов, И. С. — советский историк 259
- Тимберлейк, Чарлз (Timberlake, Charles); род. 1935 г. — преподаватель Миссурийского ун-та, г. Колумбия, США 244
- Типс, Дин (Tipps, Dean C.) — сотрудник Калифорнийского ун-та 32, 234
- Титаренко, С. Л. — советский историк 241
- Товальери, Альберто (Tovaglieri, Alberto), род. 1943 г. — итальянский историк, сотрудник Туринского ун-та 238
- Токарев, Ю. С. — советский историк 248, 252, 254
- Толь, Н. — эмигрантский историк 234
- Тольятти, Пальмиро (1893—1964) — выдающийся деятель итальянского и между-

- народного коммунистического и рабочего движения 157
- Томас, Альберт (Thomas, Albert) (1878—1932) — французский политический деятель, социал-швинист 122
- Томашич, Динко (Tomasic, Dinco), род. 1902 г. — профессор социологии Индианского ун-та, г. Блумингтон, США 35, 234
- Томпкинс, Стюарт (Tompkins, Stuart R.), род. 1886 г. — профессор Оклахомского ун-та, США 35, 49, 170, 234, 236, 237, 239, 253
- Томпсон, Артур (Thompson, Arthur) (1920—1965) — профессор Флоридского ун-та, США 235
- Томпсон, Джон (Thompson, John M.), род. 1926 г. — профессор Индианского ун-та, г. Блумингтон, США 69, 215, 217, 240, 260
- Торнтон, Томас (Thornton, Thomas), род. 1931 г. — сотрудник Принстонского ун-та, США 179, 253
- Трапезников, С. П. — советский историк, член-корреспондент АН СССР 242, 243
- Тропин, В. И. — советский историк 243
- Троцкий (Бронштейн), Л. Д. (1879—1940) — центрист, вел борьбу против политики партии большевиков, злейший враг ленинизма. Исключен из партии, лишен советского гражданства 76—78, 134, 205, 206, 241
- Трубецкой, Н. — эмигрантский историк 234
- Трукан, Г. А. — советский историк 254
- Тредголд, Дональд (Treadgold, Donald), род. 1932 г. — профессор Вашингтонского ун-та, США 95, 118, 234, 241
- Туған-Барановский, М. И. (1865—1919) — русский буржуазный экономист 120
- Тэден, Эдвард (Thaden, Edward), род. 1922 г. — профессор Иллинойского ун-та, США 236, 256
- Тэйлор, Эдмонд (Taylor, Edmond) — американский журналист 135
- Уайлдмен, Алан (Wildman, Alan), род. 1927 г. — преподаватель ун-та штата Нью-Йорк, г. Стони-Брук, США 247
- Уильямс, Гарольд (Williams, Harold W.) (1861—1928) — английский историк и этнограф, профессор Лондонского ун-та 256
- Улам, Адам (Ulam, Adam B.), род. 1922 г. — профессор Гарвардского ун-та, США 7, 72, 74, 106, 119, 160, 169, 191, 194, 202, 206, 208, 238, 240—242, 245, 247, 252, 255, 258, 259
- Улдрикс, Теодор (Uldricks, Theodor), род. 1943 г. — преподаватель Калифорнийского ун-та, г. Риверсайд, США 190, 194, 195, 200, 255
- Уллман, Ричард (Ullman, Richard), род. 1933 г. — преподаватель Принстонского ун-та, США 215, 260
- Уолкин, Джэкоб (Walkin, Jacob), род. 1917 г. — американский историк, чиновник Госдепартамента 51, 54, 63, 78, 107, 108, 117, 236, 237, 239, 245, 247
- Уолфф, Роберт (Wolff, Robert), род. 1915 г. — профессор Гарвардского ун-та, США 4
- Уорс, Роберт (Warth, Robert), род. 1921 г. — профессор ун-та Кентукки, США 4, 157, 209, 213, 214, 216, 231, 251, 260
- Утехин, С. В. — преподаватель Лондонского ун-та 37
- Уэйд, Рекс (Wade, Rex), род. 1936 г. — профессор Гавайского ун-та, США 166, 194, 199, 200, 240

- Фабер, Карл-Георг (Faber, Karl-Georg) — профессор Саарского ун-та, ФРГ 17
- Федотов, Б. В. — советский историк 231
- Ферро, Марк (Ferro, Marc) — профессор Высшей школы практических исследований, Париж 8, 220, 260
- Фишер, Джордж (Fischer, George), род. 1932 г. — преподаватель Колумбийского ун-та, США 47, 56, 236, 237
- Флоринский, М. Т., род. 1894 г. — эмигрант, профессор Колумбийского ун-та, США 49, 62, 91, 133, 135, 236, 239
- Фойер, Льюис (Feuer, Lewis), род. 1912 г. — профессор социологии Торонтского ун-та, Канада 25, 26, 234
- Фостер, Уильям (1881—1961) — деятель американского и международного рабочего движения 157, 158, 162, 251, 252
- Фрейд, Зигмунд (Freud, Sigmund) (1856—1939) — австрийский психолог 25
- Фрелих, Клаус (Frölich, Klaus) — западногерманский историк, Бохумский ун-т 48
- Фрэнкел, Джонатан (Frankel, Johnathan) — преподаватель ун-та г. Иерусалим, Израиль 258
- Футмэн, Дэвид (Footman, David), род. 1895 г. — английский «советолог», Оксфордский ун-т 90
- Футрелл, Майкл (Futrell, Michael), род. 1927 г. — профессор ун-та Британская Колумбия, г. Ванкувер, Канада 95
- Фэнсод, Мерл (Fainsod, Merle) (1907—1972) — профессор Гарвардского ун-та, США 78, 86, 194, 238, 241, 243
- Хабалов, С. С. — царский генерал, в феврале 1917 г. — командующий войсками Петроградского военного округа 126
- Халипов, А. С. — советский историк 241
- Хант Кэрю, Р. (Hunt-Carew, R. N.) — сотрудник Оксфордского ун-та, Англия 161, 252
- Хантингтон, Сэмюэл (Huntington, Samuel), род. 1927 г. — профессор права Гарвардского ун-та, США 26
- Харкейв, Сидни (Harcave, Sidney), род. 1916 г. — профессор ун-та г. Бингхэмптон, США 48, 52, 54—56, 63, 66, 235—237, 239, 244
- Харт, Роберт (Hart, Robert), род. 1929 г. — преподаватель Массачусетского ун-та, США 235
- Хартвелл, Рональд (Hartwell, Ronald), род. 1921 г. — английский историк, преподаватель Оксфордского ун-та 24
- Хасанов, Х. Х. — советский историк 240
- Хасегава, Цуеши (Hasegawa, Tsuyoshi), род. 1941 г. — преподаватель ун-та штата Нью-Йорк, г. Освего, США 118, 119, 127, 128, 134, 247—249, 257
- Хедингер, Г.-В. (Hedinger, H.-W.) — западногерманский историк 17, 233
- Хедлин, Мирон (Hedlin, Myron), род. 1944 г. — преподаватель ун-та Огайо, г. Коламбус, США 228
- Хесин, С. С. — советский историк 254
- Хингли, Рональд (Hingley, Ronald) — преподаватель Оксфордского ун-та, Англия 241
- Хир, Нэнси (Heer, Nancy) — сотрудник Гарвардского ун-та, США 10, 232
- Хоскинг, Джоффри (Hosking, Geoffrey), род. 1942 г. — преподаватель Эссекского ун-та, Англия 8, 55, 97, 98, 102, 232, 237, 240, 244

- Хоф, Ричард (Hough, Richard) — английский журналист 237
- Хук, Сидней (Hook, Sidney), род. 1902 г. — профессор, старший научный сотрудник Института войны, революции и мира, г. Стэнфорд, США 19
- Хэймсон, Леопольд (Haimson, Leopold), род. 1917 г. — профессор Колумбийского ун-та, США 50, 91, 92, 96, 103, 108, 111, 135—137, 187, 240, 244, 245, 249
- Хэммонд, Томас (Hammond, Thomas), род. 1920 г. — профессор ун-та штата Вирджиния, США 186, 221, 254, 260
- Церетели, И. Г. (1882—1959) — один из лидеров меньшевизма, министр Временного правительства 247
- Цеткин, Клара (1857—1933) — выдающийся деятель германского, международного рабочего и коммунистического движения 157
- Чемберлин, Уильям (Chamberlin, William) (1897—1969) — американский журналист, «советолог» 134, 168, 186, 213, 253, 254, 259
- Черепнин, Л. В. — советский историк, академик 235
- Черменский, Е. Д. — советский историк 236, 237, 244—246, 248
- Чернов, В. М. (1876—1952) — один из лидеров партии эсеров, министр Временного правительства 211
- Черняк, Е. Б. — советский историк 66, 235, 239
- Чубарьян, А. О. — советский историк 260
- Чхендзе, Н. С. (1864—1926) — один из лидеров меньшевизма, депутат III и IV Дум, член Временного комитета Думы 130, 147
- Шабулин, М. Н. (1887—1925) — член партии РСДРП с 1904 г., большевик, активный участник трех революций 86
- Шайберт, Петер (Scheibert, Peter), род. 1915 г. — профессор Марбургского ун-та, ФРГ 8, 201
- Шанин, Теодор (Shanin, Theodore), род. 1930 г. — профессор социологии Манчестерского ун-та, Англия 239
- Шапиро, Леонард (Schapiro, Leonard), род. 1908 г. — профессор Лондонского ун-та 7, 73, 79, 118, 124, 135, 136, 148, 172, 227, 228, 236, 240—242, 244, 245, 247, 249, 250
- Шацилло, К. Ф. — советский историк 236
- Шварц, Г. (Swartz, H.) — американский журналист 235
- Шварц, С. М. (1883—1973) — меньшевик, эмигрант 46, 56, 83, 235, 237, 240, 242, 243
- Шелохаев, В. В. — советский историк 14, 237, 239, 244, 245
- Шидер, Теодор (Schieder, Theodore) — западногерманский историк, профессор Кельнского ун-та 29, 234
- Шидловский, Н. В. (1843—1907) — помещик, сенатор, член Государственного совета 70, 83
- Шлейер, Ганс (Schleier, Hans) — историк ГДР 20, 233
- Шлихтер, А. Г. (1868—1940) — советский государственный и партийный деятель, член партии с 1891 г. 84
- Шляпников (Беленин), А. Г. (1885—1937) — в годы первой мировой войны был связным между Русским и Заграничным бюро ЦК РСДРП 142, 250, 251
- Шмелев, А. Н. — советский историк 241

- Шморгун, П. М. — советский историк 240
- Шмыгин, И. П. — советский историк 243
- Шопенгауэр, Артур (Schopenhauer, Arthur) (1788—1860) — немецкий философ-идеалист 38
- Штайнберг Ханс-Иозеф (Steinberg, Hans-Josef) — профессор Бременского ун-та, ФРГ 154
- Шуб, Давид (1884—1973) — меньшевик, эмигрант 198, 257
- Шукман, Гарольд (Shukman, Harold), род. 1931 г. — преподаватель Оксфордского ун-та, Англия 7, 196, 239, 242, 249, 256
- Шулман, Маршалл (Shulman, Marshall), род. 1916 г. — профессор Колумбийского ун-та, США 232
- Шульгин, В. В., (1878—1976) — помещик, депутат II, IV Дум, монархист, один из руководителей партии «националистов» 113, 246
- Шульц, Лотар (Schultz, Lothar), род. 1904 г. — профессор Геттингенского ун-та, ФРГ 95
- Шуман, Фредерик (Schuman, Frederick L.), род. 1904 г. — профессор колледжа Вильямса, США 160, 214, 252, 260
- Шустер, У. А. — советский историк 242, 243
- Эллисон, Герберт (Ellison, Herbert), род. 1929 г. — профессор Вашингтонского ун-та, США 236
- Эльвуд, Ральф Картер (Elwood, Ralph Carter), род. 1936 г. — преподаватель Карлтонского ун-та, г. Оттава, Канада 87, 232, 239, 241, 243
- Энгельс, Фридрих (1820—1895) 12, 19, 22, 27, 77, 78, 179, 180, 219, 233, 235, 242, 253
- Эптер, Дэвид (Apter, David), род. 1924 г. — профессор Калифорнийского ун-та, г. Беркли, США 28, 234
- Эшер, Абраам (Ascher, Abraham), род. 1928 г. — преподаватель Бруклинского колледжа, Нью-Йорк 108, 232, 238
- Юренев, К. К. (1888—1938) — с 1913 по июль 1917 г. — один из руководителей межрайонной организации в Петрограде; на VI съезде принят в партию большевиков 148, 250
- Юсупов, Ф. Ф. (1887—1967) — князь, один из участников убийства Распутина 156
- Яблоновский, Хорст (Jablonowski, Horst) (1914—1970) — профессор Боннского ун-та, ФРГ 220, 260
- Яковлев, Н. Н. — советский историк 238
- Якушевский, И. Т. — советский философ 256
- Якушина, А. П. — советский историк 250

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I	
Теория в конфликте с действительностью	16
Бесплодные нападки на марксизм	19
Буржуазные концепции социальной революции	24
Поиски «глобального прототипа» общественного развития	28
Теория «русской исключительности»	33
II	
Миф о революции... без революционеров	44
В плену тенденциозности. Предпосылки первой революции в Рос- сии	49
Три лагеря или «две России»? Проблема расстановки полити- ческих сил	54
Версия о «пассивности» большевиков в революции 1905—1907 гг.	71
III	
Легенда о «спонтанной революции»	89
Поиски альтернативы крушения царизма	90
«Загадка» Февраля: концепция «стихий» и концепция «заговора»	105
И снова версия о «революции без большевиков»	133
IV	
Великий Октябрь, большевики и «советология»	154
Концепция «случайности»	156
Теория «русского феномена»	167
Пролетарская революция... без пролетариата	185
Большевики в Октябре и мифы «советологии»	193
«Советологические» легенды о гражданской войне и интервенции	208
Заключение	219
Источники и литература	231
Указатель имен	262

ИБ № 337

**Марушкин Борис Ильич
Иоффе Генрих Зиновьевич
Романовский Николай Валентинович**

**ТРИ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ
И БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Заведующий редакцией В. С. Антонов
Редактор Ю. В. Мочалова
Младший редактор Е. Р. Зазульская
Оформление художника А. Ф. Сергеева
Художественный редактор В. А. Захарченко
Технический редактор Л. Е. Пухова
Корректор В. С. Матвеева

Сдано в набор 31 мая 1977 г. Подписано в печать 28 сентября 1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типограф. № 1. Усл. печатных листов 14,70. Учетно-издательских листов 16,36. Тираж 6000 экз. А 07778. Заказ № 624. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

1b.50x.

